

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Explorer of Mongolia A.D.Simukov Letters, Diaries, Documents

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2021-04-13 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: 小長谷, 有紀, Симукова, Наталия メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00009713

IV Монголия. Список документов

IV 1	<i>А.Д.Симуков – С.А.Кондратьеву. 15 октября 1926.</i>	139
IV 2	<i>А.Д.Симуков – П.К.Козлову. 25 декабря 1926</i>	140
IV 3	<i>А.Д.Симуков – С.А.Кондратьеву. 6 января 1927.</i>	143
IV 4	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 22 января 1927.</i>	145
IV 5	<i>А.Д.Симуков – Е.В.Козловой . 20 марта 1927.</i>	147
IV 6	<i>А.Д.Симуков – П.К.Козлову. 31 июля 1927</i>	151
IV 7	<i>Москва – Уланбатор. Апрель 1927. Запись рассказа М.А.Симуковой. 27 декабря 1989</i>	152
IV 8	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 30 июля 1927.</i>	153
IV 9	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 10 января 1928.</i>	155
IV 10	<i>А.Д.Симуков – П.К.Козлову. 15 февраля 1928.</i>	159
IV 11	<i>Моя первая экспедиция (1927). Запись рассказа М.А.Симуковой. 26 декабря 1989</i>	163
IV 12	<i>Экспедиция 1927 г. Записки М.А.Симуковой. 1980-е.</i>	164
IV 13	<i>М.А.Симукова – Е.Э.Будовской. 22 июня 1986.</i>	165
IV 14	<i>М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 13 июня 1978.</i>	166
IV 15	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 21 апреля 1928.</i>	166
IV 16	<i>А.Д.Симуков – О.Я.Пейкер. 14 мая 1928.</i>	169
IV 17	<i>А.Д.Симуков - Ал.Д.Симукову. Май-июнь 1928.</i>	172
IV 18	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 19 июля 1928.</i>	176
IV 19	<i>А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 6 декабря 1928.</i>	178
IV 20	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 25 декабря 1928.</i>	183
IV 21	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 21 апреля 1929.</i>	186
IV 22	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 мая 1929.</i>	188
IV 23	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 17 июля 1929.</i>	189
IV 24	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 10 августа 1929.</i>	193
IV 25	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 января 1930.</i>	195
IV 26	<i>Нацагдордж (1929–1930). Запись рассказа М.А.Симуковой. 27 декабря 1989</i>	197
IV 27	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 30 июля 1930.</i>	197
IV 28	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 11 января 1931.</i>	199
IV 29	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 15 января 1931.</i>	200
IV 30	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 27 февраля 1931.</i>	202
IV 31	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 19 января 1932.</i>	203
IV 32	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 мая 1932.</i>	204
IV 33	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 декабря 1932.</i>	205
IV 34	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 30 декабря 1932.</i>	206
IV 35	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 17 февраля 1933.</i>	207

IV 36	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 25 апреля 1933.</i>	209
IV 37	<i>А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 20 сентября 1933.</i>	210
IV 38	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 26 сентября 1933.</i>	212
IV 39	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 2 октября 1933.</i>	213
IV 40	<i>Удостоверение. 3 ноября 1933.</i>	214
IV 41	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 10 декабря 1933.</i>	215
IV 42	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 20 декабря 1933.</i>	217
IV 43	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 января 1934.</i>	217
IV 44	<i>А.Д.Симуков – Н.Я. Симуковой. 6 февраля 1934.</i>	219
IV 45	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 13 февраля 1934.</i>	219
IV 46	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 25 марта 1934.</i>	221
IV 47	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. Апрель 1934.</i>	222
IV 48	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 25 августа 1934.</i>	224
IV 49	<i>М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 17 октября 1934.</i>	226
IV 50	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 ноября 1934.</i>	227
IV 51	<i>М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 14 ноября 1934.</i>	228
IV 52	<i>М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 21 ноября 1934.</i>	229
IV 53	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 декабря 1934.</i>	230
IV 54	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 2 декабря 1934.</i>	232
IV 55	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 5 января 1935.</i>	235
IV 56	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 февраля 1935.</i>	236
IV 57	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 4 января 1935.</i>	237
IV 58	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 28 февраля 1935.</i>	239
IV 59	<i>А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 21 февраля 1935.</i>	240
IV 60	<i>Доверенность. 18 февраля 1935.</i>	245
IV 61	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 22 февраля 1935.</i>	247
IV 62	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 16 марта 1935.</i>	250
IV 63	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 апреля 1935.</i>	252
IV 64	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 29 мая 1935.</i>	252
IV 65	<i>М.А.Симукова – Ал.Д.Симукову. 8 июня 1935.</i>	253
IV 66	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 16 июня 1935.</i>	254
IV 67	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 2 сентября 1935.</i>	255
IV 68	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 27 сентября 1935.</i>	258
IV 69	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 27 сентября 1935.</i>	259
IV 70	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 27 октября 1935.</i>	261
IV 71	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 18 ноября 1935.</i>	262
IV 72	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 10 ноября 1935.</i>	263
IV 73	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 2 декабря 1935.</i>	265
IV 74	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 18 декабря 1935.</i>	266
IV 75	<i>А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 1 декабря 1935.</i>	267

IV 76	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 28 декабря 1935.</i>	268
IV 77	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 14 января 1936.</i>	268
IV 78	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <Февраль 1936>.</i>	269
IV 79	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 10 марта 1936.</i>	272
IV 80	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 23 марта 1936.</i>	273
IV 81	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 31 марта 1936.</i>	273
IV 82	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 31 марта 1936.</i>	274
IV 83	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 10 апреля 1936.</i>	274
IV 84	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 17 апреля 1936.</i>	274
IV 85	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <Апрель - май 1936>.</i>	275
IV 86	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 9 мая 1936.</i>	276
IV 87	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 22 мая 1936.</i>	276
IV 88	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 19 июня 1936.</i>	276
IV 89	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 26 июня 1936.</i>	277
IV 90	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 26 июня 1936.</i>	278
IV 91	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 1 сентября 1936.</i>	278
IV 92	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 1 сентября 1936.</i>	279
IV 93	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 17 октября 1936.</i>	280
IV 94	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <Ноябрь-декабрь 1936>.</i>	280
IV 95	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <12 декабря 1936>.</i>	280
IV 96	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <6 января 1937></i>	280
IV 97	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 6 июня 1937.</i>	281
IV 98	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <1 июня 1937>.</i>	281
IV 99	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <2 сентября 1937>.</i>	282
IV 100	<i>Автобиография Симукова . 11 сентября 1937.</i>	282
IV 101	<i>А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 16 октября 1937.</i>	290
IV 102	<i>А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 22 октября 1937.</i>	290
IV 103	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 4 ноября 1937.</i>	290
IV 104	<i>А.Д.Симуков - Н.Я.Симуковой. 29 декабря 1937.</i>	290
IV 105	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 18 <января – февраля> 1938.</i>	291
IV 106	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <Март - апрель 1938>.</i>	291
IV 107	<i>А.Д.Симуков - Н.Я., М.А., Н.А.Симуковыми. <Август 1938>.</i>	292
IV 108	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 1сентября 1938.</i>	292
IV 109	<i>А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. <Сентябрь - октябрь> 1938.</i>	292
IV 110	<i>А.Д.Симуков – Н.Я., М.А.Симуковыми. <Январь-февраль> 1939.</i>	293
IV 111	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 2 августа 1939.</i>	294
IV 112	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой и Н.Я.Симуковой.</i>	

	<i><2 августа 1939>.</i>	296
IV 113	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 28 августа 1939.</i>	297
IV 114	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 2 сентября 1939.</i>	298
IV 115	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. Август 1939.</i>	299
IV 116	<i>НКСвязи СССР – Н.Я.Симуковой. <Октябрь - ноябрь> 1939.</i>	299

IV 1 *А.Д.Симуков – С.А.Кондратьеву*¹⁾. 15 октября 1926.

15/X/26 г.

<хуре Дашидогун>

<в Уланбатор>

Дорогой Сергей Александрович!

Пишу Вам из вольных степей Хангая, с золотых россыпей Байдарика. В Урге Вы наверно уже знаете все подробности и те обстоятельства, при которых я остался в Монголии. посох странника оказался для меня дороже всех других выкладок – и вот я снова на воле, в горах. История с Учкомом провалилась²⁾, надеюсь, временно. Я на службе в Миннархозе³⁾, наворачиваю по-немецки, по-монгольски и по части съёмки⁴⁾. Написал жене, чтобы ехала сюда и думаю закопаться на порядочное время. Очень жалко и досадно мне, что не мог я дожидаться Вас в Урге⁵⁾ и не застаю Вас, вероятно, по возвращении⁶⁾, т.к. обратно буду не ранее, вероятно, 1 декабря.

Не знаю совершенно Ваших планов на будущее, в связи с сокращением Учкома⁷⁾, а как хотелось бы быть здесь в Монголии с Вами! Помните весенние наши планы?

Пребывание до конца в экспедиции принесло пользу только в практическом смысле, да отчасти в смысле «радостей странничества», т.к. я повидал Хара-хото, почувствовал дыхание Великой Гоби, а там, за ней, ледников Нань-шаня. О всех этих вещах, впрочем, в письме, да еще в походе, разговаривать трудно. Нужно говорить непосредственно. В смысле же внутреннем я сделал, если вообще что-либо сделалось, весьма мало. Главная причина Вам известна – отсутствие моей жены. Если она сумеет приехать – для меня начнется настоящая жизнь, а не вечное ожидание.

С папиком⁸⁾ расстался хорошо, хотя он на что-то озлился и устроил мне на Эцзин-голе⁹⁾ совершенно небывалый разнос.

Единственное, что я предполагаю впереди – держаться Учкома и при первой возможности перейти туда, хотя бы и на небольшой оклад. Может быть, уйду куда-нибудь в лесничество, в Кентей.

Узнав, что Вы поехали к Кентей-хану с Чухломиным¹⁰⁾, я был в восторге. Кентей и он – комбинация хорошая. Я это, как Вы знаете, испытал.

Тяжелее всего мне было, когда уезжала экспедиция, расставаться с Котей¹¹⁾ и Елизаветой Владимировной¹²⁾, да об этом Вам и говорить не нужно.

Сейчас я просто не в состоянии писать Вам много и подробно. Сижусь в отделении Монценкопа¹³⁾ хуре¹⁴⁾ Дашидогун (на 40-верстке не ищите, а см. там примерно ологой¹⁵⁾ на дороге Пекин – Улясутай, к О от вершин Байдарика). Дела много, интересно, но, повторяю, жизнь не полна.

Думаю я, что поразмыслив Вы поймете, как мне хочется видеть Вас, говорить с вами и как тяжело думать, что это, может быть, удастся не скоро. Напишите, будьте добреньки, мне письмо и оставьте его в Учкоме. Писать (из Урги) я буду Вам часто и сделаю для Вас всегда, что могу.

Если к Вам никто не приходил от моего имени и если у Всесвятских¹⁶⁾ не лежит для Вас ничего от меня – спросите в Монголбанке шофера Крыжановского. Моя квартира у него, и я оставил для Вас старинную монгольскую гадательную книгу-календарь. Если она интересна для Вас хоть в малой мере – примите ради Бога на память от меня. Если же она совсем барахло – уж не знаю, просить ли Вас продать ее в Питере или, пожалуй, оставить у себя, може пригодится. Купил я ее у бедного старика в южном Гобийском Алтае, в горах Сиврэ. Дал 8 мд¹⁷⁾. Купил специально для Вас. Не обижайте меня, если только она интересна.

Простите, что письмо коротко и безалаберно – в данный момент не могу иначе.

Глубокий поклон Мелитине Ивановне¹⁸⁾.

Всегда и везде Ваш А.Симуков.

Привет сердечный папе Пете¹⁹⁾ и Елене Петровне²⁰⁾.

мини монгол нырэ Даши²¹⁾.

IV 2 2 А.Д.Симуков – П.К.Козлову*. 25 декабря 1926

25/XII/1926

Уланбатор

<в Ленинград>

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Прежде всего должен извиниться перед Вами за долгое молчание. Причиной тому была общая неналаженность моей личной жизни. Теперь мало по-малу все начинает входить в норму и я могу писать Вам. Прежде всего о поездке моей на запад. Маршрут: Урга – Цзаин-шаби – Ургу-Тамир – Хулюсай-даба – Туин-гол почти до старого Туй-уртона²²⁾, затем на запад и северо-запад в хурэ Дашидогун, оттуда немного на юг и снова на запад почти до Байдарика. И обратно – уртонной дорогой.

Выбрались мы 24-го сент<ября>. На авто до Цзаина без приключений.

---

* Архив Музея П.К.Козлова (Санкт-Петербург). Ф.1. Оп. 7. Д. 139. Публикация, примечания Т.И.Юсуповой, Н.Я.Симуковой. Ранее опубликовано, см. Письма А. Д.Симукова к П.К.Козлову и Е.В.Козловой / публ., введение, примечания Т. И.Юсуповой //Mongolica VII. СПб., 2007. С. 103–104.

Единственное интересное по дороге – развалины большого монастыря близ уртона Ходасын. Их мы мельком осмотрели, и немец²³⁾ снял несколько фотографий. По мнению В.И. Лисовского²⁴⁾ это был монастырь красного толка²⁵⁾, разрушенный цзонхавистами²⁶⁾. Кладка стен из дикого камня, причем крупные неправильные куски последнего чередуются со слоями тонких кусков сланца. Все скреплено подобием цемента. Вокруг вал, а вне вала следы арыков.

В Цзаине мы простояли 7 дней, налаживая небольшой караван и кое-какое добавочное снаряжение. Оттуда двинулись по Урту-Тамиру. Пара хайныков с друндулетами и 4 коня – вот и весь наш караван. Я был занят всецело съемкой. Выдающегося на этом пути нам ничего не попало. Единственное обращающее на себя внимание – это классические конечная и боковые морены в верховьях Урту-Тамира. Далее я получил сведения, что на Туин-голе, близ монастыря Туин-голийн-хурэ имеется надпись на скале, которую не могут прочесть ни монголы, ни китайцы. К сожалению у меня не было возможность съездить к этой надписи и срисовать ее. Мы слишком спешили начать наши основные работы. Кроме надписи, близ этого монастыря имеются развалины, прежнее место этого монастыря, по словам монгол.

Через два перехода от Дашидогуна мы пришли к первым на нашем пути монгольским «приискам». Узенькое дно сухой долинки сплошь изрыто, словно тарабаганами. Шурфики один на одном, узенькие и неглубокие – не больше 2–2 ½ саж<ен>. Золотоносный пласт тонок и небогат. По природе здесь был как раз переход от Хангая к северной Гоби, т.е. все слегка напоминало по характеру ур<очище> Холт. Далеко на юге синела, радуя глаз, громада Ихэ-богдо, а с вершин можно было видеть полоску оз. Боун-цаган-нор. Изучив место, где, между прочим, мы нашли, по-видимому, остатки весьма древних плавильных печей – рядом есть следы железа и кам<енного> угля – мы двинулись к Утын-голу, к тому месту, недалеко от которого сливаются Утын-гол с Байдариком. В этом месте горы носят уже совершенно гобийский характер. В районе Утын-гола много рисунков на скалах. Мотивы знакомые: янгер²⁷⁾ во всех видах, иногда аргали²⁸⁾, барс, редко фигура человека. Вследствие крайне позднего времени мы очень торопились. Какая тут промывка пород, когда ночью морозы до - 25°C! Покончив с работами мы выехали на север, к уртону Байдарик, а там через Эгин-даба по большой уртонной дороге в Ургу.

Результатами поездки были геологический маршрут Цзаин - Утын-гол и подробное обследование целого ряда золотоносных урочищ.

По возвращении (в Ургу мы приехали 22 ноября) я продолжал работать в Миннархозе. Но не так давно В.И.Лисовский получил предложение занять кафедру в Новочеркасском сельхоз-институте и собрался уезжать. Так как

Гнадеберга²⁹⁾ Миннархоз не отпустил, то Ц.Ж. Жамцарано³⁰⁾ предложил мне занять место Лисовского и, насколько хватит сил, заменить его в Учкоме. В настоящее время я уже ушел из Миннархоза, вникаю в учкомские дела с тем, чтобы с 1 января официально вступить в должность. Желание работать у меня огромное.

Вот собственно все мои новости. Т.к. все там, в России, ждут писем от меня, то я пока получил всего одно письмо от жены. Остальные молчат. Поэтому я не имею никакого представления о том, как была встречена экспедиция правительством и обществом, как встретили наши коллекции ученые, что там новенького и т.д. Если у Вас, Петр Кузьмич, найдется время, черкните мне пару строк обо всем этом.

Думаю, что моя работа Вас будет интересовать, поэтому я временами буду писать Вам о том, что делаю и предполагаю делать.

А все-таки, как хотелось бы взглянуть на выставку, увидеть «свои» коллекции, ставшие достоянием науки и широкой публики, услышать Ваши лекции и узнать на диапозитивах знакомые, почти родные места!

Как только налажено будет дело с открытием музея и все в Учкоме придет в свою норму, я сейчас же займусь составлением плана летних работ. Хочется снова к южной границе, в Центральную Гоби, поближе к Шара-хулусуну, на дикий простор, такой знакомый и близкий.

Очень надеюсь на Вашу помощь в смысле завязки постоянных сношений с Академией³¹⁾.

Как устроилась и устраивается вся наша публика? Что подельвает Вася Канаев³²⁾, Василий Андреевич³³⁾, Коля³⁴⁾. О Коте³⁵⁾ я уже кое-что слышал. Здесь я часто вижу Фу-чина³⁶⁾, иногда Фильчу Вторушина³⁷⁾.

Сам живу ни шапка, ни валко. Читал лекцию в деловом клубе под заглавием: «Впечатления туриста о Мертвом городе (Хара-хото³⁸⁾)». Лекция сошла удачно.

Вечерами иногда бываю в знакомых семейных домах – у Шастиных³⁹⁾, Бадмажаповых⁴⁰⁾, Всесвятских⁴¹⁾.

Поздравляю Вас и всех Ваших с праздниками. Глубокий поклон Елизавете Владимировне⁴²⁾. Привет Владимиру Петровичу⁴³⁾ и Ольге Петровне⁴⁴⁾.

Ваш А. Симуков.

P.S. Мне бы очень хотелось иметь на память от Вас несколько фотографий, особенно Эцзин-гол, Хара-хото, наши группы и, конечно, общий вид каравана в движении (помните, Ваш снимок между Уйцзен-ваном и Мишик-гуном).

А.С.

Мой адрес: Улан-Батор, Учком, Симукову.

IV 3 А.Д.Симуков – С.А.Кондратьеву. 6 января 1927.

6/1/1927

Уланбатор

<в Москву>

Дорогой Сергей Александрович!

Наконец-то таки собрался я написать Вам о своем житье-бытье и об ургинских делах.

Прежде всего большое Вам спасибо за письмо и за фотографии. Вы знали, что меня порадует больше всего. Вид нашего домика⁴⁵⁾ и слова о том, что «все так же бесшумно бродят козы...» и т.д., подняли волну сладких и немного щемящих воспоминаний. Приехал я ровно через 4 дня после Вашего отлета, но письмо получил много позже. Досадно было, что увидиться с Вами будет возможно только весной.

Теперь кардинальная новость: В.И.Лисовский⁴⁶⁾ уехал сегодня в Новочеркасск преподавать в Институте мелиорации, и с 1-го января я назначен на его место – заведывать музеем, картографическим отделом и т.д.! Везет...

Оклад 125 д.⁴⁷⁾ – с меня пока довольно. О работе Вам писать не приходится – сижу до вечера, да и вечером иногда работаю. Перспективы несколько суживаются отсутствием средств в Учкоме (пока), но привыкнув работать на малом, можно потом лучше справиться с большим. На лето перспективы таковы: мне лично очень хочется поехать в Гоби, хотелось бы и Вас соблазнить туда же. Максимальные *desiderata*⁴⁸⁾ следующие. Основной маршрут: Урга - на юг до дороги Пекин – Баркуль, по этой дороге на запад, затем к южной границе, по возможности Шара-хулусун⁴⁹⁾ и обратно на Юм-бейсе⁵⁰⁾, Уйцзюн-Ван⁵¹⁾, Ургу. Разъезды на верблюдах в стороны. Особо интересные районы: местопребывание олгой-хорхой (таинственная червяга), может быть Эцзин-гол, где у меня масса знакомых – фазаны, *Salpingotus* 'ы⁵²⁾, и т.д.; аргали, *Capra*⁵³⁾, барс, леопард (ох, как редок, каналья!) - в хребтах Гобийского Алтая; загадочный Шара-хулусун – дикие верблюды, *Equus przewalskii*⁵⁴⁾ и возможная остаточная фауна мелкоты, медведь среди Гоби и т.д.

Немыслимые места! На этих днях займусь сметой *maxima*⁵⁵⁾. Денег потребуется не слишком много. Если Вы не соблазнитесь – я обойдусь 2000–2500 д.⁵⁶⁾ Что же касается окончания Вашей работы в Кентее, то тут главное, ведь, охотничий промысел, а его обследование можно сделать и поздней осенью и даже в первую половину зимы. Гоби же Вам совершенно незнакома и доставит Вам своим величием и просторами, частью еще неизведанными,

много «радостей странника». Я это знаю по себе. Если только поездка по моему плану будет утверждена, в чем я почти не сомневаюсь, то я с дрожью нетерпения буду ожидать весны, готовиться исподволь начну сейчас же.

Не передать в письме очарования беспредельных гобей, синеватых, цвета «сигарного дыма» дальних неведомых и немислимых хребтов, и оазисов, вроде Эцзин-гола, с совершенно своеобразной природой! Радость увидеть вновь Центральную Гоби усилится во много раз переживанием ее вместе с Вами.

Во время моей последней поездки на запад я только чувствовал дыхание Гоби, видел ее издали с горных вершин, и ноздри мои раздувались. А созерцание благородных форм Ихэ-Богдо на расстоянии почти 200 верст заставляло иногда тихими вечерами на час бросать неотложную работу.

Как вы живете в Москве? Я слышал, что Вы поехали за границу, в Вену. Факт или реклама? Как живет Москва вообще? В стенах Учкома я просто забываю о буднях городов. Хотя, если бы пришлось с ними столкнуться – принял бы вызов.

С нетерпением жду Милю⁵⁷⁾. С неделю назад получил утешительную телеграмму о том, что дела с выездом налаживаются. Жду теперь телеграммы о выезде. Без нее жизнь наполовину. Все чего-то не хватает. Просто жду - не дождусь.

Рассматривал Ваши Ононские альбомы⁵⁸⁾. Федя⁵⁹⁾ очей ревнив к сокровищам Ононской экспедиции и допускает к ним, так сказать, в особо торжественные дни.

Как здоровье Мелитины Ивановны⁶⁰⁾? Добром или злом поминает она кентейские дебри?

Как только я подберусь с основными делами Музея и Учкома, сейчас же налажу экскурсии и буду сам устраивать набеги на знакомые места: Баинбулык, Сугнур, Суцзуктэ... Долго ли просидел я в Урге, а между прочим снова захотелось на волю. Неприятно смотреть на побелевшие руки, лицо. Мысль же о лете, повторяю, приводит в дрожь.

Здесь в Урге начинаю устроиваться по-домашнему. Снял с товарищами отдельный домик, Фучин⁶¹⁾ живет с нами. Но сейчас Цокто Г<армаевич>⁶²⁾ попросил меня временно переселиться к нему, т.к. сам он уехал с И<дой> П<авловной> в Китай и побаивался оставить дом без солидного (*sic!*)⁶³⁾ человека. Здесь у них проживу месяца два. Изредка бываю у папы Пети и Елены Петровны⁶⁴⁾, у Шастиных⁶⁵⁾, еще кое у кого.

Беседы Ваши в Суцзуктэ дают себя чувствовать. Желание быть на пути по-прежнему сильно. По возможности стараюсь вносить меньше зла в мир и удерживать от этого других. Но, как и прежде, повторяю, ровной работе духа мешает отсутствие Мили.

В Урге становится для русских несколько хуже. Отчасти виновата монголизация*, отчасти мертвый зимний сезон.

А трубы Цзун-хуреня гудят по-прежнему. По-прежнему заходящее солнце горит на кровлях Гандана и Майдари, по-прежнему лиловое небо над сопками к *NO*, а ночью луна обливает знакомым теплым сиянием щетинящуюся тайгу вершин Богдо-Улы.

Больше писать пожалуй и не о чем. Жду от Вас письма с указанием срока Вашего приезда. Вас, как и всегда, буду ждать с нетерпением.

Придется, наверное, написать Вам и деловое письмо. Как, между прочим, стоят на мировом рынке акции ноин-ульских древностей? Если Вы осведомлены, то ответьте на этот вопрос телеграфом. Не лишено некоторого значения.

Мой адрес: Уланбатор, Учком.

Привет Вам от всех знакомых с Вами ургинцев, от Фучина особый, с «китайскими церемониями». Мелитине Ивановне поклон от Феди и особый от меня.

Ваш А.Симуков.

IV 4 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой⁶⁶. 22 января 1927.

22/1/1927

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая, милая моя мамочка!

Получил сегодня твое письмо, письмо бесконечно любящей меня мамы, рзнувшее меня больно по сердцу. Не думай, что забыл тебя твой первенец, слова мои «я всегда с тобой» не забыты. Не писал же я тебе вот почему. В экспедиции почти невозможно было, да и думал я, что осенью увидимся. Осенью же, когда я решил остаться, сначала я не хотел писать, пока не устроюсь прочно, затем уехал на два месяца. Я предполагал, что возвратясь найду Милю уже в Урге. Вышло иначе. Без меня не могли достать нужных документов и не отослали письма. Потом я доставал документы, посылал их, оказывалось недостаточно, посылал новые и т.д. Сама же ты знаешь, что без Мили у меня жизнь наполовину. Вот и не хотелось писать, пока не заживу полной жизнью. История эта затянулась, а теперь мне горько, что я причинил тебе боль.

* В тезисах ЦК МНРП к VI съезду был намечен курс, в частности, на сокращение советского присутствия (советники, инструкторы) и монголизацию аппарата (Лузянин, 2003: 171).

Теперь о себе. Весной, при проезде к экспедиции, предполагалось, что зиму я проведу в центрах⁶⁷⁾, подготавливаясь к работе в Ученом Комитете Монголии на деньги этого же Комитета. Но в связи с событиями в Китае⁶⁸⁾ Монголия сразу обеднела и учкомскую смету обрезали со всех концов. Меня не могли даже принять сейчас же на службу. Я чувствовал, что если уеду – в Монголию мне скоро не вернуться, а об этом я не мог и думать. Решил попробовать остаться. Сразу же нашел место, хоть и не шибко важное. Съездил. К концу декабря же выяснилось, что некто Лисовский⁶⁹⁾, хранитель Музея, мой очень хороший знакомый, проживший в Монголии 12 лет, уезжает. В Урге заменить его, кроме меня, некем. И вот с Нового года я хранитель Музея, зав<едающий> картографическим отделом и т.д. Получаю 125⁷⁰⁾. По Урге это очень немного. Но Учком пока беден и больше дать не в состоянии. А дальнейшее зависит от меня. Работа же, ты сама знаешь, моя в полном смысле этого слова.

Работы очень много. В ургинскую жизнь я вошел вполне <...>. Летом уеду месяцев на 4–5 в Гоби, в экспедицию, уже в качестве начальства. Милую жду с нетерпением. Как хотелось бы, мамочка, видеть тебя здесь, но об этом подумай сама. В материальном смысле – проживем. Захочешь помаленьку работать – работа найдется всегда. Деньги на проезд тоже соберем, хотя только к осени. <...> Сейчас, по некоторым обстоятельствам, только свожу концы с концами. <...> Эх, если бы ты приехала бы осенью, пока еще тепло! Сейчас ехать зарез. Можно только здоровому, молодому. <...>. В Москву же я приеду не ранее, чем через год, а вероятнее, что через два. Подумай. А здесь тебе жить будет хорошо. Славно зажили бы вместе! <...>. У меня чудесный отдельный домик – две комнаты и кухня, плачу 45 в месяц. По Урге недорого. Дрова же здесь сейчас 20 руб. погонная сажень, уголь 50 коп. пуд. Топливо-то и бьет зимой по карману.

Много тихих вечеров провел я в своей квартирке, перечитывая твои письма (немного их) и рассказывая своему другу, с которым я живу, о нашем с тобой житье-бытье, о тебе и папе. О папе вспоминаю часто. Кстати (или некстати) как у тебя с сердцем? Очень слабому здесь трудно. Абс<олютная> высота Урги 1250 метров. Но воздух здоровый до безобразия. Сухо. 40°-ный мороз переносится легче, чем в Питере 25°.

Монголия бы тебе несомненно понравилась. Я же здесь нашел третью родину⁷¹⁾. Знакомых у меня здесь много и, как водится, в самых разнообразных кругах. Солидные семьи местных интеллигентных работников, китайцы - рабочие и мелкие торговцы (среди них есть даже друзья), буряты самых разнообразных степеней, монголы, русские рабочие, крестьяне-колонисты, англичане (в понедельник танцую фокстрот) и т.д. Есть много искренне хорошо относящихся ко мне людей, т.к. зла я никому не стараюсь

делать и во мне живет напряжение удерживать и других от этого. Вообще внутри меня полубессознательная работа идет, и я жду только Милю, чтобы отчетливо направить нашу жизнь в этом отношении на определенный путь.

Как растут Леша⁷²⁾ и Аля⁷³⁾? Что у них внутри? Хотелось бы мне получить письма от них, а от тебя, вдобавок, хорошую фотографию. Ведь у меня нет даже маленькой твоей карточки. Напишу же я всем, всем, никого не забуду, дайте только время и установившуюся жизнь.

Что нового в Сигеевке? Как все наши, особенно Анна Андреевна⁷⁴⁾? С теплом вспоминаю я Сигеевку и когда-нибудь уж доберусь. Передай привет всем-всем, кто только меня помнит. В Душатине привет Алексеенкам⁷⁵⁾, особенно Феодосии Макаровне⁷⁶⁾. Чуткое у нее сердце, и жаль мне её, что уволакиваю старшую дочку на край света. Маня⁷⁷⁾, наверное здорово распустилась (т.е. расцвела). Федотовне тоже особый поклон.

Зайди, мама, к папе на могилку, отслужи панихиду в церкви. Пусть это будет 1-го марта. Я буду знать и молиться вместе с тобой. Часов в 10 утра (у нас в Урге это будет 3 1/2 час. дня).

Крепко, крепко целую тебя, моя милая мамочка, помни еще раз – я всегда с тобой, если даже почему-либо и не будет писем. Твои заветы живут во мне и твое благословение всюду открывает мне ворота по бодрой пока тропе моей жизни.

Будь здорова, мамочка, береги себя. Хочется быть вместе...
твой Андрей.

Кажется, ничего не забыл. 5 часов утра, а я еще не спал. Глаза слипаются. Покойной ночи.

IV 5 А.Д.Симуков – Е.В.Козловой*⁷⁸⁾. 20 марта 1927.

20/III/1927

Суцзуктэ

<в Ленинград>

Глубокоуважаемая Елизавета Владимировна!

Простите меня за долгое молчание. Писать Вам я собрался отчасти из-за дела – о нем ниже, отчасти благодаря мысли, что Вам небезынтересно было бы получить весточку от истинно преданного Вам человека, работающего в

---

* Архив Музея П.К. Козлова (Санкт-Петербург). Ф.2. Оп.17. Д.119. Публикация, примечания Т.И.Юсуповой, Н.Я.Симуковой. Ранее опубликовано: см. Письма А. Д.Симукова к П.К.Козлову и Е.В.Козловой / публ., введение, примечания Т. И.Юсуповой //Mongolica VII. СПб., 2007. С. 104–105.

местах, с которыми несомненно связано много приятных для Вас воспоминаний.

Петру Кузьмичу я написал подробное письмо, описав, как обещал, свою поездку на Байдарик. Ответа пока не получил. Или же письмо не дошло, или же Петр Кузьмич не пожелал мне ответить хотя бы парой строк. Если у него было время писать Вере и Марине Бадмажаповым⁷⁹⁾ то неужели не нашлось пяти минут, чтобы ответить своему спутнику, хорошо ли, плохо ли, а отслужившему делу экспедиции три года? По накоплении интересного материала буду писать ему еще и еще. Но и мне хотелось бы услышать о Вас обоих, о всех наших, забывших меня, о судьбе наших сборов и нашей работы, о всем, что стало за эти три года так близко и дорого.

Моя судьба здесь не лишена интереса. Через неделю после отъезда экспедиции, т.е. через три недели по приходе каравана нашего в Ургу, я уехал в новую экспедицию-разъезд в Дашидогунский золотonosный район. Повторяться не буду, вспомню лишь, какое наслаждение было созерцать тихим осенним вечером, сидя у палатки после трудового дня, громаду Ихэ-богдо, столь знакомую Вам, уже покрытую снегом. Правда, до нее было верст 150, но в Гоби это ведь не мешает! Или вспомните осеннее золото лесов Хангая с белоснежными гольцами на заднем плане... Сидя вечером с ганзой в зубах около огонька в нашем «хуху-майхане»⁸⁰⁾ и разговаривая одновременно на трех языках (русском, немецком и монгольском) я чувствовал себя в своей атмосфере.

Обратно мы выехали «ургой»⁸¹⁾ на Байдарик-уртон⁸²⁾ и понеслись по большой уртонской дороге. 20 уртонов проехали в 8 дней, не торопясь. Жирные осенние кони давали подчас возможность поистине лихой скачки. Только *Herr Weiske* страдал – лошади гнулись под его 7-ю пудами и отказывались скакать. Приходилось брать заводную⁸³⁾.

В Урге я поработал первое время в Миннархозе, вычерчивая свою съемку. К Рождеству выяснилось, что В.И. Лисовский уезжает надолго, м.б. навсегда, в Россию. В качестве заместителя он выдвинул меня и дело было решено. С 1-го января этого года я вошел в учкомскую семью при жаловании в 125 д.⁸⁴⁾ (без квартиры). Снял неподалеку от Учкома чудесный отдельный домик и живу там с моим близким другом (экспедиция его не знает), его 14 летним братишкой⁸⁵⁾ и нашим дорогим Фу-чином⁸⁶⁾. Жду не дождусь жену. Без нее жизнь какая-то половинчатая.

Да получается, как будто, по любезной сердцам нашим песенке:

«Друзья мои, не ждите!

Я не вернусь домой...

В путь меня проводите,

Благословите рукой...⁸⁷⁾

За узеньким порогом
Раздолие путей...
Ах! У Господа Бога
Много таких детей!

Которые уходят
В забытые края.
Боль и звезды уводят
От суеты и дня...»

Слово в слово исполняю я ее. Ждали меня дома, даже варенье сварили – я не вернулся. Узенький порог я, думается, уже перешагнул, а манило-то ведь – раздолие путей...

Чем Гоби не забытый край? А тянет именно туда. Последние же две строчки полностью выражают, почему я перешагнул узенький порог..

Работы в Учкоме по горло. На мне и картографич<еский отдел>, и музей, и всякие другие дела. Работаю и вечерами. По части монгольской зоологии в музее почти пусто. Это и будет, пожалуй, моим коньком. Пришлось мне даже начать учиться делать чучела! На безрыбье, поистине, и рак – рыба!

На Цагалху* приезжал сюда, поколотил маленько птичек. Сейчас думаю провести здесь апрель. Что буду делать летом – пока темна вода во облацех. Подал докладную записку - смету на поездку к Шара-хулусуну. Не знаю, как будет с монетой. С этой корявой штучкой у нас туго. А тысячи 2–3 мне нужно на это дело.

Теперь о делах. Помимо чисто черновой работы по сбору типичной фауны Монголии и всяких организационных заданий, мне хотелось бы, что будет в моих силах, поработать и для науки. Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой помочь мне в этом деле. Я не хочу бродить впотьмах. Мало догадываться о том, что важно и с какой стороны; надо знать. Немного времени ведь отпущено человеку. Прежде всего книги. Что есть по монгольской фауне? Новейшие перечни, монографии. Ведь у нас нет даже такой важной штуки, как монография Насонова о роде *Ovis*⁸⁸⁾. Лучшие определители. Затем пожелания Бялыницкого-Бирули⁸⁹⁾, Сушкина⁹⁰⁾ и других академиков. Пожелания в таком роде, чтобы мне ясна была основная задача и я мог бы сделать маленькое обобщение. *Noblesse oblige*⁹¹⁾. Увы! «К вопросу о...». Помните? Но в этом отношении я делаю уступку только благодаря

---

* Так в тексте

большой плате за нее в виде раздолья путей, и то, хочется думать, временную. Впрочем ведь и С.А.⁹²⁾ написал «о некоторых могильных памятниках бассейна верхней Хары»... Какая грусть!...

Я думаю, что если Вы познакомите академиков с моим существованием и положением на сей планете в настоящем перерождении, они сами заинтересуются всякими возможностями и тогда я буду просить Вас только о покровительстве, а то за 6000 верст академикам очень даже просто «изгаляться» над молокососом, не рискуя ребрами. Хотя вероятно многие вопросы интересуют и Вас лично. Для Вас, будьте уверены, сделаю все, что могу и даже *über*⁹³⁾, т.е. что в обычном порядке не могу.

Конкретно, на всякий случай, хотелось бы знать, что можно сделать в пограничном южном районе, на что обратить сугубое внимание? В общем виде я себе все это отлично представляю, но хотелось бы частных. Думаю, что Вам ясно, чего мне хочется от Академии, в чем нужда нашего Уланбаторского и всемонгольского музея.

В первый день Цаган-сара⁹⁴⁾ я был в Урге. Ровно в полночь мы вышли на двор – загудели монастырские трубы... Начал Гандан. Не успели замереть последние колебания его мощного голоса, отозвался Цзун-хуре, сначала *piano*, *forte*, *fortissimo* и снова кончил *pianissimo*. А там пошли другие, кругом всей - провинциальной для одних и сказочной для других – Урги. С полчаса мы безмолвно слушали эту дивную музыку... Ночь была ясная, теплая. В городе было тихо, но чувствовалось какое-то напряжение, неведомая ургинским *quasi*-«европейцам» мощная жизнь...

Получил ли Петр Кузьмич официальные письма Учкома о высылке крайне необходимых нам копий съемки? Если получил, то как дела с этим вопросом?

Передайте, пожалуйста, ему от меня глубокий поклон и еще раз благодарность за его школу. Результаты сказываются уже сейчас и, конечно, благодарить и вспоминать его мне придется более, чем часто. Это весьма приятный долг.

Привет Владимиру Петровичу и Ольге Петровне, а также всем нашим, кого Вы видите.

Язву Котика⁹⁵⁾ следует обругать даже непечатно. Я ему написал, а он мне ни слова. Все решительно меня забыли. Просил я Петра Кузьмича о некоторых photographиях на память – Эцзин-гольских, Хара-хото и групповых и каравана – очень хочется их иметь.

Низкий поклон Вам и Петру Кузьмичу от Фу-чина и Кузнецовых⁹⁶⁾. Лидочка их сбежала... в Дадахэ с полуграмотным парнем-бобылем. Вася Воробьева⁹⁷⁾ выходит замуж. Павел за стрихнин и ружья в тюрьме.

Ваш А. Симуков.

IV 6 *А.Д.Симуков – П.К.Козлову**. 31 июля 1927

31/VII/1927

Ламэн-гэгэн

<в Ленинград>

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Кузьмич!

Простите Христа ради мое долгое молчание, над многим я должен был подумать. Прежде всего сообщу Вам о результатах моих раскопок (Ваше письмо касательно их сильно запоздало). Пятый номер оказался с чрезвычайно рыхлой почвой. Все сгнило, от помещений почти ничего не осталось. Взял я лишь урну, два-три золотых листика и 4 подвески зеленого камня с очень интересным орнаментом. Затем я взялся за одинокий курган в Цзурумтэ, пониже Кондратьевского. Тут оказалось прекрасно (благодаря тройному навалу бревен) сохранившееся помещение, но бедное по содержанию. Добыл я, помимо мало-интересных, обычного порядка предметов, хорошо сохранившийся череп, прелестное маленькое рельефное изображение лошадки скифского стиля и лаковую чашечку с китайской надписью, относящейся к погребению и точно устанавливающей его дату (т.е. погребения).

Не знаю, кому пошлет эту надпись Ц.Ж<амцарано> для перевода. Это очень любопытная штучка.

Копал я совершенно так же, как и мы в свое время. Много помог Фу-чин.

Поработав в начале лета в Музее[†], около первого июля я получил возможность снарядить маленькую экспедицию в Гоби. Собрался я очень быстро, причем во время сборов очень часто вспоминал Вас, т.к. никому не решался доверить даже мелочь. Все, от начала до конца, сделал сам. Да и во время путешествия каждый день, каждый переход буду вспоминать Вас с глубокой благодарностью за Вашу школу, результаты которой очень и очень заметны.

* Архив Русского Географического Общества. Ф. 18. Оп. 3. Д. 629. Публикация, примечания Т.И.Юсуповой, Н.Я.Симуковой. Ранее опубликовано: см. Письма А. Д.Симукова к П.К.Козлову и Е.В.Козловой / публ., введение, примечания Т. И.Юсуповой // *Mongolica VII*. СПб., 2007. С. 105–106.

† В качестве заведующего Государственным музеем А.Д.Симуков подготовил открытие его в новом помещении – бывшем дворце Богдо-гегена (*Симуков А.Д.* Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и её результатах / *Симуков*, 2008 б: 178). 10 мая 1927 г. Симуков ознакомил с экспозицией Музея Г.Ц.Цыбикова (*Цыбиков Г.Ц.* Дневник поездки в Ургу 1927 г. / *Цыбиков*, 1981: 134, 138–139).

Маршрут у меня намечен примерно следующий: Ламэн-гэгэн, куда я добрался на авто, - Ихэ-богдо, Легин-гол, Немегету, Алтын-ула, район Шарухулусуна, здесь центр внимания, – м.б. легкий разъезд на Эцзин-гол, Ноинбогдо и прямо на Ургу. Из Ламэн-гэгэна я уже съездил на Байдарик с целью осмотреть земледелие там. То же задание у меня на Тацин-голе и Легин-голе.

Состав – я с женой (Миля у меня фотограф и коллектор по ботанике) и два монгола. Один, учкомовский, для сбора расспросных сведений, сношений с властями и помощник по препарированию⁹⁸), другой – повар⁹⁹).

Трудно будет очень, т.к. на юге – засуха. Но задачу свою выполнить постараюсь всеми силами. По возвращении подробно сообщу Вам о результатах поездки и пришлю наиболее интересные фотографии. Вернуться думаю не раньше ноября месяца.

Очень прошу Вас, Петр Кузьмич, не забыть и меня в Вашем предполагаемом походе на Голубую реку¹⁰⁰). Как видите, страсть к странствованиям во мне еще не остыла, да и не скоро остынет. Хотелось бы еще поработать под Вашим руководством.

Большое спасибо Вам за книжку.

Поклон Елизавете Владимировне и Василию Андреевичу¹⁰¹).

Ваш А. Симуков

Жена моя, очень часто Вас вспоминающая, шлет Вам свой привет и лучшие пожелания. Добралась она до Урги, благодаря Вам, вполне благополучно.

IV 7 Москва – Уланбатор. Апрель 1927.

Запись рассказа М.А.Симуковой. 27 декабря 1989.

В апреле 1927 г. отправилась я в Монголию к Андрею. Поездом до Верхнеудинска примерно 10 дней. На вокзале спрашивала, кто на Уланбатор? Указали. Представились. В одном из них узнала Пашуканиса, которого несколько раз видела в общежитии МГУ. Второй – Ханзен. Отправили меня за разрешением к начальнику в гостиницу. Это был Блюмкин¹⁰²). Он должен был ехать вслед за группой, отдельно. После его приезда в Уланбаторе появилась песенка: «Прилетел к нам легче птицы Яша Блюмкин из столицы».

В группе, с которой мне предстояло ехать, 3–4 мужчин и женщина с ребенком около 4-х лет. Ехали примерно 5 дней, в легковой машине, из которой все было вынуто. В дороге все пили, стреляли. Защитил меня шофер.

Довезли до таможни в Уланбаторе. Вылезла. У меня был «большой багаж»

- маленький брезентовый чемоданчик. Нашла Учком (с помощью шофера). Зашла в огромный двор. Андрей с Фучином встречали меня (по телеграмме), но разминулись.

Андрей жил вместе с Фучином в то время. Недалеко от Учкома базарчик. Там Фучин покупал дрова. Фучин был как товарищ; так и в экспедиции – просто у каждого своя работа.

Устроилась и я на работу в детский сад – у меня был диплом педагогического техникума. А через два месяца, в июле отправились мы в экспедицию в Гоби.

IV 8 8 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 30 июля 1927.

30/VII/1927

Ламэн-гэгэн-хурэ

<в Сигеевку>

Дорогая мамочка!

Много раз виноват перед тобой за столь долгое молчание. Будучи весной в Суцзуктэ я написал тебе длинное письмо. В Урге его затеряли, и оно осталось неотосланным. Не помню сейчас точно, когда писал тебе последний раз, поэтому расскажу о себе начиная с весны.

Поработав зимой в Ученом Комитете и Музее я в самом начале марта выехал на раскопки в столь милую сердцу бывшей экспедиции Суцзуктэ. Поработал там два месяца и раскопал совершенно самостоятельно две гробницы. Снова бродил по знакомым местам, охотился и с легкой грустью вспоминал невозвратную свежесть первых впечатлений в этой дивной местности, тех людей, с которыми так легко и хорошо жилось и думалось. Кое-что в этих раскопках было весьма удачным, и начальство мое было довольно.

Вернувшись в Ургу я через несколько дней встретил Милю, и впервые мы с ней зажили по-семейному. Приехала она совершенно измотанная Москвой. Мне же, жившему все время и в Урге полупоходной жизнью, надо было привыкать к новому положению и резко изменить весь уклад моей жизни. Поэтому первое время ушло у нас на налаживание совместной жизни. В это время мне не хотелось писать тебе. Вскоре мы переехали на житье «на дачу» - в китайские постройки бывшего дворца Богло-гэгэна, около Музея. Версты две от города, близ реки, садик, вычурные постройки кругом и полная тишина. Там было очень хорошо.

Но мне все время хотелось на простор, и вот я получил возможность совершить маленькую экспедицию. Собрался быстро, и 12 июля мы выехали из Урги. Маршрут выбирал я сам и выбрал самый глухой уголок Гоби, где

почти никто не бывал и никто не собирал коллекций. Состав – я с Милей и два монгола. Доехав до того места, где я пишу сейчас, на авто, отсюда пойдем на верблюдах.

Отсюда я смахал вдвоем с монголом верст за 200 осмотреть монгольские пашни в Гоби. Послезавтра выступаем на юг.

Только здесь, среди гор, вдали от города, Миля стала по-настоящему отходить и поправляться. Применилась она к новой обстановке, даже походной, весьма быстро и несомненно будет мне очень ценной помощницей. С фотографией она справляется прекрасно, и надо надеяться, что альбом нашей маленькой экспедиции будет весьма интересен.

Вернемся в Ургу поздно, вероятно в ноябре, а потому писем до зимы не жди. Посылать их не предвидится никакой возможности.

Вот внешнее моей жизни за последнее время. До приезда Мили я очень скучал по ней, и жизнь шла как-то наполовину. Теперь все входит в норму, путешествие наше по пустыням и горам добавит большую дозу вдумчивости, и скоро жизнь наша войдет в определенное русло, по которому мы и будем быстро двигаться вперед. Ты можешь быть совершенно спокойна за нас и за меня в частности. Чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что в Миле я нашел свою истинную пару.

Трудно сказать сейчас, когда мы с тобой увидимся. Часто, очень часто тоска по тебе, мамочка, щемит мое сердце. А тут еще рассказы Мили о тебе, такие свежие, как будто она только вчера тебя видела. Часто вспоминаю я и нашего папу, моего первого учителя в познании природы. Грустно, что не дожил он до начала, хотя бы, моих странствований по пустыням Центральной Азии. <...>.

Большое спасибо Эмме Леонтьевне. Теперь у меня две фотографии папы (одна маленькая, Женина¹⁰³), сделанная в Суйде¹⁰⁴).

С удовольствием я слушал рассказы Мили о Леше и Але¹⁰⁵), но из них сделал вывод, что нелегко нам будет понять друг друга, когда свидимся.

У Гумилева есть одно стихотворение, где он говорит:

«..... сердцем чуял он,
что в мире есть один закон,
которым каждому дано
изведать что-нибудь одно:
тем – жизнь среди городских забав,
тем – запахи пустынных трав.»

Я выбрал последнее. А хотелось бы, очень хотелось бы помочь им обоим своим опытом, своими мыслями. Да и в твою жизнь я смог бы внести много

нового. Будем надеяться, что свидимся мы скоро, и к тому времени у меня окончательно сформируется линия жизни.

Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Будь уверена, что по возвращении в Ургу уж никто и ничто не помешает мне регулярно писать тебе.

Миля также крепко целует тебя и посылает тебе фотографии своей работы.

Привет всем близким и знакомым, кто поминает меня добром.

Твой старшой Андрей.

IV 9 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 10 января 1928.

10/1/1928

Улан-Батор

<в Сигеевку>

Дорогая моя мамочка!

Прости меня за столь долгое молчание – последнее письмо тебе я написал числа 1 августа, в начале моего путешествия, и не знаю, дошло оно или нет. От тебя же давно ни звука. Недовольна ты чем-нибудь с моей стороны? Тяжело быть без весточки от тебя. Я же это время не писал, так как был в путешествии. Вернулся только 3-го декабря. Теперь несколько очухался, пришел в норму и – пишу.

Моя экспедиция этого года – первое большое самостоятельное дело – удалась. За 4 ½ месяца объездил я очень много, побывал в самых глухих уголках пустыни. Были мы с Милей и в пустыне, и в высоких горах; жарились и мерзли, уставали и отдыхали. Быть может на днях тут в одном журнале напечатают мою статью об этой экспедиции¹⁰⁶ - ее я обязательно пришлю тебе. А пока ограничусь фотографией <см. А.Д.Симуков. Труды. Т. 3(1). С. 578. Фото №112>. Снят я с двумя моими спутниками-монголами, по возвращении из долгого (свыше месяца) и небезопасного разъезда в совершенно безлюдные места Центральной Гоби, где временами проезжают разбойники. Миля оставалась с моим помощником-монголом в населенных и безопасных местах, и можешь себе представить, каково ей было, когда я, обещав вернуться ровно через месяц, просрочил 6 дней? Но все кончилось хорошо, разбойников я и не видал, а сейчас мы оба тихо и мирно обретаемся в Урге. Фотография снята осенью, в конце октября.

Во время этой поездки я был в местах, еще не посещенных европейцами. Видел там диких верблюдов – штука весьма редкая – и в компании с моими монголами угробил одного для коллекции. Ночи две пришлось ночевать совсем без воды. Верблюдов же своих мы иногда не поили по 3–4 дня, проходя до 120 верст, не встретив воды. Видел я абсолютно бесплодные

галечные равнины и такие же черные угрюмые холмы и горы. Видел животную жизнь пустыни в совершенно первобытном виде, где даже крупные звери, вроде диких ослов, еще незнакомы с человеком.

Побывал в Хара-хото, знаменитом «Мертвом городе» Козлова. Там я был уже вместе с Милей. Заехав в большой оазис Центральной Гоби – Эцзин-гол – я встретился там с Свенем Гедином¹⁰⁷⁾ (думаю, что имя это тебе знакомо – знаменитый шведский путешественник по Центральной Азии). Гедин чрезвычайно любезно встретил меня и Милю. Мы провели в лагере его большой (до 80 человек) экспедиции целый день в качестве «знатных иностранцев», хотя костюмы у нас были... мягко выражаясь, в грустном состоянии. Он сам и его спутники – шведы и немцы – очень удивлялись Миле, решившейся ехать в такую даль, и наперебой расспрашивали о наших странствиях. Главные «моменты дня» были запечатлены на кинофильме, причем в центре постоянно был Гедин с нами обоими. Было очень интересно и весело. Разговор шел по-немецки, и только Гедин с Милей разговаривали по-русски.

На обратном пути мы сильно мерзли, ночуя при морозе свыше 20° в палатке со скверным огнем – топливом служил аргал (кизьяк), не всегда сухой. Вообще в путешествии бывали переходы по 50–60 верст, т.е. не менее 12 часов в седле. Мне-то ничего, а Миле приходилось туго. Но теперь, издали, и невзгоды кажутся приятными.

Сейчас мы живем во дворе Ученого Комитета. Комната у меня большая, светлая. Тут же во дворе живет и С.А.Кондратьев¹⁰⁸⁾, знакомый тебе еще по письмам из Суцзуктэ.

Работы у меня очень много – сижу не менее 10 часов в день, но распределяю ее по своему желанию так как службу мою выполняю большей частью у себя же в комнате. Живем скромно и тихо, в городе бываем редко, да и то только в 2–3 домах.

Почему ты не пишешь? Тяжело не знать, что с тобой, или узнавать о тебе косвенно. Вон, Миля уже два письма от своих получила. Теперь я буду писать тебе чаще, до весны, а там – снова в поездку. Если все будет благополучно, то возможно, что я попаду домой в течение ближайших двух лет. Это весьма вероятно. Раньше могу приехать лишь по непредвиденным причинам.

Пришли, мамочка, твою фотографию. Ведь у меня нет ни одной. Пиши о себе. Что поделяешься, как живешь?

Получил я большое письмо от Леши¹⁰⁹⁾. Письмо хорошее, дружеское, откровенное. <...>.

С Милей мы живем крепко и дружно, без всяких перебоев и зацеп. Она тоже крепко целует тебя. Скоро мы снимемся вдвоем и тогда пришлем тебе карточку.

Как живут все близкие и знакомые? Как твои отношения с Алей¹¹⁰ и Лешей? Пиши, мамочка, обо всем подробно.

Крепко-крепко целую тебя, а уж как хочется сделать это не в письме, а наяву!

Твой Андрей.

Привет всем близким и знакомым.

<Миля пишет:> 11/1/28

Дорогая Наталья Яковлевна!

<...>. Каково Ваше здоровье, состояние духа? Простите, что спрашиваю о последнем, думаю, что Вам не раз становилось грустно в долгие зимние сибирские вечера. Может быть, мы приедем показаться своим мамашам через год, полтора. Андрей да и я тоже охотно говорим и думаем об этом. Хочется, чтобы Вы были здоровы и чувствовали себя хорошо это время.

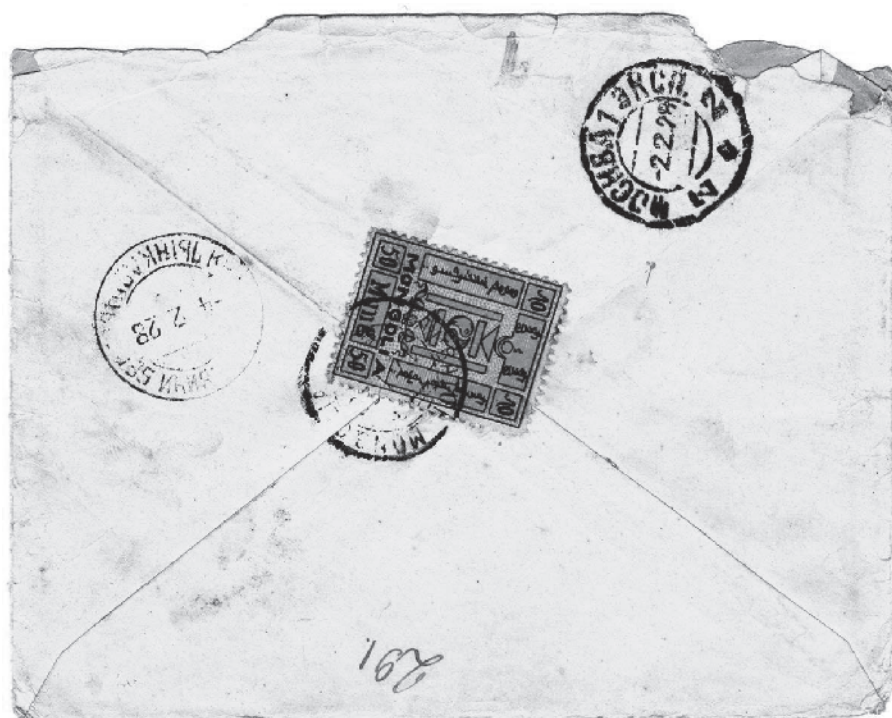
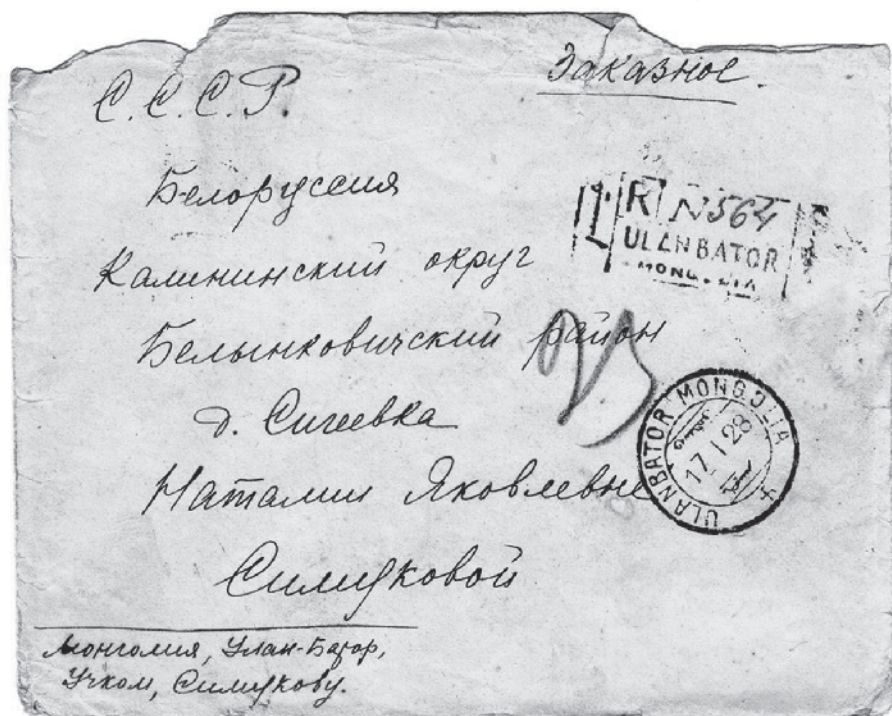
Как живут Леша и Аля? Але я писала перед путешествием, от нее – ничего, а Леша сокрушается в своем письме о моей судьбе. Должно быть, не получил письма, а там были и фотографии.

У Андрея работа идет очень хорошо – после поездки много пишет и готовится уже к следующему лету – опять путешествие. Дела в Учкоме и отношения с учкомцами – прекрасные, состояние духа по этому поводу – тоже. Плохо только, что от Вас нет ничего <...>. Здоровы ли Вы? Напишите, а то опять мы уедем и целое лето не будем получать ни строчки от близких.

Крепко-крепко целую Вас, привет тете Оле¹¹¹, Але и Леше.

Миля.

IV 10 А.Д.Симуков – П.К.Козлову*. 15 февраля 1928.

15/II/1928

Улан-Батор-хото

<в Ленинград>

Многоуважаемый и дорогой Петр Кузьмич!

Много виноват я перед Вами за столь долгое молчание. Вы наверное получили мое письмо, посланное в конце июля из Ламэн-гэгэна. Думаю, что Вам интересно будет узнать о результатах моей поездки по Гоби. С этого и начну.

Из Ламэн-гэгэна мы обычной дорогой – вниз по Туин-голу – прошли к Ихэ-богдо. Минувя Орок-нор, я вышел прямо в Битютэн-ама, где и простоял дней 5. С большим трудом, пешей экскурсией, мы прошли вдоль всего Вашего каньона и вышли в верховье Битютэн-ама, достигнув ее истока. Этот участок ущелья – выше каньона – весьма интересен. Широкое ущелье – дно ледника, ясные морены, ледн<иковые> кары, дивный альпийский луг и пятна вечного снега на окружающих гребнях. Есть даже лесок карликовой широколистной ивы (не той, что в каньоне). Собрали довольно полный гербарий самого верхнего пояса, пофотографировали. В каньоне нашли прелестный водопад, метров до 8–10 высоты. Из Битютэн-ама мы прошли к перевалу Сэнсул-даба, расположенному много западнее, чем Хусту-даба. Спускаясь по южному склону, прошли мимо Пунцук-обо. Я заехал на эту горку и видел Ваш Ханский мавзолей¹¹²⁾. Взял схему, фото снять не удалось – гора была в облаке. Придя на Легин-гол, мы задержались там надолго. К юго-западу от Легин-гола пошаливали скотокрады с юга, население откочевало на север и восток.

Прямо на Шара-хулусун меня везти отказывались. Чтобы все поподробнее выяснить, я, оставив караван в Лег'е[†], налегке съездил в Юм-бейсе и Йосту-бейсе (к югу от SW оконечности г. Гичигин-нуру). Пересек маршруты А.Н. Казнакова¹¹³⁾ и В.Ф. Ладыгина¹¹⁴⁾. Местные монголы еще помнят их и очень хорошо отзываются. Вернувшись, я собрал подробные данные о Легин-гольском земледелии, оказавшемся весьма и весьма древним, доставшимся монголам по наследству (об этом еще у Потанина, Гань-суйское

* Архив Русского Географического Общества. Ф. 18. Оп. 3. Д. 629. Публикация, примечания Т.И.Юсуповой, Н.Я.Симуковой. Ранее опубликовано, см. Письма А. Д.Симукова к П.К.Козлову и Е.В.Козловой / публ., введение, примечания Т.И.Юсуповой //Mongolica VII. СПб., 2007. С. 106–108. См. также: Симуков, 2008б: 74–79.

† Так в тексте.

путешествие¹¹⁵). Далее я прошел в Нэмэгэту. Долго задержаться в этом интересном хребте не пришлось – я торопился дальше. Видел там уларов¹¹⁶. Перевалив эти горы, мы остановились в горах Тосту. Здесь я направил свой караван в Ноин-богдо, а сам с двумя проводниками-охотниками легким разездом двинулся к г. Цаган-богдо, в места, теперь небезопасные. К сожалению в тех краях, т.е. в Цаган-богдо, была сильная засуха, что мне сильно напортило в деле сбора зоологических коллекций.

Верстах в 50 к юго-западу от Потанинского пересечения г. Тосту есть урочище Чоный-боом - группа песчаных барханов с саксаулом и тамариском. В этом урочище мне повезло: я добыл прелестный неповрежденный экземпляр *Salpingotus*'а, выкопав его из едва заметной, засыпанной им изнутри, норки. Не буду утверждать, что это *S. Kozłowi*, т.к. пойманного Колей¹¹⁷ в Хара-хото плохо помню¹¹⁸.

Дойдя до Цаган-богдо, я пошел вдоль северного склона Хуху-Тёмирты к Шара-хулусуну. Проводник знал дорогу лишь до Хурундэль-хулука (см. Ладыгинскую съемку), поэтому далее мы шли с некоторым риском, руководствуясь грубым изображением Ладыгинской съемки на сороковерстке. Одну ночь ночевали-таки голодом*, совсем без воды, после 50-верстного перехода. Видели следы медведя. К сожалению, вероятно вследствие засухи, медведей в этом году к востоку от Шара-хулусуна почти нет. На громадном расстоянии мы встретили следы всего 2–3 особей. Поэтому несмотря на все старания и поиски мы даже не видели гобийского мишку. С неделю стояли в Цаган-Бургусуне, откуда я съездил посмотреть Шара-хулусун. Усердно ловил грызунов, но попадались (кроме *Gerbillus*'ов 2 видов) лишь два вида: короткохвостый хомячок и длиннохвостая мышь. Оба вида в камышах.

Добыли очень интересную антилопу, редкую в Ц[ентральной] Гоби. Монголы называют ее «ада-боро». Я подумал: не Нань-шаньская ли ада – *Procapra picticauda*? Очень похожа на хара-сульту (убит самец), но меньше последней. Окраска: светлее, желтее хара-сульты и темнее, рыжее цаган-дзере. Хвост черный.

На обратном пути вышли на южный склон гор. В общем Хуху-Тёмирты меня несколько разочаровали. За исключением Цаган-Бургусуна и Шара-хулусуна, они почти ничем не отличаются от, скажем, Ноин-Богдо. Особо интересных птиц не отметил. Наличие медведя еще ничего не говорит, т.к. по словам монгол он держался в большом числе лет 20 назад, а м.б. и сейчас держится, в горах Этэрингиин-нуру, а лет 30 тому назад попадался в диких участках Тосту. На обратном пути мы дали крюк в дикую пустыню к SO от Цаган-Богдо, где и встретили на 110-верстном безводном перегоне прошенных

---

* Так в тексте.

и моленых диких верблюдов. Удалось добыть громадного старого бура¹¹⁹⁾ в очень хорошем виде. Взял шкуру и полный неповрежденный скелет. Дикий верблюд тех мест ничем не отличается по величине от домашнего.

Благодаря этой охоте наши верблюды не пили 4 дня. В населенные места мы вышли около ур. Кобдэн (Потанин) к югу от Тосту. За весь разезд не видели ни одной юрты, ни одного монгола.

Заехав в Оботэн-хурул, я приехал в свою базу, стоявшую около Гурбун-Тушемила. Не задерживаясь в Ноин-Богдо (вернулся я туда в конце октября), снова оставив свой караван, я с женой поехал на Эцзин-гол. Был там у Циндэ (помните «хуху-Циндэ»¹²⁰⁾). Вспоминали Вас.

Проехав на нашу стоянку в ур<очище> Бухан-хуб, мы побывали в гостях у Свена Гедина¹²¹⁾, уже полтора месяца стоявшего на Ихэ-голе. Принял он меня, как Вашего спутника и ученика, прекрасно. Мы с женой были приглашены к официальному завтраку. Гедин показал нам свою мет<еорологическую> станцию, которая проработает на Эцзин-голе не менее года. Экспедиция у него очень большая – около 80 чел<овек>, из них свыше 20 научных сотрудников, и до 300 верблюдов. Вышел он из Пекина, затем Бауту, пересек Алашань, мимо Хара-хото пришел на Эцзин-гол. С Эцзин-гола он вышел 8 ноября и должен был через Ма-цзы-шань и Бэй-шань выйти на Хами, где и зимовать. Небольшую партию, во главе с геологом, он направил северным путем, вдоль Хуху-Тёмирты, но удался ли этот план – сомневаюсь, так как для громадных совершенно безкормных и безводных переходов в этой местности его верблюды совершенно не годились. Они были в отвратительном состоянии – совершенно без горбов. Собирался он работать в Тянь-Шане, а дальнейшие его планы неизвестны. Главное внимание у него обращено на метеорологию. Почти на каждом переходе пускаются привязные баллоны для изучения верхних слоев воздуха¹²²⁾. Насчет сбора естественно-исторических коллекций у Гедина дело совсем швах. Занимается этим делом врач экспедиции, имеющий очень туманное представление о препаровке¹²³⁾ и совершенно не знающий фауны и флоры Гоби.

О Вас Гедин говорил очень тепло. В его экспедиции участвуют в качестве научных сотрудников и китайцы – они были, очевидно, навязаны ему. Да и вся экспедиция носит название «Китайско-Шведской», хотя китайские деньги там и не участвуют. Так вот, китайцы-археологи предложили Гедину поработать в Хара-хото. Он ответил: «Хара-хото – открытие и собственность моего друга, знаменитого путешественника Козлова, и я в его городе работать не буду»¹²⁴⁾. Гедин просил предать Вам наилучшие пожелания и сердечный привет.

Вообще сейчас, минуя Пекин, работать в населенных местах Китая невозможно, особенно по археологии, так как вышел закон о запрещении

иностранным экспедициям работать без ведома научных учреждений Китая и о запрещении вывоза исторических и археологических ценностей. Выпускаются лишь дубликаты.

Съездив в Хара-хото - я пробыл там всего 2–3 часа – мы вернулись в Ноин-Богдо и на следующий же день, 15 ноября, тронулись в обратный путь. Идя большими переходами, без дневок и не работая в дороге, мы Вашим путем, через Хошун-хит на Онгиине, на восемнадцатый день пути были в Улан-Баторе. Это было 3 декабря. О нас здесь очень беспокоились и собирались искать.

Помимо подробного дневника (120 таких, как эта, страниц)¹²⁵, я привез 20 шкур с черепами, около 15 грызунов в спирту, несколько экземпляров пресмыкающихся, до 300 листов гербария (200 видов) и 80 характерных фотографий. Птиц почти не собирал, привез лишь десятка полтора-два экземпляров и интересных среди них нет. Лучший экземпляр – эцингольский фазан.

Вот вкратце ход и результаты моей Гобийской поездки. Обошлась она в 2000 тухр<иков>.

С тех пор, как я получил в начале лета Ваше письмо, много воды утекло, многое переменялось. Самое главное тут то, что если бы Вы пожелали бы снова видеть меня в рядах Вашей новой экспедиции, мне пришлось бы отказаться. Причин этому много, самого различного свойства. Очень нелегко было мне придти к такому решению, вместо того, чтобы дожидаться весны с мыслью о Тибете. Но... ничего не поделаешь. Мне только очень не хотелось бы, чтобы это мое решение вызвало бы в Вас неприязненные чувства ко мне. Просто такова моя судьба... Грустно мне будет, когда Ваш караван пойдет на юг, но что-же делать?

Все это не помешает мне с удовольствием выполнить Ваши поручения, если таковые будут. Мне очень хочется снова увидеться с Вами, показать свои работы, услышать Ваши советы, получить подкрепление к дальнейшей работе. Ведь я – всецело Ваш ученик и таковым и останусь.

Сюда откуда-то проникли сведения, что Вы будете в Урге уже в апреле. Верно ли это?

Из Тибета новостей не слышно. Сообщения почти нет. Нет известий и о Рерихе¹²⁶, хотя м.б. Вы знаете о нем уже из иностранной печати. Донир¹²⁷ сидит на старом месте. Ему (по письму Коти) я о Вашей экспедиции сообщил. Как идет разработка Ваших материалов? Много ли еще нашли нового?

Старые товарищи меня не забывают. Получил письма от В.А., Васи, Коти и Коли¹²⁸. Как здоровье Елизаветы Владимировны? Ваших детей?

Вы же наверное чувствуете себя сильным и бодрым, вновь обремененным

доверием Правительства и общества. Подготовка к новому подвигу идет, вероятно, полным темпом.

Кажется, сказал все, что хотел сказать в этом письме.

Передайте, пожалуйста, мой глубокий поклон и лучшие пожелания Елизавете Владимировне. Привет Владимиру Петровичу и Ольге Петровне, если они еще помнят меня.

Миля просит передать Вам ее лучшие пожелания в успехе подготовки к новой экспедиции. Надеюсь проводить Вас из Урги лично.

Ваш А. Симуков

P.S. Долг свой Вам (100 тухр<иков>) я уже давно внес на Ваш текущий счет в Монголбанк. Квитанции не посылаю, боясь утери.

IV 11 *Моя первая экспедиция (1927).*

Запись рассказа М.А.Симуковой. 26 декабря 1989.

В июле 1927 г. отряд, состоявший из 4-х человек: А.Д.Симуков – начальник отряда, Джаргал – помощник А.Д.Симукова, Джемба – рабочий и я – М.А.Симукова – фотограф и коллектор по ботанике, ушел в экспедицию на юг – в Гоби. Мои обязанности – фотография и сбор ботанических коллекций. Снаряжение – фотоаппарат, кассеты, ботанизирка, совок, рамки, фляжка. Весь дневной сбор в тот же день надо разложить по сеткам. Обучал меня А.Д.¹²⁹⁾, которого обучил П.К.Козлов.

На машине доехали до Ламэн гэгэна. Наняли проводника. Купили два мешка дзамбы¹³⁰⁾ – запас. Дальнейший путь - верблюжьим караваном. Очень страшно было первый раз садиться на верблюда. Потом, наконец, расхрабрилась. Андрей предупредил, что верблюд быстро вскакивает. А когда верблюд лежит, горбы достают до моего носа. Между горбов положили седло казачье (Елизаветы Владимировны Козловой). Монголы кладут коврик.

Добрались до Ихэ Богдо. Отправилась в экскурсию. Забралась далеко и высоко. Дело к вечеру. Присела отдохнуть на камень, лицом к северу. Кругом скалы, осыпи. Увидела, как слева шагах в 200–300 мелькнуло что-то желтоватое, в пятнах. Подумала: хорошо, что он меня не видит! Схватила за фотоаппарат, но не успела - он исчез. Испугаться тоже не успела. Рассмотрела хорошо: пятнистая шкура, ростом с хорошую собаку, пластичный – «пролился» между скал.

Собралась в обратный путь. Пока перебиралась со склона на склон, в распадок, на хребет, стемнело. Услышала выстрелы, увидела огонь, пошла на

выстрелы. От сапог остались только голенища (день по острым камням), ноги замотала рукавами от гимнастерки. Сказала, что видела ирбиса¹³¹). Все схватились за ружья: «Где?!» Когда сказала, что он меня не заметил, монголы долго хохотали и подшучивали надо мной.

А когда родился Алик, монголы подарили нам шкуру барса.

IV 12 Экспедиция 1927 г. Записки М.А.Симуковой. 1980-е.

Еду ранним утром, «по холодку», в пустыне. Удивилась – сидят три собаки на моем пути (песчаные шкуры под цвет окружающего пейзажа) – откуда здесь собаки? Юрт в этой пади нет. Лошадка моя забеспокоилась, пришлось спешиться. Она храпит и не идет вперед, т.к. «собаки» малость подошли поближе и опять сели. Молчат. Я – в седло, лошадь – на дыбы, не идет. Слезла, тяну её за повод, бьется, не идет. Я – повод на плечи и силой сорвала её с места. Тут подошли наши уже завьюченные верблюды, и волки исчезли, как и не было!

А вперед я отправилась ранним утром «по холодку», чтобы полюбоваться восходящим солнцем.

Когда уходили в разъезд вдвоем, Андрей мог часами читать мне Овидия. Иногда пел.

Андрей с двумя товарищами – Доржи и Санжачей – ушел в разъезд на запад в Цаган Богдо. К небольшому айлу из 2-х – 3-х небогатых юрт в районе Ноян Богдо прибавился и мой дом – синий майхан.

Помню свою первую учительницу монгольского языка – семилетнюю тоненькую смуглянку Дугар.

Когда ехали на юг, монголы рассказали, что там на Эцзин голе работает большая экспедиция «нерусских людей». Андрей спрятал палатку в зарослях, оставил меня там и поехал на разведку. Вернулся, сообщил, что это экспедиция Свен Гедина работает в окрестностях Хара хото. Свен Гедин пригласил его в гости с женой. Готовились торжественно, помыли головы! Подъехали на верблюдах к Эцзин-голу (много рукавов реки). На том берегу палаточный лагерь. Оператор с киноаппаратом. Во главе с пожилым человеком группа молодежи. Андрей представил меня (говорили но-немецки, Андрей владел им свободно). Свен Гедин хорошо знал П.К.Козлова. Молодежь вела себя почтительно. Одеты они были по-европейски. А мы – в монгольской одежде, загорелые, пропыленные... Показали нам лагерь, устроили обед, провели с нами целый день. Потом – торжественные проводы

в обратный путь.

А через границу мы перешли свободно потому, что цагды (пограничники) хорошо знали П.К.Козлова и Андрея. <А.Д.Симуков работал на Эцзин-голе и в районе Хара-хото в экспедиции Козлова в 1925–1926 г.г.>

Потом мы отправились в Хара-хото. Глинобитные стены такой ширины, что может тройка проехать. Ворота построены лабиринтом. Андрей показывал мне субурган, над которым работал П.К.Козлов, рассказывал о книгах, найденных в нем. Книги заворачивали в материи, особо ценные – в шелк, носили только у груди. Когда лама несет книги, все особо почтительно к нему.

Монголы встречали нас очень приветливо. Иногда меня принимали за младшего брата Андрея. Однажды по пути на юг в конце дня подъехали к большой юрте. Там была пожилая хозяйка. После многих часов на верблюде я была полумертвая. Хозяйка уложила меня, разула, ворчала на Андрея, как добрая родная бабушка, что такую молодую таскает в такую даль: «Наши монголки и то так далеко не забираются!». Напоила нас чаем, накормила.

Однажды в юрту, где мы остановились, приехал молодой князь (бывший). Красоты необыкновенной. Я не могла отвести от него глаз – живое божество!

IV 13 М.А.Симукова – Е.Э.Будовской¹³². 22 июня 1986.

22/VI/1986

Мичуринец

Моск. обл.

<Новгород,

археологическая

экспедиция истор.

факультета МГУ>

<...> Вспомнила, как мы возвращались в 27 году из одной интереснейшей экспедиции. Осень (ноябрь), холодно, темнеет рано, но намеченные километры надо пройти. Картина довольно экзотичная: черная галечная пустыня. Караван из 5 верблюдов (3 под седлом и 2 под вьюками). Я с нетерпением жду восхода звезды Сириус. Это сигнал к ночлегу. А он, бродяга, восходит поздно, к полуночи. Наконец над горизонтом справа (на востоке) медленно появляется великолепная, большая, яркая зеленая звезда. 2 палатки, ужин, чай, залезаешь в овчинный мешок. Спать!

Я как-то пробовала любоваться звездами под Москвой. Не то! В Монголии любую звезду, кажется, можно рукой достать. И просторы там какие-то бескрайние... А пустыня Гоби страшна в рассказах тех кто её или не видел, или видел, но не знает. Надо уметь себя вести и держать в руках.

Пустыня бывает галечная, песчаная, барханная и ... зеленая, цветущая!
Запахи – непередаваемые, в зависимости от растительного покрова. <...>

IV 14 М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой¹³³. 13 июня 1978.

13/VI/78

Саулкрасты

Латвия

<в Москву>

<...> Прочла недавно послесловие в книге Колесниковых¹³⁴ (я ведь до сих пор его не читала, хотя книгу прочла давно), и ахнула – я ли это, Господи?! Вспоминаю и удивляюсь, хотя – ничего удивительного. Были молоды, бесстрашны до глупости, доверчивы тоже до глупости. Кроме того, отец твой был ведь очень интересным человеком. С ним всегда было интересно и весело. Восемь лет¹³⁵, но каких! <...>

Помню, как я прыгала в Ихэ богдо по краю пропасти во время съемки, а он боялся, что я сорвусь, но ничем не показал своего ужаса. Только потом сказал. А я удивилась. Ничего по-моему не было особенного.

Вот так жили и дружили. Ни одну статью не сдал в редакцию пока я не прочту. Я втайне удивлялась этому, но критиковала беспощадно!

<...> Надом¹³⁶. Ярко, празднично, тьма народа. Там, где шум, смех, веселье, значит там Андрей. Зато однажды в ресторане, где сидели за столиком с монголами (пропасть рассказов об экспедиции, шутки, смешные истории), услышала за спиной шипение (по-русски): «У-у-у, русский монгол...». Виду не подала, что слышала. Андрею ничего не сказала. <...>

Живой свидетель, и единственный притом. <...>

IV 15 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 21 апреля 1928.

21/IV/1928

Уланбатор

<в Сигеевку>

Милая и дорогая моя мамочка!

Прежде всего самое важное: поздравляю тебя с внуком... Неожиданно? Для нас с Милей это, конечно, было не неожиданно. Но писать об этом до появления нового гражданина в свет нам очень не хотелось.

Случилось все это на днях, именно в 9 ч. 15 м. утра 18 апреля. Накануне, в первые два дня Пасхи мы с Милей усердно визитировали. 17-го днем Миля тоже была в гостях, а вечером почувствовала приближение родов <...>. Мы, собственно, ожидали всю эту историю на недельку позже и не совсем подготовились. Я побежал за акушеркой, оставив с Милей С.А.Кондратьева,

сильно боявшегося, не придется ли ему принимать, и даже спросившего, где ножницы!.. Акушерка сказала, что надо торопиться. Я немедленно вызвал нашу машину (авто) и мы покатали в больницу¹³⁷. <...> Милю положили в отдельную палату, и я отправился домой. Спать, конечно, эту ночь не мог совершенно, страшно беспокоясь. Около 8-ми утра появился в больницу, а через час с четвертью мне объявили о рождении сына.

Самые роды прошли благополучно, но потом началась очень скверная история. Миля потеряла очень много крови и, по слабости сердца (высота Урги 1300 м) с ней приключился обморок, сильно напугавший всех докторов больницы, немедленно к ней собравшихся. Начались всякие впрыскивания. <...>. После этого ей стало лучше. Меня пустили к ней, посмотрел я на сына. Мы даже разговаривали. Вечером я снова пришел в больницу, совершенно спокойный. И вдруг меня к Миле не пускают, я вижу суматоху, испуганные лица персонала и вижу, как быстро, одного за другим, вызывают всех наличных докторов. Оказывается, с Милей снова случился очень скверный обморок.<...>. Я пережил чрезвычайно тяжелый час, сидя в соседней комнате и видя чрезвычайно озабоченные и расстроенные лица бегающих за всякими шприцами и препаратами прислуги и докторов. Вдобавок ко всему, меня попросили сбегать в аптеку. Мне показалось, что меня отсылают в момент крайнего кризиса. 15 минут в аптеке, пока служащие, напуганные моим перекошенным лицом, торопливо приготавливали по рецептам с надписью «спешно» нужные лекарства, - эти 15 минут показались мне веком. Вернувшись я со страхом смотрел в глаза врачам. Но через несколько минут кризис миновал, и, по желанию Мили, меня тотчас же пустили к ней. <...>. Я пытался состроить веселое, ободряющее лицо, но оно все-таки имело весьма жалкий вид. Всю ночь около Мили дежурили врач и я. Но это, по-видимому, было последним испытанием. Сейчас она чувствует себя хорошо. Лежит в отдельной палате. Весь <...> персонал больницы относится к ней очень тепло, с большим участием. Лучи этого участия падают и на меня, и я пользуюсь правом посещать Милю в любое время, почти без ограничений. Дней через 6 я перевезу ее домой.

Внук твой очень спокойный, не криклив, обещает быть красивым мальчиком.

Весь город уже знает об этом, меня все поздравляют, все хотят навесить Милю и посмотреть на нового гражданина, но гостей к ней сейчас еще не пускают. Работать по службе это время мне почти не приходится, но Учком на это не претендует.

Большое счастье, что родила Миля в больнице, иначе исход был бы совсем печальный. Но все это уже в прошлом, хоть и недавнем. Скоро Миля переедет домой, и мы заживем новой жизнью. Имени сыну еще не выбрали. Не хочется называть его обычными именами. Возможно, что дадим ему

какое-нибудь буддийское имя.

Во время беременности (половина ее прошла в дороге, в путешествии) Миля чувствовала себя прилично. Плохо было первый месяц-два, да последний месяц. Иногда нервничала. Часто вспоминала о тебе.<...>. Она, вероятно, как только встанет, напишет тебе письмо. Я же прошу тебя написать ей. Имея поддержку от тебя, ей будет легче справляться с ее новым положением, тем более, что она скоро останется вдвоем с сыном – я уеду месяцев на 5.

Вместе с этим письмом я посылаю (через Москву) журнал с моим первым печатным произведением¹³⁸⁾. Сегодня мне сказали, что принята и вторая моя статья.¹³⁹⁾ По этому журналу ты увидишь, как протекало наше путешествие. Писал за эту зиму я вообще порядочно: две статьи в русский журнал, 1 – в монгольский¹⁴⁰⁾, затем обработанный дневник в 120 стр., небольшая статья специального характера¹⁴¹⁾ и теперь сижу над серьезной работой по географии большого участка Монголии, где мой опыт и наблюдения должны свести в одно целое отрывочные данные целого ряда путешественников.

Помимо этого у меня большая работа по Музею и подготовка к экспедиции этого года. Уеду я, вероятно, в первых числах июня. Миля думает устроиться с одной знакомой семьей недалеко от Урги, на опушке леса, в юрте.

Далеко в будущее я пока не заглядываю. Общий мой принцип – обращать больше внимания на свое внутреннее содержание, нежели на внешние условия. Миля в этом отношении вполне со мной солидарна. За мои недостатки мне так же попадает от нее, как когда-то попадало от тебя, но во многом, думается, я исправился. Она крепко целует тебя и хочет, чтобы и ты радовалась бы вместе с нами нашему сыну и твоему внуку.

Крепко целую мою мамочку, да живется тебе светло и радостно!..

Твой Андрей. Привет всем, всем, всем.

<Миля пишет:> 24/IV/1928

Дорогая Наталья Яковлевна и бабушка!

Родился у меня сын, сейчас лежу в больнице уже 7-е сутки. Встать еще нельзя – сердце плохое.

Роды были не из хороших, но это все прошло, нужно только беречься и поправляться, чего я совсем не умею делать. <...>. Только бы мне немножечко окрепнуть, а ухаживать за ним я, несмотря на неопытность, сумею.

Горе мое, вчера уже на 6-е сутки опять чуть не было обморока, напугалась

я этого ужасно. Теперь я не хочу и боюсь умереть.

У него очень ясные синие глазки, хорошей формы головка, толстенький (9 ½ ф. при рождении). Никак не разберу, на кого он похож, частью на меня, частью на Андрея. <...>.

Устала, всего хорошего. Подробности может напишу когда-нибудь. Имени еще не придумали.

Миля.

Привет Вам и от внука. Он спит.

<Андрей пишет:> 6/V

Прибавлю еще несколько слов. На днях получил твое письмо. <...>. Все это время Миле нездоровилось, из-за чего и задержалась отправка письма. Теперь же все наладилось, завтра-послезавтра Миля встанет с постели. Внук твой процветает. <...>. Очень и очень хочется увидиться, но трудно сказать, когда это будет.

Твой Андрей.

<Миля пишет:> 8/V/28 г.

Дорогая Наталья Яковлевна!

Получила недавно Ваше письмо. Хорошо, что Вы напомнили нам о дне рождения Андрея¹⁴²⁾, мы о нем забыли совершенно, так заняло и отвлекло нас от всего рождение сына, а больше того моя болезнь. Бедный, бедный Андрей, за эти три недели он совсем в ног сбился. Крендель я испеку им с сыном вместе уже в будущем году. Благо оба рождены в апреле.

Мне сейчас очень хочется поговорить с Вами об Андрее, но сын старается обратить мое внимание только на себя <...>. Я часто думаю и говорю, что все то, что у Вас ушло на Андрея, дало хорошие результаты. Прекрасный, благородный человек. Странно в нем только некоторая слабость воли и вместе с тем упорство, настойчивость. Не знаю, где кончается одно и начинается другое.

Ну, всего хорошего, напишу, хочу написать Вам много, а сейчас – к сыну. Целую Вас крепко.

Миля.

Привет Леше, Але и тете Оле.

IV 16 А.Д.Симуков – О.Я.Пейкер¹⁴³⁾. 14 мая 1928.

14/V/1928

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая тетя Оля!

Быстро текут дни нашей жизни... Меняются, переливаясь одна в другую, ее разнообразные формы... Ты хорошо знаешь мое детство – тихого «идиотика», не менее тихого гимназистика-первоклассника, различные мои увлечения – индейцы, танцы, много было разного. Потом был перерыв – вы перебивались в Москве, мы – в Сигеевке. Но и Сигеевку ты впоследствии узнала.

Я стал студентом. Приходил к тебе грязный, оборванный, голодный. Колот дрова, пилили их мы с тобой, ставил самовар. Вместе пили кофе с сахарином. Затем дела несколько наладились. Ты видела меня на хрущевских¹⁴⁴ вечеринках, видела мои попытки «ухаживать».

Пришел 23-й год, год крупного поворота в моей жизни. Уехав в экспедицию, я нашел себя. И здесь ты потеряла меня из вида, перестала знать, чем я живу. А я... я оказался настолько неблагодарным, что написал тебе за эти пять (да, пять) лет всего два-три письма... Оправданий этому мало. Отчасти это следствие моей кочевой жизни.

Не так давно мне стукнуло 26 лет. Возраст почтенный. Я стал отцом. Моему сыну (зовут его Алтаем) на днях исполнится месяц. Рождение его обошлось Миле очень дорого <...>. Понятно, что и для меня это не прошло даром.

Вот уже второй год я работаю в Ученом Комитете. Работа моя, достаточно разносторонняя, сильно увлекает меня. Я не связан служебным временем и имею возможность распределять свой день по желанию. Конечно, обычно получается так, что работаешь вместо 6-ти – 8, 10 часов в день.

Я заведу Музеем, который все время растет, наблюдаю за картографической работой и активно участвую в деле исследования Монголии. Это дело наиболее увлекательно. Мою работу знают и ценят. В прошлом году я сделал интереснейшую поездку в весьма малоизвестную часть Гоби, впервые выступив совершенно самостоятельно. И в этом году через какой-нибудь месяц я снова уеду в пятимесячную экспедицию, на этот раз в горные леса северо-запада Монголии.

Но Мили со мной уж не будет. Ей придется довольствоваться обществом сына неподалеку от Урги.

Желтые равнины и голые скалы хребтов Гоби, где я странствовал три сезона подряд, горная тайга севера Монголии, где я прожил полтора года, - стали мне родными, близкими и понятными. Такими понятными, что иногда кажется, что я уже жил здесь и только вспоминаю давно знакомое, известное.

В большой город, в многолюдство западной России меня совсем не тянет. Единственное, что связывает сейчас меня с Москвой и Сигеевкой – это желание, иногда очень сильное, повидать маму, тебя, Лешу и Алю. Трудно

сказать, когда оно сбудется. Постараюсь сделать это в ближайшие год-два.

Внешне моя жизнь протекает тихо и скромно. Живем мы втроем с Милей и сыном в одном из учкомских домов, занимая одну большую комнату. Работаю я б<ольшей> ч<астью> у себя же дома. Столуемся здесь же во дворе у С.А.Кондратьева. Жалованье я получаю, по ургински, очень небольшое, но концы с концами все-таки сводим. Есть несколько знакомых семей, где мы иногда вечерами бываем. Кино здесь прескверное – лучшего трудно и ожидать – ходим очень редко. Главный интерес – своя работа. Близко стоим к монголам, благодаря некоторому знанию языка. В наши окна видна Богдо-ула – огромная, покрытая заповедной тайгой гора, отделенная от Уланбатора лишь долиной р. Толы (версты 4–5). Летом Миля с Алтаем уедут верст за 20 от Урги, где будут жить на берегу реки, во всю пользуясь солнцем, воздухом и водой. На зиму мы получаем, кажется, в свое распоряжение отдельный домик. Вообще, все мало-помалу налаживается.

Большое спасибо тебе за твое сердечное письмо. До отъезда вряд ли сумею написать еще раз. М<ожет> б<ыть> напишу с дороги. Одновременно с этим письмом высылаю на твое имя журнал «Хозяйство Монголии» с моей статьей. Журнал этот возьми под свое покровительство и по прочтении, возможно скоро и надежно перешли маме. Она ждет его уже давно. <...>. Почти одновременно отправляем письма и Леше, и Але. Маме я уже послал не так давно.

<Миля пишет:> 24/V

Дорогая Ольга Яковлевна!

О рождении сына у нас Вы, наверное, уже знаете – мы писали об этом Наталье Яковлевне. <...>. Со времени рождения нового человечка прошел уже месяц с небольшим, я оправилась, человечек мой выглядит и чувствует себя, по-видимому, распрекрасно <...>. Он очень спокоен. Я настолько привыкла к абсолютной тишине в нашем жилище, что иногда досаую на его попытки попищать. Пищит он очень редко и скромненько – «весь в папу».

Не буду повторять многострадальную историю его рождения. История эта нашумела на всю Ургу, и меня так часто спрашивают все знакомые о состоянии здоровья, что, право, уж не по себе делается иногда.

Ваше письмо мне доставило много хороших минут. Последнее время перед родами я чувствовала себя прескверно в смысле моральном. Собиралась умирать <...>. Ваше письмо пришло очень своевременно, после него я как-то почувствовала себя спокойнее. Очень, очень благодарна Вам за Ваше участие.

Если можете – пишите мне летом. Андрей уезжает опять до декабря месяца. Мы с сыном будем взаимно утешать друг друга в его отсутствие.

Извините за мазню, тороплюсь. Теперь я всегда, везде и во всем тороплюсь. Потому – сын ждет. Сейчас он на крылечке гуляет с нянькой. <...>.

Я теперь очень грущу, что исчезла для меня возможность путешествовать. Прошрое путешествие пришлось мне весьма по душе. Не знала я, что это так крепко захватывает. Даль тянет.

Пока желаю Вам всего, всего хорошего.

Ваша М.Симукова.

IV 17 *А.Д.Симуков - Ал.Д.Симукову*¹⁴⁵. *Май-июнь 1928.*

<Май-июнь>1928

<Улан-Батор>

<в Москву>

<Дата и адрес на старомонгольском>

Дорогой мой друг, мой братец,
сверстник детства золотого!

Ведь давно мы не встречались...

Не только не встречались, но и писем не писал я тебе уже целую вечность. Месяца три тому назад начал писать тебе и все не мог кончить. Решил начать снова. На днях я писал тете Оле, маме, Миля написала Але, я приписал несколько строк. Ты, наверно, уже успел обидеться и во всяком случае знаешь все наши новости. Из них главная та, что у тебя есть племянник Алтай. Род Симуковых продолжается. Впрочем фраза эта – твоя. Мне несвойственен такой подход к делу.

Подробности этого события, достаточно тяжелые, описаны в вышеперечисленных письмах. Так что на них останавливаться не буду. В настоящее же время все идет благополучно. Миля здоровеет, сын ведет себя, по-своему, конечно, вполне благопристойно. На вид благообразен, хоть и похож на меня. Глаза у него синие и ясные, как стеклышки <...>. Все наши ургинские знакомые принимали и принимают большое участие в этом событии, и такая моральная поддержка во многом помогает. Итак, на исходе 26-го года моей жизни я стал отцом.

Об экспедиции прошлого года, вероятно уже известной тебе по письмам и высланному тете Оле для мамы журналу, добавлю несколько слов.

Проездили мы без малого 5 месяцев, причем лично я покрыв за это время расстояние в 4000 верст. Из них около 500 на авто, остальное же – кони и верблюды. Снова разостлались передо мной пустыни, взметнулись ввысь дикие, скалистые горные хребты, зазеленели приветливые пятна «оазисов». Слово это, впрочем, здесь не употребляется. Какие к чёрту оазисы без тени финиковых пальм, без бедуинских шатров и прочих классических атрибутов...

Снова расцветали для меня дивные восходы и закаты пустыни и радовали глаз чистые зубчатые линии силуэтов дальних гор, днем – цвета сигарного дыма, на закате – фиолетовые или чудного цвета кобальт.

Один месяц, когда я уехал в далекий разъезд, оставив Милю с моими монголами в безопасном месте, носит название «В стране дикого верблюда и разбойников», так как там можно встретить и то, и другое. Разбойников мы, правда, не встретили, хоть и видели их следы, а вот диких верблюдов видели и одного даже угробили для коллекции. За этот разъезд я с двумя местными монголами проехал до 600 верст по совершенно безлюдным местам. Раза два ночевали совсем без воды, т.е., вместе с тем, и не жравши после перехода в 50 верст (10 часов в седле). Один раз верблюды наши были лишены удовольствия напиться четверо суток подряд. Видел я любопытнейшие места.

Миле этот месяц достался нелегко. За 700 верст от Урги, одна среди монгол, совершенно не знающих по-русски, и, вдобавок, страх за меня, что встречу с разбойниками. А вооружена эта публика европ<ейскими > винтовками, т.е. встреча – не из приятных. Обещал я вернуться ровно через месяц и запоздал на 6 дней. Эти дни очень дорого стали Миле, бывшей на исходе третьего месяца беременности.

Зато на Эцзин-гол, т.е. в пределы Китайской Монголии, мы с ней съездили прекрасно. Совсем налегке, по хорошо знакомой мне дороге, с приятным проводником, мы наворачивали по 60 верст в день (до 12 часов в седле). После такого упражнения, правда, Миля не могла ни стать, ни сесть, ни духу перевести. Болело все. И все боялась границы, спрашивала, где она. Вполне понятное волнение для непосвященного, т.к. китайских документов у меня не было. Но граница там настолько неинтересна в любом отношении, что не охраняется фактически ни с той, ни с другой стороны. Кому интересно стеречь почти безводную галечную равнину? В Эцзин-гольском же оазисе знакомые монголы-торгоуты (другое племя) встречали меня, по старому знакомству, как своего почетного гостя. Показал я Миле знаменитый «Мертвый город» Хара-хото, куда мы ездили вовсе вдвоем.

Побывали в гостях у старого волка-авантюриста – знаменитого Свена Гедина. Что на Эцзин-голе европейцы – я слышал еще по эту сторону границы. Но кто? Узнать никак не мог. И все-таки поехал. Спрятав палатку и Милю в ней (одну) в зарослях верстах в четырех от лагеря европейцев, я с проводником поехал к знакомым торгоутам разузнавать, в чем дело. А в мозгу вертелась неприятная мыслишка: а вдруг это секретная военная английская разведочная партия? Тогда до первого прочного сука, сочтут за шпиона. Миля сидела одна и гадала – что будет? Но ее скоро развлекла торгоутка, прибежавшая за три версты с кувшином молока познакомиться с первой светловолосой женщиной, увидевшей Эцзин-гол. О Миле она узнала от меня.

Свен оказался таким же старичком - любителем женского общества, что и наш Кузьмич¹⁴⁶⁾, несколько пожалуй тоньше, европеизированнее последнего. Целый день занимал Милю, даже ручки (огрубелые и пахшие верблюдом) целовал на прощанье. В Алино письмо вложена фотография, изображающая неприличную вариацию на сюжет «старый да малый»¹⁴⁷⁾.

Обратный марш – 23 дня без роздыху на верблюдах во второй половине ноября. Последние дней 10 – морозы за 20, сырой аргал (мовэ говз, как сказала бы Зоичка). Отчаянная усталость, холод и дым в палатке. 3-е декабря – знаменательный день, когда «истомленные путники увидели с последнего перевала священный город монголов – Ургу», как говаривали в старину. Последнее усилие – и наши верблюды с ревом ложатся в последний раз для развьючки во дворе Ученого Комитета. Запоздай мы еще на недельку – нас бы поехали искать на авто, целой военной экспедицией. «Жертвы науки» *et cetera*¹⁴⁸⁾.

Зиму мы прожили мирной коммуной. С.А.Кондратьев, мы с Милей и повар Фучин. Работы было много, но работалось весело. В гости ходили всегда *en trois*¹⁴⁹⁾. Иногда веселились на дому, причем мужчины изрядно клюкали.

В ближайшем будущем и С.А.¹⁵⁰⁾, и я снова уезжаем месяцев на 5. На этот раз по горным лесам Хангая. Миля проведет лето верстах в 20 от Урги на Ветеринарной опытной станции, у знакомых. Воздух, вода (на берегу реки), солнце и зелень. Зима еще далеко и особых планов относительно ее не строим.

Но довольно о Монголии. Твое письмо, такое искреннее и душевное, мне не очень понравилось. Если даже отчасти то *credo*, которое ты в нем привел в стихотворной форме, - твоё настоящее *credo*, то дело обстоит довольно грустно. И самое грустное в том, что Москва – как Молох. Она медленно, но беспощадно пожирает молодые неокрепшие души. Ужасен самый темп жизни, не дающий опомниться, одуматься, оглянуться на себя. «Жить, как все» - самое легкое и простое. Мимолетные удовольствия, наслаждения неглубокого, частенько достаточно низменного свойства. Туман напряженной работы ради конкуренции за кусок хлеба, туман легкого времяпрепровождения в часы досуга. И всегда туман. Выбраться из него для слабого волей человека возможно лишь при коренной ломке жизни. Уехать куда-либо, порвать с накипью «цивилизации», одуматься, окрепнуть, найти себя, утвердиться в этом – а там можно и вернуться в город.

Сюда бы тебя – живо показал бы я дэнди с Хрущей¹⁵¹⁾, где зимуют раки. А иначе жизнь пролетит мимо тебя, как в киношке. Ахнешь перед смертью, ругнешься с тоской – и в небытие. Впрочем, в бытие. И тут-то ты увидишь прожитую жизнь под совершенно иным углом зрения. Как мало

действительно значительного найдешь ты в ней!

Определи себе ежедневный досуг в полчаса, 20 минут, и попытайся быть это время с самим собой. Вдумывайся больше в свои поступки, привязанности, времяпрепровождение. По возможности – никакой рисовки. К черту <...> изломанность. Не к лицу она нам. <...>. Да, впрочем, разве скажешь все в письме, даже и длинном! Хорошо бы просто повидаться, поделиться опытами. Но когда это будет возможно – не скажу.

Насчет твоих знакомых и друзей – боюсь, что нет у тебя настоящей мерки для людей. И, весьма вероятно, ты или слишком снисходителен, или часто разочаровываешься. Женщинам не очень верь. Они часто лгут просто по природе своей, сами того не сознавая. Изливаешься ты, она тебе поддакивает, вздыхает с тобой, говорит: «Да... вот и я тоже...». Ну, думаешь, нашел родственную душу. Рад. А на самом деле ничего подобного. Просто тонок нюх у них насчет слабых струн нашего брата и, может быть иногда и почти бессознательно, они сразу берут быка за рога. Миля того же мнения и всегда больше верит мужчине.

Кончай свою художественную школу, да и выбирайся в поиски сюжетов куда-нибудь подальше, безразлично, в Кара-Кумы или на Печору, но туда, где есть ширь и размах. Несомненно, что тебя первое время придавит величие и суровость окружающего. Выдержи, победи. Истопчи неприветную к новичку землю, полей ее потом своим, полюбишь ее и она раскроется для тебя, и без конца ты будешь находить все новые и новые радости, тем более, что ты художник.

Миля, например, навсегда отравлена просторами и, если бы не сын, ее не удержать в городе. И это – несмотря на все трудности, передраги и прочее.

Ты себе представить не можешь, как хочется мне иногда увидиться со всеми вами, особенно, конечно, с мамой. Поправься у нас дело с монетой – я с удовольствием звал бы маму к себе. К сожалению, сейчас очень трудно приехать в СССР из-за границы на короткое время, т.к. все равно считается, что ты вернулся, и надо брать новый паспорт¹⁵²).

Пиши, что думаешь обо всем вышеизложенном. От меня скоро писем не жди, хотя я постараюсь написать с дороги. Возможность отослать будет.

Привет всем, всем, всем. Особенно Модесту, Васильевым¹⁵³). А где сейчас Лева Аграновский¹⁵⁴)? Пиши обо всех знакомых.

Кажется все. Крепко жму руку.

*Vale*¹⁵⁵) <подпись на старомонгольском>.

IV 18 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 19 июля 1928.

19/VII/28 г.

Сангин-Далай

<в Сигеевку>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Получила недавно Ваше письмо из Сигеевки, очень, очень обрадовалась ему. Вы первая поздравили меня с рождением сына <...>. Я с ним живу сейчас на даче, верстах в 20 от Урги на противочумной станции у знакомых. Андрей 30-го июня уехал в экспедицию¹⁵⁶⁾ вместе с Кондратьевым и его женой. Хотели вернуться в середине ноября, но, наверное, запоздают. Два номера журнала «Хозяйство Монголии» (1-й и 2-й), где помещены статьи Андрея, еще он выслал Вам через Москву, получили ли Вы их? Третий номер¹⁵⁷⁾ вышел недавно, как только получу его, тоже перешлю через Москву.

Если бы у Андрея было больше времени, он мог бы сейчас приняться за большую, серьезную работу, время его уходит после каждой экспедиции на обработку собранных материалов, на отчеты и вот на такие статьи для разных монгольских журналов и министерств. Думаю, что таким образом (т.е. на этих статьях) он приобретет привычку писать и усидчивость, к тому же соберет побольше материалов. Работает он очень много, но условия работы хорошие – время не ограничивается днями и часами, разнообразие, большие возможности для творчества. Он своей судьбой доволен. <...>.

Он очень похудел за время моих страданий и болезней. Я рада, что вскоре после этого он уехал в экспедицию, там отдохнет от кутерьмы, которая еле начала успокаиваться к его отъезду. <...>.

Андрей уехал в экспедицию, предварительно отправив нас на дачу и устроив все, как следует. Вообще он очень нежный и заботливый папаша, для сына сделано и делается все, что нужно, хотя бы и в ущерб себе.

Сейчас я вполне отдыхаю. Нас живет здесь вместе трое, все дамы, есть прислуга <...>, я занимаюсь исключительно сыном. Правда <...> иногда очень устаю к вечеру, т.к. человек он «с весом» - 16½ фунтов. Все время мы с ним проводим на воздухе, и я таскаю его на руках, т.к. коляски нет и негде достать.

Постараюсь Вам описать его, насколько могу, беспристрастно. У нас папаша гораздо пристрастней и нежней мамы – Андрей все время уверял меня, что сын очень хорошенький и первое время не давал и мне и ему спать тем, что по ночам вскакивал к нему при малейшем шорохе. (Правда это было только тогда, когда я не могла вставать). <...> Зовут его Алтай, а ласкательно – Аля, Алек <...>. Алтаем он назван по желанию папы из тех соображений, что мама любовалась гобийскими хребтами Алтая в первые месяцы беременности, оттого, вероятно, и у сына глаза вышли синие-синие, как горы

вдали. <...>. Похож на Андрея и иногда на Вас. Глаза бывают часто совсем, как Ваши. <...>. Он улыбается, иногда громко смеется, много «разговаривает» и все время барахтается. <...>. Очень любит песни. Стоит мне запеть, он тоже начинает бесконечно что-то тянуть и мурлыкать. <...>. Самое интересное время сейчас, когда пробуждается постепенно сознание и всякие чувства. Тому, кому он дорог, все это чрезвычайно интересно и радостно, и вот слежу за всем этим и радуюсь и грущу над ним я одна. Когда вернется Андрей, ему будет уже 7 месяцев.

Здесь у моей знакомой есть сын, ровесник Алеку. У него вся родня здесь – и дедушка, и бабушка, и тетки, и дядьки. Все они не могут нарадоваться на Павлика¹⁵⁸). Часто мне бывает грустно, глядя на их счастье... Таков уж человек, всегда ему чего-то нехватает. <...>.

От Андрея пока еще нет никаких известий, если будут – сообщу все интересное и Вам. <...>. Нет еще месяца, как уехал Андрей, а мне уже очень, очень грустно иногда бывает без него. Вы вырастили очень хорошего сына и человека. Я никогда не закрываю глаз на все его слабые стороны, и все-таки хорошего в нем больше. Мы как-то говорили с Кондратьевым и оба пришли к заключению, что Андрей необычайно благородный и милый человек. Мнением Кондратьева Андрей дорожит.

Желаю Вам всего, всего хорошего, а главное здоровья и душевной бодрости. Перебирайтесь скорее к своим поближе¹⁵⁹). Мы с Андреем очень хотели бы видеть Вас у себя, но пока мы не сможем доставить Вам покой и удобства, этого не должно быть. Андрей говорит, что он должен «покоить» родителей, как когда-то у него было записано в детском дневнике. Думаю, что желание его сбудется. <...>.

Крепко-крепко целуем Вас оба. Сынок у меня научился громко смеяться и теперь часть хохочет вслух. Каждый день у него появляется что-нибудь новое!

Ваши Миля и Алек.

IV 19 А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 6 декабря 1928.

<Улан-Батор>

<в Москву>

72 7222 6/12/28
 Мон друг!
 Датирую на двух языках, чтобы дасть тебе наи-
 ного солида воле. Давно уже (медаль твоя на-
 зад) вернулся я из экспедиции. В этот год
 заморозки не было. Обиды и неудачи и коро-
 на. И местность и погода работы в этом году
 были совсем иные, нежели в прошлом. Горы, горы и горы,
 вероломные хребты, правда без великого снега, но все же до 3500
 метров над уровнем моря, а то и выше. Много леса, пыльные
 альпийские луга, масса цветов, великий мир сорных растений, бего
 по рвущих каменную землю гор. Вдобавок голые вершины
 рослыми из огромных камней, следы древнего оледенения в виде
 огромных ледниковых цирков, морен. В такой обстановке я
 и проводил большую часть экспедиции. Горы в конце июля в видны
 снег, жары не видел вовсе. Трудности замкнулись в под'езде
 на крутые вершины, когда, при разреженном на таких высотах
 так воздухе, обмывала одышка и усталость. Зато была отдельная
 на вершине, наедине с небом, видела у своих ног бескрайнюю
 низ колеблющегося и нависла застывшее море гор, перемежаясь
 вбегая с знаменитой Гобийской вершиной, находившейся за
 за вершю от тебя — редкое малозаредение. При побуждении кру-
 ганили с камня на камень, лавины по скалам, рассыпались горы
 небезопасном, ноги делались стальными, движения — точными и
 расогнутыми. В горном воздухе и необычных горных условиях
 французский. На двух раз мы с Р.А. Кондратьевым сибиряков
 на экспедиции в Гобии. Маршрутом обхватили большой район
 на запад и северо-запад от Улан-Батора. Мне пришлось побывать
 и в пограничном Монголии Урянхае (Танну-Тувиинская долина),
 где проводником моим ушел все же медаль был старик-монгол.
 Тедкий по иркутскому ветру я провел в его торбе, когда он проши-
 сел меня по лагерю на его кампанах? Но отпущен кампа-
 ния отсюда до конца твоего. В конце экспедиции мы
 с Р.А. Кондратьевым побывали на оз. Касогом (до 120 в. длины
 при ширине в 40 в.). Достигай твой кисти обект!
 Благодаря камням ты привнеси вода озера, снего-аква

6/XII/28

<Улан-Батор>

<в Москву>

*Mon frère!*¹⁶⁰⁾

Датирую на двух языках, чтобы дать тебе немного *couleur locale*¹⁶¹⁾. Давно уже (недели три назад) вернулся я из экспедиции¹⁶²⁾. В этом году запоздания не было. Съездил интересно и хорошо. И местность, и методы работы в этом году были совсем иные, нежели в прошлом. Горы, горы и горы, огромные хребты, правда без вечного снега, но все-таки до 3500 метров над уровнем моря, а то и выше. Много леса, пышные альпийские луга, масса цветов, вечный шум горных речек, бешено рвущих каменную грудь гор. Суровые оголенные вершины, россыпи из огромных камней, следы древнего оледенения в виде огромных ледниковых цирков, морен. В такой обстановке я и пробыл большую часть экспедиции. Уже в конце июля я видывал снег, жары не видел вовсе. Трудности заключались в подъемах на крутые вершины, когда, при разреженном на таких высотах воздухе, одолевала одышка и усталость.

Зато быть одному на вершине, наедине с небом, видеть у своих ног бесконечное, раз взметнувшееся и навсегда застывшее, море гор, переглядываться с знакомой гобийской вершиной¹⁶³⁾, находящейся за 300 верст от тебя – редкое наслаждение.

При постоянном прыгании с камня на камень, лазании по скалам, россыпям, часто небезопасном, ноги делаются стальными, движения – точными и рассчитанными. От горного воздуха и необъятных горизонтов ширится грудь.

На этот раз мы с С.А.Кондратьевым комбинированной экспедицией двумя маршрутами охватили большой район на запад и северо-запад от Улан-батора. Мне пришлось побывать и в пограничном Монголии Урянхае (Танну-Тувинская республика), где проводником моим целых две недели был старик-шаман.

Редкий по интересу вечер я провел в его юрте, когда он пригласил меня посмотреть на его «камланье». Но описание камлания отложу до конца письма.

В конце экспедиции мы с С.А.Кондратьевым побывали на оз. Косогол (до 120 в<ерст> длины при ширине в 40 в<ерст>. Достойный твоей кисти объект! Благодаря каким-то примесям вода озера, светло-аквамариновая в мелких местах, на большой глубине принимает ни с чем не сравнимый чистый синий, очень густой и глубокий цвет. Смотреть на эту воду – чистая радость. И вот вообрази: такого цвета озеро обрамлено мохнатыми от леса горами. Золотой осенний лес (лиственница) смотрится прямо в воду. А на горизонте на фоне

светло-голубого усталого осеннего неба, как бы вырастая из дальних синих волн, высится огромная иззубренная вершина г. Мунку-Сардык, ослепительно серебристая от вечных льдов на вершине и свежевывающего снега на склонах.

Да вообще, *fli mi*¹⁶⁴, тебе, пожалуй, следовало бы навернуть летом сюда, побродить немного по Монголии и вернуться «знатоком по Востоку». Ты мог бы заполнить интереснейшими этюдами не один десяток альбомов. Съездил бы куда-нибудь со мной, пожили бы немного лагерной жизнью. Хотя бы поверхностно ознакомился бы с очень своеобразными страной и народом. Тем более, что я сразу же указал бы важное и не имеющее значение, кратчайший путь к познанию страны. Посмотрел бы и на будущего «носителя Симуковских традиций», твоего, находящегося ныне в полном и добром здравии племянника. Вообще, масса аттракционов! Если тебе эта мысль в принципе по нутру, к весне напишу подробный Бедекер¹⁶⁵ с указанием цен и вообще необходимой на это дело суммы.

Итак, вернулся я 12 ноября. Милю и Алтая нашел здоровыми и бодрыми. На даче Миля пробыла долго – до 10/X. К моему приезду для меня был отремонтирован один из учкомских домиков, и теперь я живу совсем отдельно, занимая две теплые комнаты. Кроме них в домике теплые сени и еще одна комната, где сложены экспедиционные вещи. Таким образом я фактически занимаю целый домик. До домика Кондратьевых не более 40 шагов. Столуемся мы по-прежнему коммуной, возглавляемой все тем же Фучином. Работаю я у себя дома, иногда бегая в Музей. Работы много, поэтому считаться с шестичасовым рабочим днем не приходится. Но работа настолько интересная, что этого не замечаешь. Миля пока занята исключительно сыном и нашим несложным хозяйством.

В комнатах наших светло (все окна на юг), бело и чисто. Снаружи дом белый с зелеными ставнями. Все это, так сказать, «внешнее оформление». Жизнь протекает тихо и мирно. В городе бываем не часто, больше по делам. В гостях очень редко, у нас тоже редко кто бывает. Лишь самое последнее время здесь завели постоянное кино, где мы иногда с удовольствием смотрим картины, о которых Москва уже давно забыла, вроде «Броненосца Потемкина» и «Ледяного дома».

Я продолжаю заниматься монгольской письменностью и в разговорах с знакомыми монголами, которые бывают у меня почти ежедневно, понемногу совершенствую свой разговорный язык. Работа, как и всегда, идет по двум линиям: Музей и обработка экспедиционных материалов.

Большим праздником для меня было чтение писем, полученных Милей за лето. Туапсе¹⁶⁶ твое меня просто по затылку стукнуло. Очень и очень рад за тебя. Только насчет моря не очень-то треплись; меня с моей «гобийской»

позиции не собьешь. С не меньшим интересом читал я строки, посвященные деревне. Не совсем согласен я лишь с твоими восторгам по поводу «освобождения» от земли. Нельзя так огульно отрицать и ее и труд на ней. О труде этом у меня остались очень хорошие воспоминания. Кроме того сейчас, по практике странствий скажу, что красота земли раскрывается и прочно запечатлевается лишь тогда, когда землю эту потопчешь как следует усталыми ногами и польешь потом. А авто вместо верблюда или пребывание в деревне на даче, вместо работы – это близкий к кинофильму (от которой мало остается в голове) туризм. Так что смотреть на Сигеевку через монокль совсем не годится.

Насчет маминих проектов о переселении в город ничего не могу сказать. Вам виднее. Но отнести к этому вопросу необходимо с максимальной продуманностью. Мне кажется, что очень трудно уехать из деревни, не сожегши этим там всех кораблей. Не рискованно ли это? Затем, хорошо ли представляет себе мама условия жизни в городе сейчас? Вообще, надо подумать и подумать.

За тебя я рад. В твоих письмах последнего периода нигде (как будто?) не заметно нотки усталости, пессимизма, вполне возможных при трудностях городской жизни. Но с другой стороны все-таки как будто чувствуется нотка некоторой поверхностности. В твоём возрасте пора относиться к жизни и людям несколько вдумчивее. Правда, чем больше вдумываешься, тем больше вылезает из покойного кресла поверхностности, но ведь только в этом случае и есть смысл существовать. Отбрасывать от себя глубины потому лишь, что они могут нарушить спокойное существование – преступление. Это совершенно независимо от характера мирозерцания, материалистического или идеалистического.

Мне очень хочется увидеться с тобой, узнать вплотную, что ты за человек сейчас. Кати сюда, повторяю, если есть хоть небольшая возможность. Как гражданину СССР тебе будут открыты все пути. Был тут один австрийский художник, очень хороший. Он пытался ездить, но, в силу его западноевропейского подданства, ему чинились всякие препятствия, что вполне понятно. А материала здесь – непочатый край. Рерих¹⁶⁷ затронул очень немного. И пейзажист, и бытовик-жанрист, и декоратор – все найдут здесь обильную пищу.

В заключение дам краткое описание шаманского камлания, виденного мной в Урянхае.

Дело происходило на южном склоне хр. Тагну-ула. У лесистой таежной речки на небольшом лугу стояла одинокая юрта. Над ней вздымались высокие белые известковые скалы. Невдалеке от нее, в густом ельнике я разбил свой лагерь. Под вечер меня пригласили в юрту смотреть ежемесячное камлание

старого Пельчже, шамана в 9-ом поколении. Во время традиционной чашки кирпичного чая и медлительных разговоров об охоте на изюбров (благородный олень), медведей и диких северных оленей незаметно стемнело. Старик не торопясь стал готовиться. Большой бубен, обтянутый медвежьей кожей, был подсушен над огнем очага. Дети притащили маленькое деревцо лиственницы, навесили на веточки 9 белых полосок материи – жертва духам гор и леса – и воткнули это деревцо в землю шагах в 15 от юрты, против двери.

После этого Пельчже стал одеваться в ритуальные одежды. На голову он надел шапку с венцом перьев филина и с черной бахромой, закрывавшей лицо. Затем натянул на себя короткую куртку из оленьей кожи. Сзади к этой куртке была пришита густая бахрома разноцветных подвесок, спускавшихся до полу, с металлическими полвесками, звеневшими при каждом движении. На плечах были прикреплены небольшие пучки перьев того же филина. Ноги Пельчже обул в мягкие расписные чулки из оленьей кожи (мокасины).

Одевшись, он попробовал бубен. Зажгли арцу (курение из особого смолистого кустарника) и стали его окуривать, обнося кругом ног. Наконец он повернулся лицом к висевшим против двери на стенке юрты онгонам (изображениям духов) и запел призывание, слегка ударяя в бубен. Очень скоро темп пения и ударов ускорился, движения стали быстры и резки, послышался храп – Пельчже впал в транс. Петь он перестал. Глаза были закрыты. Тело быстро вертелось то в одну, то в другую сторону. Гулкие удары в бубен, неизменно ритмичные, стали угрожающе сильными и частыми, странно волнуемыми и зовущими. Освещенный красноватым отблеском очага старый Пельчже крутился в неистовом танце жреца древней «черной веры». Временами длинная бахрома его одежды образовывала сплошной горизонтальный мерцающий круг. Глухие, ритмичные звуки бубна с аккомпанементом железных подвесок то наполняли пространство и мощным потоком лились на нас, то замирали. Тогда Пельчже наклонялся к бубну и вслушивался в него. Слышался тихий смех, свист и громкий храп. Затем снова начиналось безумие пляски. Временами старик пел, торопясь и захлебываясь. Бубен то и дело взлетал к самой крыше юрты.

А снаружи мерцала глухая лесная ночь. Спали темные мохнатые таежные гривы, чутко сторожили тишину остроконечные белые скалы. Где-то по сопкам в золотом упоении хрусталем осени победно и звонко трубили изюбри – стадо духа гор.

Во вторую половину камлания Пельчже неожиданным прыжком перемахнул через огонь очага и выскочил из юрты. Пляска продолжалась под открытым небом, около деревца с белыми ленточками, где также вился сладкий дым арцы. Затем он вернулся в юрту. Пришло время проричать.

Шаман каждому из нас по очереди бросил свою колотушку для бубна, обтянутую кожей дикого северного оленя, и напевно, стихотворными, довольно невнятными строками предсказывал ближайшее будущее. Мне сказал по поводу завтрашней охоты, что убью козу. Предсказание исполнилось.

После предсказаний он камлал еще довольно долго. Наконец темп движений и звуков стал замедляться. С шамана упала шапка, постепенно стала сползать одежда. Жена его приготовила шубу. В последний момент, когда одежда упала на пол, Пельчже весь выгнулся и в судороге ухватился за остов юрты. Тут на него накинули шубу и общими усилиями заставили сесть. Во время вторичной судороги с него стянули обувь. Постепенно он пришел в себя, усиленно растирая себе лицо и отдуваясь. С наслаждением выпил чашку чая и затянулся трубкой. На дворе звезды подвинулись к полуночи.

Камланье это продолжалось долго – не менее трех часов. Просто трудно было предположить, что человек в нормальном состоянии, будучи уже в преклонном возрасте (Пельчже за 50) может вынести такой вихрь движений. Такое серьезное камланье несомненно носит в себе элементы транса и экстаза.

Вот тебе маленький кусочек здешней жизни, правда довольно яркий. Сын мой неуклонно растет и обнаруживает недюжинную физическую силу. В этом, вероятно, ему помогает крестный отец – «семидесятиглавый седой Алтай» монгольского эпоса. Скоро уже он сядет на коня. Вообще не дитё, а чистая радость.

Почти одновременно посылаю журнал «Хозяйство Монголии» с моей статьей¹⁶⁸. Статья неважная <...>, но общее представление о ландшафтах дает. Прочти поскорее и перешли маме. Кроме того в это письмо вкладываю фото этого (1928) года. Удачный выстрел: под лопатку на 400 шагов. Это – горный баран, аргали, архар, взрослый самец¹⁶⁹.

Твой Андрей

Приветы всем. Тете Оле и Але в особину. Впрочем обеим, а также и маме пишутся письма.

3/1/29 г.

IV 20 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 25 декабря 1928.

25/XII/28 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая мамочка!

<...> Вот уже полтора месяца, как я вернулся из экспедиции¹⁷⁰, а письмо

тебе все еще не написано. Миля стыдит меня ежедневно. Оправданий и приводить не стоит. Просто стыдно мне очень.

Экспедиция этого года прошла вполне удачно. С каждым годом опыта по этой части прибавляется все больше и больше.

Везде по Монголии чувствую себя я как дома. Быстро, легко схожусь с мирными и радушными степняками, знаю их интересы и нужды, словом очень часто бываю «своим» человеком. Поэтому и узнаю многое, что ускользнуло бы от «европейца».

Народ здешний совсем не такой некультурный, как принято обычно думать. Мне всегда досадно, когда какой-нибудь свежеприбывший верхогляд говорит: «... эти дикари», хотя сам в некоторых отношениях бóльший дикарь, чем монголы. А есть и такие, которые целый ряд лет живут бок о бок с монголами и, считая этих последних много ниже себя, нимало не интересуются своеобразной, имеющей такие глубокие и различные корни, культурой страны.

Районом моих странствий в этом году были хребты и горные страны Центральной и Северной Монголии. Совсем иные ландшафты, нежели в прошлом году. Почти везде хоть немного лесу (лиственница), выше него пышные многоцветные альпийские луга, везде много воды, шумные горные речки, крутосклонные высокие горы, довольно много населения.

Но много времени провел я и в безлюдных местах, в высокогорных районах. Приходилось лазить на высоте 2500–3600 метров над уровнем моря. Трудновато. Подъемы крутые, россыпь, каждое движение должно быть рассчитанным, четким, иначе нетрудно и сорваться. А сердце колотится и работает, как поршень в паровике. Дыхание затруднено. На вершинах я видел снег в конце июля.

Как хорошо на этих вершинах быть одному! Чувствовать себя как бы хозяином окружающего хаоса гор... Это чувство зависит от привычки быстро разбираться и осваиваться в извивах хребтов и долин, от того, что окружающее не подавляет меня, так как я знаю, как к нему подойти.

Маршрут этого года был тоже очень велик – более 2500 верст. Вернулся я 12 ноября. Возвращение было совсем иным, нежели в прошлом году. Тогда в Ургу тянуло положение Миля и усталость от бесконечных огромных переходов (чуть ли не по 1000 верст в месяц), а теперь я ехал домой, где меня ждали Миля и сын. И чувство, когда я увидел дым Урги с последнего перевала, было совсем особенным.

С тех пор мы живем очень тихо и мирно. Большая работа не дает возможности рассеиваться, да этого и не хочется. «Вылазки» бывают редко, почти исключительно вдвоем. Тогда с сыном остается наш старый друг и товарищ китаец Фучин. Впрочем остается он больше для виду, так как Алтай

имеет благодатную для родителей способность спать по 12 часов подряд. В кино (постоянное появилось только этой зимой) бываем еще реже.

Наш беленький домик (кроме нас – никого) стоит в самом дальнем угду учкомского двора. В окна (все на юг) виден кусочек лесистой Богдо-улы, горы, имеющей верст 80 в окружности. Воздух чист, чего нельзя сказать про ургинский центр. Вообще, живем почти на даче. Видим восход и заход солнца, любимся изумительно яркими звездами. А мороз частенько доходит до 35° Цельсия, а то и ниже (28–30 по Реомюру). Но ведь холод переносится здесь много легче, чем у вас.

Работаю по-прежнему по Музею, обрабатываю экспедиционные материалы. Колупаю статьи в «Хозяйство Монголии», недавно прочел на курсах монголоведения для русских ответработников (при полпредстве) две лекции (о географии и населении Монголии), сошедших хорошо. С сослуживцами и начальством отношения, по-прежнему, прекрасные. Всю письменную работу я по-прежнему делаю дома и определенными часами не связан. Будущим летом больших экспедиций не предвидится, буду большей частью сидеть в Урге. Слишком много хвостов, необработанного накопилось за эти 2 года.

Одно время шел разговор о возможности командировать меня для повышения квалификации в Ленинград, но пожалуй смета этого не позволит.

О том, как мне хочется повидать тебя, Лешу, Алю, тетю Олю и говорить не приходится. Может быть это и сбудется в скором времени.

Сын – это каждодневная, сплошная большая радость. Чем старше он становится, тем ближе он делается мне, тем больше понимаю я радость быть отцом и следить за постепенным развитием сознания. Для 9-ти месяцев он хорошего роста, правильно, пропорционально сложенный хорошенький парнишка. <...>. Любит играть в прятки (прячется в маму, либо в подушку), танцевать (прыгает препотешно). Монгол предпочитает русским. День-деньской возится, играет, но вместе с тем очень нетребователен и скромнен. Синие яснае глазки «с массой выражения и ума» по мнению родителей, 4 зуба и препотешный светлый чубик.

Письмо это, как ни стыдно, пишу уже почти два месяца. Альке завтра стукнет 10 месяцев. <...>. В свободные минутки мы с ним превесело играем. Купаем его через день, и он очень любит плескаться в воде. Половина ванны обычно на полу. Он очень любит смотреть в окошко и далеко узнает, если идет Миля или я. Весело смотреть, приближаясь к дому, как в окошке прыгает веселая фигурка, колотящая по стеклу ручонками. Он уже понимает, что значит, если мама или папа одевают шапку и сразу становится грустным. Очень стремится ходить и, наверно, к году овладеет этим искусством. <...>.

Скоро уж мы с ним будем ходить на охоту, бить коз и т.д.

Монголов он очень любит, а к русским относится с подозрением и побаивается. Все знакомые монголы постоянно спрашивают о его здоровье, на Монгольский Новый год неуклонно дарили ему что-либо, хотя бы серебряную монету.<...>.

Праздники, и русские, и монгольские (последние были на днях с 10 по 15 февраля) мы провели весело и довольно разнообразно. Ходили по гостям, немного фокстротили. Новый год встречали у нас, т.е. у Кондратьевых, причем считая и нас собралось до 15 человек. Разошлись в шестом часу.

В первых числах февраля (было здорово холодно, до -45°С) я съездил верст за 80 от Урги в тайгу, где настрелял птиц для Музея и наснимал дюжины 3 фотоснимков.

Монгольский Новый год встречал в Урге впервые, в прежние годы все уезжал. Обычай возможно больше визитировать свято исполнил и ходил <с визитами> и принимал оные пять дней подряд. Теперь и ко мне ездят с визитами. <...>. Как-то живешь ты? У нас все ходят слухи, что в наших краях трудно¹⁷¹). Здесь пока хорошо; были бы деньги.

Все время думаю о том, как бы заполучить командировку и повидать тебя. Скоро ли это удастся – не знаю.

Крепко целую тебя, моя мамочка, хочется скорее свидеться; крепко целуют тебя и внучек, и Миля.

Твой Андрей.

IV 21 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 21 апреля 1929.

21/IV/29

Уланбатор

<в Сигеевку>

<Дата и надпись на
старомонгольском>

Дорогая моя мамочка!

Мое молчание в течение такого длинного периода – совершенно непростительное свинство. <...>. От Мили мне несколько раз здорово попадало за то, что я никак не соберусь писать тебе, а не здорово попадает чуть ли не каждый день.

18-го апреля Алтаю исполнился год. И что же это за бесконечно дорогое, милое, такое веселое и потешное существо! Ходить самостоятельно он начал 11½ месяцев, опередив в этом отношении всех своих сверстников, и теперь топает вовсю. Падать не боится, шишки на лбу – явление перманентное. Но плачет после ушибов мало, после небольших иногда и вовсе не подает голоса. <...>. На руки никогда не просится, наоборот, возмущается, когда

возьмешь, чтобы хоть немного отдохнули ножки-топалки.

Испытываешь совсем особое чувство, когда он подходит, вернее подбегает к тебе во время работы и кладет головку на колени, рассказывая о чем-то. <...>.

Скоро он с мамой уедет на дачу, будет там бегать голышом, увидит лес, птичек, будет плескаться в ручье. Загорит, наверно, здорово. Он и сейчас уже посмуглел. Гуляет почти каждый день. К счастью эта весна не так ветрена, а то пыльные и холодные ветры часто заставляли бы его сидеть дома. Здесь ведь весна иная, нежели у нас – сухая и ветреная.

Что же касается меня, то я весь в работе. Получается по пословице: чем дальше в лес, тем больше дров. В этом году из-за работы не придется и в дальнюю экспедицию ехать – слишком много старых, недоработанных хвостов накопилось. Лишь в ближайшие дни уеду на месяц в Гоби, и не на верблюдах, а на автомобиле.

Много времени отнимает, конечно, и забота о побочном заработке. Мне немного прибавили – получаю теперь 150, но проживаем мы, при сравнительной дороговизне здесь, не менее 200. Работает и Миля, обрабатывая на дому данные метеорологических станций нашей учкомской сети. Концы с концами сводим. Живем все время очень тихо и скромно. В гости ходим редко, у меня публика бывает больше по делам. В конце концов весь день с небольшими перерывами проходит в работе. Но работаете обычно радостно и легко, т.к. работа более или менее творческая. Её минус в том, что конца-краю ей не видно. Все время открываются новые и новые направления, в которых кажется совершенно необходимым поработать.

Своим предположением, что мы испугались твоего приезда, ты меня очень обидела. Мне бы такая мысль и в голову не пришла. Мы так истосковались по близким нам людям, что приезд твой был бы очень большой радостью для нас, тем более, что, судя по всему, нам выбраться на время в СССР очень трудно. Во-первых надо большую монету, а во-вторых трудно выбраться обратно – слишком много хлопот с паспортом.

Расставаться же с Монголией сейчас ни мне, ни Миле не хочется. Полюбил я Монголию крепко, ее степи, леса и горы сделались совсем близкими мне. Да и Миля тоже успела привязаться к окружающему. Почти каждый день на закате мы выходим к воротам и любимся Богдо-улой, огромной лесистой горой, поднимающейся всего в 4–5 верстах от нас.

Относительно возможности для тебя работать здесь я снова наведу кое-какие справки. Тем более, что недавно познакомился с заведующим (третьим на моей памяти) советской школы, который оказался нашим земляком, гомельцем. Фамилия его – Барабанов.

Относительно хозяйства нашего¹⁷²⁾ мне очень трудно сказать что-либо, так

как я довольно плохо представляю себе современные условия наших города и деревни. Весь вопрос в тебе, так как ни Леша, ни Аля на землю, вероятно, не вернуться. Что же касается меня, то если я это и сделаю, на запад не поеду, а постараюсь устроиться где-либо на востоке. Ежели ты, без риска полуголодного существования, сможешь устроиться в городе – в полной ликвидации хозяйства я большой беды не вижу.

А уж как хотелось бы видеть тебя здесь – и сказать не умею. От Леша я получил как-то большое и хорошее письмо. <...>. Летом, вероятно, буду сидеть в Урге, совсем один, а потому буду писать чаще. <...>. Целую тебя крепко, моя дорогая мамочка, хочется мне видеть тебя, побыть с тобой. Пиши чаще, больше.

Привет родной земле (пролитого пота не забыть), привет близким, ежели еще кто меня помнит.

Твой Андрей.

IV 22 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 мая 1929.

8/V/1929

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Не сердитесь на меня, пожалуйста, за долгое молчание. Счастливые люди часто бывают эгоистами, а счастья у меня сейчас очень много. Конечно, все оно исходит от сынули. Недавно ему исполнился год, и к этому времени он уже ходил. <...>. Сейчас он хорошо ходит, иногда очень неуклюже, как медвежонок, бегает, гоняет собак на дворе во время гулянья, расхаживает важно по всему учкомскому двору, заходит самостоятельно в домик Кондратьевых, наводит порядок у Фучина в кухне, заглядывает в юрты к монголам, чем вызывает страшный восторг с их стороны, словом предприимчив необычайно, а также и разговорчив – иногда держит торжественную длинную речь к кому-нибудь, причем слушатель понимает только «папа», «мама» и «дай», остальное – какой-то новый, неизвестный никому, кроме него, язык. Одевается он по-мужски: брюки, рубашка, ботинки, а на улице – монгольский халатик или фуфайка. <...>.

Отношения у нас в семействе таковы. Мама – строгое и твердое начало, папа – доброе, пытающееся быть строгим (ничего не выходит). Вообще папа наш – лучший из пап. Очень любит сына, внимателен, заботлив и нежен с ним. Стараются помогать мне в заботах о нем. <...>.

А от сына сейчас нет никакого спасения. Тащится, хватается и роняется все, находящееся в пределах досягаемости, даже бумаги с папиного письменного стола, для чего приходится становиться на цыпочки и тянуться

изо всей мочи. Лезет в плитку, затем оmyвается в ведре¹⁷³), затем лижет мыло, заводит часы, подлизывает с пола соринки, собирает и с аппетитом ест завалившиеся корочки, целует мамины старые туфли, топчет радостно по луже, вытирает свои лужицы, <...> и все это делается страшно быстро, так что не успеешь в одном месте спасти что-нибудь, как он уже творит беду в другом. Очень любит гулянье и проводит дни на дворе. Очень загорел и поздоровел, но немного похудел. (Похудеешь тут, ведь столько работы!). <...>. Андрей на днях должен уехать на месяц в Гоби (любезные сердцу места!). Я с сыном отправляюсь (тоже на днях) на дачу к Бадмажаповым, очень хорошим нашим знакомым. Юрта, в которой мы там будем жить, отправляется туда послезавтра.

С Андреем я постоянно сражаюсь из-за писем. Много ему попадает за то, что редко пишет Вам. Он говорит, что для письма он должен собраться, подумать, а при настоящей занятости это не удастся, а я говорю, что если он матери напишет о самых простых вещах и событиях, так она будет рада так же, как и длинному письму «с психологией». Андрея иногда требуется подталкивать в простых жизненных вещах и вопросах, к сожалению, я не всегда это могу делать спокойно, а потому ему иногда малость перепадает. Вот единственное темное пятно в нашей жизни.

К весне я всегда нервничаю больше положенного. Расстраивает то, что я не могу поехать в Гоби, мучительно и даже немножко противно смотреть на веселые, довольные лица других, менее пригодных для путешествия людей. (Относится это, конечно, не к Андрею). С другой стороны утешением служит то, что у меня сын <...>. Хочется поскорее уехать на дачу, не видеть экспедишников и успокоиться. Хотя, конечно, на деле все это менее страшно, чем на бумаге.

Очень хочется нам увидеть хоть кого-нибудь из близких. Андрей не теряет надежды увидеть здесь Лешу. Пишет ему об этом. А материалу для него здесь непочатый край. Художников <приезжих> здесь мало было.

Пишите по-прежнему на Учком, уж оттуда перешлют нам, где бы мы ни были, да и Андрей ведь скоро вернется. Целуем Вас оба с внуком крепко-крепко.

Я иногда работаю, а он подойдет и приласкается. Так хорошо бывает от его ласки.

Всего хорошего.

Ваши Миля и Алек.

IV 23 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 17 июля 1929.

17/VII/29 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая мамочка!

Сегодня получил твое письмо, посланное воздушной почтой. Надежды твои не оправдались: как раз был большой перерыв в воздушном сообщении вследствие плохой погоды. Поэтому письмо подоспело лишь к моим именинам, которые я провожу одиноко в пустой квартире, заваленной работой. Вследствие этой самой работы я пропустил уже два раза возможность съездить на два-три дня на автомобиле к Миле и Алику. Сведений о них не имею уже недели две. Сегодня вечером, наверно, получу письмо, а завтра, может быть, поеду на лошади к ним дней на 5–6, так как самая спешная и важная работа сдана.

Миля и Алик уже давно на даче. Я отвез их туда на машине еще 11 мая. В этом году они в другом месте, лучшем, чем прошлогоднее. В 70 верстах к северо-западу от Уланбатора, в стороне от больших дорог есть заимка (т.е. по-сибирски хутор) одной знакомой семьи¹⁷⁴. Хутор этот расположен в устье лесистого ущелья со скалами, по дну которого бежит веселый ручей. До лесу всего полверсты. Большой участок луга огорожен изгородью. Посредине аккуратный домик – зимняя дача. Ледник, амбар, навес. Внутри изгороди протекает ручей, устроен искусственный пруд и бьет чистый холодный ключ, огороженный еще отдельно, чтобы сохранить чистоту. К этой общей ограде, в которой стоит и моя юрта, прилегает порядочный огород и десятины 3½ поливного (из канавы) покоса. В полуверсте ниже китайские пашни и маленький поселок с китайцами-земледельцами, а дальше – широкая степь, за которой виднеются новые горы. С севера и востока хутор защищен горами. Лес сосновый, с березняками, густой. Есть тетерева, козули, даже бродят 2–3 оленя. Плохо, что в скалах много змей, приползающих иногда к хутору. Цветов в июне была пропасть, самых разнообразных, теперь же их, наверно, меньше, но все-таки достаточно. Дождей было много, и травы и хлеба хороши, хотя лето стоит прохладное. Действительно жарких дней было мало.

Большую юрту я нанял за 10 руб. в месяц. Войлока неважные, но я подложил на крышу китайской клеенки, обставил стены циновками, поставил чугунную печку – и ни одна капля дождя не попадает в юрту. Внутри, стараниями Мили, все просто и чисто. Миле помогает девчонка лет 15, вроде прислуги. <...>. Мясо, молоко, картошка и прочие овощи – на месте. Муку и прочие городские продукты доставляю я из города.

Алька загорел и носится целый день, как угорелый: то гоняется за курами, то лезет под лошадей (Миля иногда катается верхом; у нее есть свое казачье седло), то в пруд. Он очень крепенький. Терпеть не может торчать на руках, и мы ходим гулять в лес «за ручку». Но так как вверх ему идти трудно, то он поворачивается и бежит обратно, вниз. Если дождь, и надо сидеть в юрте – он нервничает и капризничает. Миля тоже поздоровела и поправилась, стала

крепче нервами, бодрее. Иногда только ее пугает Алтай, склонный к простудам (от меня, вероятно) и бронхитам.

Большое счастье для меня, да и для Миля, что они смогли выехать на дачу так рано. Позже в Урге развилась эпидемия скарлатины. Хотя и скучно мне до чертиков, хоть и скучает Миля без меня, а все-таки я счастлив, что она отдыхает и большей частью не знает всей кучи всяких дел и обстоятельств, приятных и неприятных, всей работы, словом, среди чего я верчусь в Урге, как белка в колесе.

А тут сейчас в некотором роде переломный период¹⁷⁵⁾, предстоит реорганизация Учкома (что уже отчасти сделано с прочими учреждениями), везде работают ревизионные комиссии. Поэтому приходится проводить отчетную кампанию, писать о том, что сделано, что должно быть сделано в ближайшем будущем и что желательно было бы сделать в случае реорганизации и увеличения бюджетов.

А я сейчас кроме Музея заведую еще и картографическим кабинетом и сотрудничаю, вместе с Кондратьевым, в отделе экспедиционных исследований. Помимо этого участвую в профсоюзной работе (член Монгольского профсоюза) и приглашен в качестве представителя от Учкома в две комиссии при Монголбанке: по пропаганде агрикультуры и по устройству сельхозвыставки во время ярмарки и военного праздника, которые состоятся в начале августа.

А так как к весне и лету в семейном бюджете всегда оказываются провалы, и, кроме того, надо готовиться к зиме, то, вследствие небольшого жалования, (все те же 150 руб.) приходится прирабатывать на стороне. Работа есть. Время от времени пишу в «Хоз<яйство> Монголии», получил большую работу в Штабе¹⁷⁶⁾, предлагают писать в военном журнале, кроме того помогаю Миле в обработке метеорологических данных. Как видишь, дел не на одного, а на трех по крайней мере. Силы есть, поддерживает сознание, что мои на даче отдыхают и здоровеют и что зимой заживем вместе тихо и мирно. Больше будет работать Миля, легче будет мне, да и работа войдет в более спокойные рамки, можно будет почитать, пописать и подумать.

Конечно, ни о каких экспедициях этим летом нечего и думать. Разве так в октябре м<есяце> можно будет устроить какую-нибудь экскурсию недели на две-три.

Весной мы с Кондратьевым все-таки с месяц проехали (18/V – 13/VI)¹⁷⁷⁾. Сделали на автомобиле около 2000 километров по Гоби, причем 650 км совсем без дороги, прямо по пустыне. Чуть ли не в самом центре Гоби (600 км к югу от Уланбатора) поставили в большом монастыре (300 монахов - лам) метеорологическую станцию и оставили там на год русского наблюдателя, студента-восточника¹⁷⁸⁾. Вот кто ведет сейчас блаженную отшельническую

жизнь! Кругом пески, пустыня, вдали широкая панорама скалистых горных цепей. Солнце, песок, небо и тишина... В монастыре узкие улочки, домики-кубики из глины, вообще что-то очень близкое Туркестану и Персии, только без садов. Изумительные зори под аккомпанемент низких, мелодичных звуков ламских труб...

Я с удовольствием побывал на юге, отчасти почти в местах, где был уже три раза подряд (25–26–27 г.г.), значительно расширил свои познания о Монголии (теперь я прилично знаю бóльшую ее половину, осталось ознакомиться с крайними западом и востоком). Пустыня, все-таки тянет меня значительно больше, чем северные леса. М<ожет> б<ыть> потому, что там больше солнца, проще и потому чище природа, больше простора и воздуха. Только там я действительно дышал полной грудью.

Тон твоего письма меня очень порадовал: спокойный и отзывающий именно относительным благополучием, хотя бы внешним. Рад я, что ты решила пока остаться в Сигеевке. Последнее время, судя по разным известиям, доходящим до нас, в городе все-таки плоховато¹⁷⁹⁾. У меня сердце болит за наших москвичей – тетю Олю, Лешу, Алю. Наверно, тяжело приходится! Как у них с заработком? Что они подельвают? От них тоже уже давно никаких известий. Ну, может быть, за лето отдохнут у тебя.

К сожалению возможность повидать тебя все отодвигается и отодвигается. Еще год назад об этом можно было говорить довольно определенно. Но вот пришли перемены¹⁸⁰⁾ и снова вспомнить об этом можно будет, наверно, не ранее года, за исключением каких-либо особых обстоятельств. Хуже всего затруднения при выезде обратно. А ехать с тем, чтобы сюда не вернуться, ни мне, ни Миле не хочется. Привыкли мы к стране и к людям, полюбили и то, и другое, кое-как наладили жизнь, а там надо начинать сначала в очень нелегких условиях, менее заметных лишь для того, кто привыкал к ним постепенно.

Здесь я в своей сфере. Недостаток теоретических знаний во многом покрывается практическим знанием страны, её условий, языка, подкрепляемым хорошей памятью, пока еще сохранившейся у меня. Так, например, всякие свои работы я пишу всегда непосредственно, не лазая по дневникам и записям, разве что потребуется какая-нибудь мелочь, выскочившая из головы. Относительно твоих слов «не вечно же сидеть в Урге зав. Музеем», я должен сказать, что так сказать «научная карьера» меня интересует мало. В моей теперешней работе творческие возможности неисчерпаемы и разносторонни. Кроме того я постоянно нахожусь в непосредственной близости от сырого материала, который только остается черпать. Мне всегда видны мелочи и пробелы в практическом познании страны, и я имею возможность их восполнять. Остается только добиться

возможности немного почитать и, может быть, съездить на несколько месяцев в Ленинград. Это для теории. Для меня это лучше, чем тянуть скучную лямку в ученых учреждениях центра и совершать изредка короткие поездки на 2–3 месяца в разные страны, не вращая в их жизнь, а оставаясь «туристом». Словом, здесь я настолько на месте, что частенько вижу те или иные промахи больших ученых, приезжающих сюда на короткое время.

Куча всяких дел, из которых было много неприятных, сильно отсрочила окончание письма. Я совсем не могу писать, если на душе неспокойно. Но теперь все вошло более или менее в норму и, хоть с запозданием, мое длинное послание до тебя доберется.

Лето идет к концу. Скоро уже привезу с дачи Милю с Алтаем. Все лето просидел в Урге, в жаре и пыли. К Миле ездил не часто – дела не пускали. Как прожила лето ты? А.Я.¹⁸¹⁾ писал Миле о том, что к тебе приезжал Алексей с товарищами, и они много малевали¹⁸²⁾. Что делает Аля? Мне почему-то всегда кажется, что ей живется нелегко. И я уже давно ничего не слышал о ней.

Все это время Алик был здоров и весел. Не знаю, как будет в Урге. Здесь с весны не прекращается скарлатина, и вообще в смысле санитарии городок так себе. Особенно летом. Правда, мы живем в стороне от центра, его пыли, грязи и грохота автомобилей, которых здесь много. Я так рад за Альку и Милю, что они хорошо отдохнули за лето. Оба выглядят прекрасно. Я чувствую себя пока тоже хорошо.

Теперь буду писать регулярно. Летом уж очень много было всякой возни.

Вкладываю в конверт фотографии. <...>. Одновременно посылаю Милино письмо тебе. Журналов с моими статьями накопилось уже 4. Все ждут отправки к тебе – вышлю с этой же почтой.

А увидеться очень и очень хочется... И трудно. Когда у тебя кончается срок для пенсии? Потому что самое простое – пожить тебе здесь, у нас.

Крепко целую тебя, дорогая мамочка, прости ты своего беспутного первенца за молчание. Исправлюсь обязательно.

Твой Андрей

P.S. Нажми на Алексея, чтобы написал.

IV 24 М.А.Симукова – Н.Я Симуковой. 10 августа 1929.

10/VIII/29 г.

Сучжи

<в Сигеевку>

Очень давно писала я Вам,

да и всем тоже, дорогая Наталья Яковлевна.

<...>. Я, должно быть, не так крепка, как Андрей, и меня, в особенности теперь, часто тяготит отсутствие близких родных людей. <...> Так хочется, чтобы кто-нибудь еще кроме нас двоих порадовался бы на нашего маленького человечка. Думаю, что и Андрею этого все-таки хочется, часто мечтаем о бабушках.

Живу я с сыном сейчас на даче, верстах в 70 от Урги, у наших знакомых Бадмажаповых. Альке здесь очень хорошо – лес, луг, горы. Он загорел, выглядит очень хорошо и носится целый день по лугу вокруг юрты, в которой мы живем. Часто хожу с ним за ручку в лес, ему такие прогулки нравятся, рвет цветы, нюхает и мне дает понюхать, зазевывается на птичек, слушает, как лес шумит, причем презабавно поднимает носик кверху – старается рассмотреть, что шумит.

Недавно ездили целой оравой на весь день в лес по ягоды, брала и Алтусика с собой. Как он был доволен поездкой, просто передать нельзя. Гулял по лесу, спал, раскладывал костер, «варил» нам обед, карабкался со мной на скалу и оттуда торжественно созерцал море гор под ногами. <...>. Занят он необычайно. Нужно кур погонять, цыплят покормить, с собакой поиграть, осликову тележку покатать, в ручье поболтаться, к лошадям сбегать... Любит всякую живность, а лошадей даже черезчур. Катаю его иногда в своем седле, когда сама собираюсь кататься. Это удовольствие здесь легко доступно, седло у меня собственное, а лошади Бадмажаповых. <...>. Ведет он себя сейчас совсем иначе, чем зимой. Тогда он был мал, и не было компании – копошился себе потихоньку и подолгу. Сейчас компания обширная и шумливая, он мало уделяет внимания своей сверстнице – Джаме Бадмажаповой, старается поспеть везде, где возьется и играют старшие ребята, борется с ними, играет в прятки, в лошадки, в футбол. Думаю о зиме, когда он снова должен будет обходиться без общества, что мне с ним тогда делать? <...>.

Андрей сказал, что теперь у него появляется все больший интерес к сыну, пропорционально его возрасту, и на сердце мое пролился бальзам. Я ведь очень подозрительно смотрела на отношение Андрея к Алюшке, когда тот был крошкой. <...>. Если Андрей, по-моему, проявлял мало интереса к нему, мало писал о нем в письме из экспедиции, мало любовался им, когда был дома (хотя подумать – не может ведь мужчина висеть, как мать, целый день над кроватью) – я уже огорчена.

<...>. Теперь сын подросток, мама поумнела и папа научился выражать свои отцовские чувства. (Раньше он предпочитал молча и в отдалении любить его). Все пришло в порядок, и для меня нет лучших слов, когда Андрей напишет из Урги, что соскучился по Алеку.

23/VIII Продолжаю письмо нескоро. Живем по-прежнему на даче. Вчера ходили в лес, а сегодня проснулись и вместо летнего увидели зимний ландшафт, за ночь снег взял, да и выпал по колено. Алтуська никак не мог сообразить, почему вместо зелени кругом бело. <...>. Здесь такие случаи и в середине лета не редкость, да, вообще, климат здесь игривый – днем жара, а ночью холод. Все лето так. <...>.

25/VIII Письмо мое, кажется, уедет сегодня. Снег наш растаял, опять жара, и опять ходим по-летнему. Внук Ваш бегаёт и тянет бесконечную степную песню – схватил откуда-то монгольский мотив. Всяк поёт родные песни, а Алькина родина – Монголия. <...>.

Жду от Вас письма. Приезжали ли Леша с Алей к Вам летом? Как живет Аля, служит ли где? Пишите мне «обо всем и помногу».

Целуем Вас я и Алька, желаем быть здоровой и не грустить в Сигеевке. Мечтаем о том, как бы погостить «у бабушки в деревне».

Ваши Миля и внучек.

P.S. Очень просим Вас прислать внуку фотографию.

IV 25 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 января 1930.

8/1/30 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая Наталья Яковлевна, а также милая бабуся!

Каждый вечер собираюсь писать Вам и каждый вечер не могу – устаю очень в своем «рассаднике цветов» (детский сад). Занята я там до 5 часов, прихожу домой и сразу берусь за Алека. Я поступила в открывшийся здесь детский сад, работаю в нем три месяца, причем Андрей ежедневно пилит меня, чтобы я бросила эту работу. Плата 100 рублей, а занята бываю часто совсем до вечера.

Дитя мое растет, тянется все вверх. Забавен сверх меры. Вид у него очень самостоятельный и независимый, походка мужская – крупные, увесистые шаги, мордашка кругленькая, розовенькая и очень веселая. Часто танцует с папой и *solo* танец диких с большим усердием (когда они пляшут вдвоем, я просто валюсь от смеха). Марширует по комнате с красным флагом и считает «раз-два», кричит «ура!», занимается гимнастикой, играет с кубиками. <...>. Хозяйничает, когда мы заезаемся, на папином столе, часто пальчики у него бывают в чернилах – все пишет бабушке письмо, приговаривает при этом: «баба, Аля, мама». <...>. Все стены и пол исписаны карандашом, и когда я начинаю речь об этом, берет тряпку и старается все стереть. <...>.

Говорит еще мало, но уже старается и любит повторять сказанное взрослыми. Бывают преуморительные сцены, Недавно, например, приходит монгол, говорит ему: «Сайнуу» (приветствие) и кланяется, Алька в точности проделал и повторил перед ним все виденное и слышанное. Это было очень смешно – крохотная фигурка скорчилась в низком поклоне перед очень высоким азиатом. <...>. Часто он поет, причем мотивы его, несмотря на мои старания, нисколько не походят на наши родные песни. Летом на даче научился тянуть бесконечную монгольскую степную песню и часто заводит её.

Понимает он уже настолько, что может выполнять несложные поручения, прибирает за собой игрушки, знает место некоторых вещей. Знает животных, которых видит постоянно: верблюд, осел, лошадь и т.д. Словом «понимает немного жизнь», как говорит С.А.Кондратьев. <...>.

Живем мы, по-прежнему, в Учкоме в нашем старом жилище, столуемся отдельно от Кондратьевых, так удобнее для Алюшки, да и прислуга есть. Дела финансовые до сего времени были у нас в весьма плачевном состоянии – масса долгов, накопившихся с рождения сына, с моего нездоровья после родов, с наших с ним поездок на дачу. Теперь с долгами расплатились, и у Андрея начинают появляться всякие домовитые наклонности, тяготение к комфорту и уюту. Одна комната у нас вдруг затянулась линолеумом, супруг мой стал взыскательнее насчет стола, любит приобретать всякие хорошие вещи и т.д., и т.п. Сбылось предсказание Ольги Яковлевны! <...>. Она говорила нам когда-то в Москве, что все это равнодушие к внешнему у Андрея кажущееся, что стоит ему мало-мало обзавестись домом, как «все займет свое место». Я, по мере сил, стараюсь удовлетворить эту новую потребность Андрея. <...>.

Опишу Вам, если хотите, внутренность нашего жилья – масса шкур! Шкуры везде: на полу, на стульях, на стене, и Андрею все еще мало. Скажите Леше, что если он к нам приедет (а мы этого очень хотим), то будет спать на шкуре барса, а укрываться одеялом из <шкуры> *antilope gutturosa*, по-монгольски «цаган дзере». Вот!

Моя жизнь сейчас, по-моему, бедна впечатлениями. Заботы о сынуле, об улучшении финансовых дел, хозяйство, детский сад. Конечно, трудно было бы вынести это, не будь у меня Алека, а к чему мне много впечатлений, если эта маленькая мартышка так скрашивает жизнь.

Грустно бывает только весной, когда в Учком наезжает народ из Академии¹⁸³⁾ - все собираются в экспедиции, а меня спешно спроваживают на дачу. Поехать еще хоть раз очень хочется. Много прелести в поездках (даже таких, где не встретишь Свен Гедина).

Крепко целуем Вас, милая бабушка, оба – я и сын. Пишите нам,

пожалуйста. Так приятно получать от родных письма.

Ваша Миля.

IV 26 Нацагдордж¹⁸⁴ (1929–1930).

Запись рассказа М.А.Симуковой. 27 декабря 1989.

В Уланбаторе мы жили в небольшом домике во дворе Учкома – большом дворе, огороженном забором. Через дорогу – таможня, потом спуск к Толе – галечная россыпь. Внутри двора 2 больших одноэтажных дома смотрели окнами на Богдо улу, это и был Учком. В одном из домов кабинет географии. Неподалеку домик Кондратьевых

Вход в наш дом со двора на кухню. Оттуда налево – две наших комнаты, направо – одна, там всегда кто-то еще жил, помню Гомбо¹⁸⁵ – студента из группы монголов, которые учились за границей.

Однажды вечером слышу тихое царпанье в дверь. Наш Алик был еще маленький, и гость, видимо, не хотел будить ребенка. Андрей открыл и сказал мне, что пойдет погулять с Нацагдорджем. Гуляли долго. Это было частенько. Нацаг приходил к Андрею, и они тихо бродили по пустынному учкомскому двору в темноте. Однажды я спросила Андрея, почему так долго? Он ответил: «Если бы ты знала, какой это тонкий лирический поэт! Он читает мне свои стихи. Нацаг будет большим поэтом!» Таких слов я ни от кого из наших знакомых тогда не слышала.

Жил Нацаг в юрте во дворе Ученого Комитета, позднее с женой Ниной Николаевной¹⁸⁶, а потом и с дочерью Ананда Шри¹⁸⁷. Работал он тогда в Учкоме. Он был очень скромным и деликатным. Нацаг бывал у нас несколько раз. С Андреем они общались тихо и влюбленно.

IV 27 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 30 июля 1930.

30/VII/30 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая бабушка!

Пишем Вам письмо вдвоем – я пишу, а Алька кувырывается на моей кровати. Сегодня нашла под его кроватькой в башмачке змею и поэтому положила его спать с собой, а он и рад случаю побезобразничать.

Живем с ним на даче недалеко от Урги. Кругом природа, что называется – коровы, куры, ребята, лошади и всякая прочая тварь блаженствует. Плохо только то, что город близко. Урга летом – очаг всяких болезней, вплоть до чумы.

Алешка уже похворал изрядно. <...>. Теперь поправился, хотя еще на диете. <...>. Сейчас он становится очень интересным для меня, раньше было к нему просто чувство нежности, а сейчас появляются какие-то новые стороны и формы материнской любви. Интересно следить за тем, как пробуждается в нем человечек. <...>. Часто мы с ним, сидя за столом, занимаемся каждый своим делом, я читаю, а он что-нибудь режет ножницами. Вдруг ловишь на себе внимательные глазенки и видишь перед собой свою же позу, только комично исполненную. Мне приходится очень за собой следить, так как он все повторяет. Часто он меня ласкает теперь и приговаривает «бедненькая, бедненькая». Это позаимствовано из моего с ним, за время болезни, обращения.

Мы с Андреем часто гадаем, сколько Вам еще осталось до пенсии. Если мы с ним не скоро попадем к Вам, то хотелось бы Вас видеть здесь. Как идут дела Вашей сельскохозяйственной артели? Симучатам¹⁸⁸⁾, наверное, очень кстати бывают дары этой артели. У нас здесь никаких стеснений с продуктами нет, есть все, чему позволяют здесь быть географические условия. Нет, например, свежих фруктов, мало овощей. Интересует это меня только ради Алека. Хотелось бы мне посмотреть на «сады в цвету», как Вы писали мне весной.

Теперь о нашей жизни. Андрей недели три тому назад уехал в Гоби, должен вернуться на днях. Его здесь заждались, так как наехали академические экспедиции, много вопросов и дел у всех, которые надо разрешить и устроить. Кроме того ему еще надо ехать куда-то на запад месяца на 2–3. Последнее время работы у него тьма, так как Кондратьев в Ленинграде, и Андрей отдувается за двоих. А работа все разрастается. Я ему часто советую взять меня в секретарши (секретарь Анатоля Франса¹⁸⁹⁾) и нанять швейцара, чтобы устанавливать очередь машин, приезжающих по всяким разнообразным делам и поводам, у нашего скромного домика.

Часто бывает так, что некоторые сведения можно добыть только у него или Кондратьева. Андрей хорошо знает юг Моголии, т.е. всю Гоби, Кондратьев же – запад. Это практически, а теоретические знания у них тоже солидны. Кроме того Андрей знает язык и письмо монгол.

<...>. Предлагали мне заведывать монгольским <детским> садиком. Но убоялась величины ответственности, и опять-таки, в здешних условиях ребенка не на кого оставить. Бросила теперь нанимать прислуг, хозяйствую одна и сама ухаживаю за сыном. <...>. Раньше утешалась тем, что могла следить за Андреевой работой, кой-где помогать, быть в курсе его работ, а теперь так много работ у него, что и он не пытается меня втянуть в них, да и невозможно это. <...>.

Целуем Вас оба крепко-крепко. Андрей напишет Вам, может быть, из

экспедиции.

Ваши Алек и Миля.

IV 28 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 11 января 1931.

11/1/31 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая бабушка - Наталья Яковлевна!

<...>. Как Вы живете? Наверное опять одна в Сигеевке? Как Леша с Алей? От них давно ничего нет.

Мы с сыном собираемся весной в СССР. Напишите нам, пожалуйста, как там живется. Меня это интересует только из-за Алека, хочется знать, как у вас обстоят дела с питанием. Сами мы судить об этом совершенно не можем, а иметь представление при сборах хочется. <...>. Лето мы думаем провести около бабушек, а на зиму – видно будет. Может быть, Андрею удастся уехать тоже.

Сын наш совсем вырос – острижен, как большой и умеет свистеть. Ужасно забавно – копошится этакая крохотная фигурка у игрушек и тихонько пошвыстывает. А то еще лучше – развлекает ночью родителей ариями и уверяет, что это «Хауст» (у нас есть несколько пластинок из «Фауста»), либо Шаляпин.

Жизнь у него проходит сейчас в игре. Играет во все, что видит и слышит. Можете себе представить порядочек в нашей квартире! Другой раз ни пройти и ни пролезть. Тут караван идет, там кони табуном бегают, тут быки идут (тоже караван), а там Алька в маму стреляет и требует, чтобы я «была застрелена».

А маме вечно некогда <...>. Всегда спешу поскорей закончить утренние дела и отправиться гулять. Последние дни не гуляем, у Алека грипп, да и морозы вторую неделю с утра -45–47°С. Правда, здешние морозы легко переносятся, так что гуляем при -36°С.

Алек подрастает, и у них с папой возникает близость. Часто сидят и шушукаются о чем-нибудь, либо играют. Иногда, прибежав откуда-нибудь, застаю умильную картину – сидят оба за письменным столом и каждый занят своим делом – папа работает, а на другом конце еле видна из-за стола страшно серьезная головка, пишет «письмо бабушке» или «читает». С чтением вот у нас плохо – ни одной детской книжки. Алек «читает» наши! Я выписала, да что-то нет еще. Кроме того должны прислать экспедишники из Академии. Скоро, наверное, будут.

Вот так и живем. Папа работает во все лопатки, мама хозяйничает и сына воспитывает. Бросила думать пока о службе – жалко оставлять крошку на

произвол чужих и, главное, недобросовестных людей. Мал еще он очень – не постоит за себя. <...>. Плохо то, что я безвыходно сижу дома, т.к. Андрей занят по уши, и «выходных дней» у меня нет. Все это скрашивается радостями, которые доставляет сын. <...>.

Целуем Вас оба крепко, напишите нам, пожалуйста, обо всем подробно. Андрей Вам пишет отдельно.

Ваши Алек и Миля.

IV 29 *А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 15 января 1931.*

15/1/31 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая мамочка!

Очень и очень давно не писал я тебе и почти так же давно не получал писем от тебя. Ни малейшего представления о твоей жизни! Знаю лишь, что ты в колхозе, а как и что – неизвестно. В ответ на это письмо постарайся все это изобразить.

Мое время бежит сейчас с бешеной быстротой. О медленных созерцательных темпах 1923 и 3–4 последующих годов нет и помина. Как почти единственный (за отъездом Кондратьева) краевед, я целиком втянулся в вопросы экономики, хозяйства и строительства, имеющие здесь почти ту же актуальность, что и у нас в СССР. Работаю я все время в Ученом Комитете, находящемся в стадии расширения, и сейчас заведу кабинетом общей географии, временно – метеорологической сетью, фототекой и инструктирую кабинет картографии. Таким образом я фактически являюсь заведующим Отделения Географии при Ученом Комитете МНР. После такого перечисления кинематографичность моего существования станет тебе вполне понятной. Помимо этого я принимаю участие в профработе, занимаюсь в кружке исторического материализма, иногда читаю лекции, пишу географию Монголии. Начал было заниматься английским, но через месяц не под силу стало – бросил. Прозвище мое здесь – «живая монгольская энциклопедия». Основной мой оклад теперь 250 руб., да еще иногда кое-что прирабатываю, так что выходит не менее, а иногда и более 300 в месяц. Но жизнь здесь за последние года 2–3 вздорожала, и, как водится, денег не видно. Тем более, что Миля окончательно разочаровалась в домработницах и, отказавшись от службы, взялась за хозяйство сама. Таким образом разделение труда у нас обычное: муж добывает средства к существованию, а жена устраивает дом и воспитывает сына. Кстати, сын этот служит нескончаемым источником радостей. Возраст самый интересный – в апреле ему будет три («тли года»). Парнишка веселый, в меру послушный, в меру развитой, словом – все как

полагается. И хорошенький к тому же. Но о нем подробно пишет Миля. <...>.

Теперь немного о ближайшем будущем. Мы с Милей очень определенно думаем о путешествии половины (по весу) семьи к пенатам (т.е. мать + сын). Срок отъезда – весна, с первым теплом. Намечаются продолжительные визиты обеим бабушкам, словом лето и осень желательно было бы провести в родных краях. А что делать осенью – будет видно. Весьма возможно, что я тоже поеду в СССР для учебы, «повышать квалификацию», т.е. подводить теоретический фундамент под восьмилетнюю практику.

Все эти планы требуют некоторых сведений о положении у вас, в частности о твоём положении. Возможно ли все это? Сколько монеты потребуется ежемесячно для беспечального существования в наших краях двух «знатных иностранцев», одного из которых зовут «Алтай Симуков тли года» (по его личному заявлению)? Возможно ли в течение некоторого времени пребывание оных иностранцев под крылом бабушки Наташи? Расчет монеты надо делать без отчислений на одежду. Я без особых трудов могу давать 150–200 руб. Стоимость дороги мы примерно знаем. Что нужно из еды для Алика – знаешь ты. Напиши обо всем этом возможно скорее, чтобы мы знали о положении заранее.

Лето у меня прошло под знаком непрерывного разгона. 4 поездки, давшие в общей сложности свыше 6000 км пути¹⁹⁰. В промежутках суетня по учкомским делам, урывками на дачу.

На это лето я купил себе юрту и поставил её в 6 верстах от города, под горами за рекой, в небольшой роще тополей. Кругом жило еще несколько семейств. Выбор был довольно удачен: солнце, воздух, немного зелени, вода. Лес – в 2–3-х км. Плохо лишь, что лето было исключительно дождливое. Река вздулась и очень мешала сообщению. Для того, чтобы подойти к мосту, надо было до, извините, «пупа» залезать в холодную воду горной реки и брести, борясь с быстрым течением. Эдак продолжалось около двух месяцев. Я в это время ездил по пустыне и не видел ни капли дождя.

В своей работе я перехожу сейчас от чистой географии на таковую с хозяйственно-экономическим уклоном. Интересуюсь кормами, пастбищами, кочевками и т.д. Все время приходится сталкиваться с работниками различных ведомств, заинтересованных этими вопросами. Эта кинематографическая жизнь довольно быстро выматывает, и обычно бывает такая картина: в экспедицию едет сухарь, возвращается же эдакая добротная, широколицая фигура. В Уланбаторе добротность быстро опадает, и к экспедиционному сезону снова налицо сухарь. Так как экспедиции бывают каждый год, то такая смена, в общем, организму не вредит.

Миллю часто несколько тяготит сиденье дома и хозяйничанье. Понятно, что

соединение *Kinder – Küche*¹⁹¹⁾ не является идеалом её существования. Но специфические уланбаторские условия не позволяют устроиться так, чтобы *Küche* не касалось бы Мили. Ряд попыток не увенчался успехом. Причины – невозможность найти хорошую домработницу и боязнь отдать парня в детский сад, вследствие частых эпидемий скарлатины и т.п.

Так складывается наша жизнь. «В гостях» не бываем, вообще вылазим только врозь и только по делам.

Купил я себе хорошее ружье (охотничью винтовку). Обошлось оно мне с патронами и т.д. в 275 руб. Сегодня уезжаю дней на 10 в тайгу ставить на горячих источниках (будущий курорт) метеорологическую станцию. Воспользовавшись этим случаем отдохну несколько дней, занявшись охотой. Буду ходить за оленем (изюбрем, маралом), лосем, козулей, кабаном. Хочется найти берлогу и взять медведя. В том районе их много.

А после поездки – опять кинематографическая спешка, беготня, необходимость думать одновременно о десятках вопросов и т.д. Словом, обычная зимняя обстановка.

На днях с неделю продержались морозы по 40°С и ниже, но сейчас отлегло.

Уже давно я не имею ни малейшего представления о жизни Лешы и Али. Особенно о последней. Как они живут, чем живут, о чем думают? Леше я скоро пошлю письмо. А в общем пора уже свидеться, восстановить связь, потолковать. Чертовски много воды утекло! С 26/IX пошел восьмой год моего пребывания в Монголии.

Крепко целую тебя, мамочка. Пиши, береги себя и поджидай нас.

Твой Андрей.

IV 30 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 27 февраля 1931.

27/II/31 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая бабушка Наталья Яковлевна!

Письмо мое должно быть радужным, как всегда у выздоравливающих, дело в том, что у Альки кончается ангина. <...>.

Алек, как поправится совсем, пойдет первый раз в детский сад. Садик хороший, я там все разузнала, рассмотрела, подала заявление, и его приняли. <...>.

Разговоров о садике у нас с ним очень много. Интересно, каков будет первый выход? <...>. Пока все плохое прекращается при упоминании о детском садике, там, мол, так делать не полагается, приучайся дома, он охотно слушает и выполняет все, что нужно. <...>.

Алька теперь подросток. <...>. Сын сыном, а Андрею помочь и хочется, и

нужно.

Андрей уже давно вернулся из своей поездки на Ирбó, о которой писал Вам, побродил по тайге, отдохнул, поохотился – до сих пор едим кабанину.

Получили от Али большое и обстоятельное письмо. Андрей ахнул – восемь больших страниц! Он очень доволен, радуется, что Аля вышла замуж. <...>.

Весной, т.е. в мае, думаем отправиться к бабушкам под крылышко. <...>. Сейчас сижу и думаю, с чего начать сборы. Во-первых, многое нужно сделать, а во-вторых дорого все, и монеты мало. О наших планах на будущее говорить не буду – все видно будет осенью. Если Андрей поедет, то... и.т.д. <...>.

При сборах всплывают старые воспоминания и картины, вспоминаем вдруг, что для весны там необходимы сапоги – грязь, а здесь весну ходим в туфлях, этой зимой снег выпал только один раз в начале, да уж давно испарился, так что сухо. Да здесь вообще-то грязи не может быть, сушь и почва не та, что у нас. Очень много говорим обо всем и о всех, кого хочется поскорей увидеть.

Состояние поэтому какое-то растрепанное, по крайней мере у меня. Целуем Вас все крепко, крепко, а Алька больше всех. Ждем письма.

Ваши Миля и Алтай.

<почерком А.Д.>: и Андрей.

IV 31 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой¹⁹²⁾. 19 января 1932.

19 января 1932 года

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая мамочка!

Совершенно не помню, когда писал тебе последний раз. Но теперь это теряет остроту, так как (не падай в обморок!) я собираюсь в самом ближайшем времени заявиться в Москву. Думаю, что нам удастся выбраться из Монголии уже в конце февраля. Принципиально этот вопрос уже решен, нащупана почва в Москве и Ленинграде. Хочу приехать, осмотреться и устроиться более или менее прочно. На лето, может быть, вернусь сюда, в Монголию. Сейчас все мысли об отъезде. Готовимся, каждый по своей линии. Миля – по хозяйству, я – подгоняю работы, по службе и для монеты. Хозяйство свое ликвидируем. Сокращаем багаж до необходимого (исключительно одежда). Да впрочем, все подробности при свидании. По приезде съезжу в Ленинград, в Академию. Дел всяких будет очень много.

Очень трудно, как я себе представляю, с квартирой. Мы здесь ищем все

ходы. Но на всякий случай очень прошу и тебя позондировать почву в этом отношении <...>. Кроме того мы оба просим не отказать в крове на самое первое время. Вот и все.

Скоро увидимся.

Твой Андрей.

Поцелуй от нас обоих тетю Олю.

<Миля пишет:>

Дорогая Наталья Яковлевна,

Все, что пишет Андрей, к моему удивлению, верно. Мы ведь уж давно собираемся ехать, еще с Алеком строили всякие проекты на этот счет. <...>. Хочется увидеть близких, переменить обстановку, может быть, поучиться еще успею. Словом, пришло съездить «домой». У меня уж все мысли уехали, можно сказать, заканчиваю всякие хлопоты по хозяйству, надеюсь немного помочь Андрею в его сборах и работах.

Не пеняйте на краткое и нескладное письмо, я не помню, писала ли Вам после смерти Алека¹⁹³). Очень часто хотелось написать многое, но каждый раз махала рукой – все равно не поможет. Вот приеду, все расскажу.

Привет Ольге Яковлевне, а также Симучатам.

Всего хорошего. Теперь – до свидания.

Ваша Миля.

IV 32 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 мая 1932.

3 мая 1932 года

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

приходится приносить повинную – опять отложили приезд, как будто до осени. Никто нам теперь не поверит, если даже и телеграмму с дороги пришлем. Андрей задержался до весны со всякими работами, требующими окончания, а весной Учком предложил ему остаться на летний сезон – куда, мол, ты поедешь на лето глядя, уж оставайся до осени – мы и остались, исключая огорчение по поводу откладывающегося свидания с родными, с некоторой радостью даже, так как лето по приезде прошло бы довольно бестолково.

«Круги», в которых пришлось бы работать Андрею, все, конечно, <летом> разведутся и разбредутся кто куда. <Мы> поедем в этом году, кажется, вместе с академической экспедицией, с каким отрядом и куда – видно будет.

К Вам в Москве наверное зайдет, если не потеряет адреса, ученый секретарь Учкома Михаил Израилевич Тубянский¹⁹⁴), расскажет подробнее наши планы на будущее и возможности. Он едет по всяким учкомским делам

на месяц-полтора. Необыкновенно приятный и милый человек, работать с ним сплошное удовольствие. Сейчас я не работаю, так как оставила работу в Учкоме для того, чтобы привести в порядок хозяйственные дела перед отъездом. Предлагали опять приняться за «делопутание»¹⁹⁵⁾, да неинтересно уж очень. Работаю понемногу дома, беру работу здесь же¹⁹⁶⁾, помогаю Андрею и иногда, в припадке хозяйственности, начинаю усиленно его кормить. Ну, только не в коня корм – во-первых, лопает все, что дают, не ценя тонкости произведений (для этого я приглашаю Тубянского), а во-вторых воротнички по-прежнему свободны. <...>. Сейчас он сидит над подробной картой Монголии, которая будет печататься. Думаю, что Вашему сердцу будет приятно, когда взглянете на подпись автора. <...>. Посмотрите также дневники Андрея – большие и интересные, он ухитрялся вести их в походных условиях чернилами и аккуратным, четким почерком <...>.

Недавно Андрею исполнилось 30 лет¹⁹⁷⁾, день этот он отметил тем, что провалялся с утра до вечера, обозревая прошлое и подводя итоги. Сейчас ходит и похвывается тем, что, как говорил наш Фучин, «сталик стал». <...>.

У нас как раз все большие дни весной. Прошел день смерти сыночка и день его же рождения¹⁹⁸⁾. Стараюсь как можно меньше думать о нем, и самой же обидно и плохо от этого. Говорить мы о нем никогда не говорим, если поймаю себя на думах о нем – тоже старательно сворачиваю на другое. Изгнан окончательно мальчик из жизни. И все равно ничем и никогда не поможешь так больно раненому сердцу. Это ведь был мой первый ребенок, и к тому же сыночек. Мы много с ним говорили, подолгу оставаясь вдвоем.

Ну, раз уж начала о нем, больше ни о чем не говорится. <...>. Пишите мне, пожалуйста. Привет тете Оле и Але с Лешей.

Ваша Миля.

IV 33 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 декабря 1932.

8/XII/32 г.

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна, приехали мы из экспедиции¹⁹⁹⁾ уж с месяц. Копаемся дома с отчетом, с камнями²⁰⁰⁾, фото и т.д. Письма как-то не пишутся в чайнии близкого отъезда. Собираюсь в скором будущем ехать одна, Андрей немного задержится с отчетной работой.

Экспедиция этого года прошла прекрасно. Много материала, много ездили, много видели.

Открытку Вашу из Гагр²⁰¹⁾ получили будучи в Гоби. Очень устыдились тому, что послав деньги не удосужились написать. Деньги эти – Вам, и если Вы их не истратили, так поспешите это сделать сейчас. <...>. Посылаю в Ваш

адрес письмо Леше²⁰²), Вы как-нибудь перешлите ему. Как живет Аля? <...>.

Простите за коротенькое письмо. Сегодня у меня хандра и не пишется.
Привет Ольге Яковлевне. Всего доброго.

Ваша М.Симукова.

IV 34 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 30 декабря 1932.

30/XII/32 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

сiju в одиночестве, храбрюсь и утешаюсь письмами. Андрей сбежал – уехал на две недели в худон (в переводе, приблизительно, провинция). Последние дни смешно было смотреть, как он, учуяв поездку, носился и, несмотря на старания свыше удержать его в Уланбаторе, все-таки ухитрился уехать.

Сегодняшний вечер посвятила подведению итогов прошлого. Завтра мой день рождения²⁰³, мне исполнится 29 лет. Итоги грустные.

Думаю отбойриться от встреч Нового года и посидеть тихонечко дома. Надоела толчея и веселье по обязанности в так называемых гостях. Андрей в этом смысле моложе меня. Он работает как следует и веселится – тоже. Раньше мне, должно быть, потому жилось весело, что жива была моя радость – сыночек. Мы с ним провели когда-то два зимних глухих месяца вдвоем, и нам не было ни скучно, ни страшно.

Сейчас собираюсь в Москву, и без Алека очень не хочется ехать. Отъезд мой намечается в начале февраля (успеть бы закончить «хвосты»). Перспективы на квартиру, как будто, имеются. Там у нас есть знакомая – врач глазник, работавшая в Монголии. Она мне писала, что они должны получить квартиру во вновь отстроенном доме этой зимой. Предлагает, уж не знаю, на каких условиях, мне комнату у себя. <...>. Человек она простой и хороший, знала и любила Алюшку, восхищалась моим умением «вести» ребенка. Алек, по ее словам был настоящий маленький мужчина и джентльмен. В первом я сомневаюсь, а второе подтверждаю. Его всегда лупили девчонки, он им не решался дать сдачи «потому что она девочка и ей будет больно». Как я ликовала внутренне, когда мне одна мамаша с вытянутой физиономией доложила, что Алик отгузил ее дочку. Я просияла, а собеседница обиделась. Это была первая попытка к самозащите. Я тогда вспомнила Ваши сетования на то, что в Андрее много тряпичности (извините, мягкости). Как обидно, что все так нелепо кончилось. Иногда распускаюсь (как сейчас вот) и начинаю думать и вспоминать. Глупо!

Теперь о настоящем. Мы вчера перевели на Торгсин²⁰⁴ 15 <американских> долларов моей сестре Шуре²⁰⁵ на Ваш адрес, т.к. до востребования не

приняли. Во-первых, пусть она купит Вам что-либо из продуктов, затем посоветуйте ей, что послать моим родителям. Боюсь, что она по младости накупит ерунды. Переводы теперь очень ограничены. Бóльшого Андрей не мог добиться. <...>.

Не сердитесь на Андрея за то, что он не пишет. Зная, как Вы относитесь к нему, он хочет писать Вам только «настоящие» письма. К вечеру же голова колесом, мысли вразброд, да и работает он ночами много, несмотря на мои протесты. <...>.

Пишите нам, пожалуйста, от Вас давно уже ничего не было. Здоровы ли Вы?

Привет Ольге Яковлевне, Але и Леше. Всего доброго.

Ваша М.Симукова.

Посылаю три фотографии из экспедиции этого года. Аппарат и работа мои. М.С.

IV 35 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 17 февраля 1933.

17/II/33 г.

Уланбатор, Монголия

<в Москву>

Дорогая мамочка!

Очерь и очень долго не писал тебе. Каюсь и смиренно склоняю голову. *Mea culpa, tea culpa!*²⁰⁶ Вчера получили твое письмо и уже успели перечитать его десять раз. Судя по твоему продвижению по службе²⁰⁷ ты попадешь в академики много раньше меня! Тогда уж не забудь, пожалуйста, что у тебя есть один бедный сын, хоть он, свинья, и не пишет писем, и не откажи ему в маленькой протекции...

О паспортной системе и прочем²⁰⁸ мы знаем по газетам. О жизни вообще и московской в частности – тоже по газетам и отрывочным и весьма разнообразным рассказам приезжающих – рассказы эти действительно «разнообразны»²⁰⁹. У каждого личный, узкий подход.

Твои «дети» (ты сама поставила в своем письме это слово в кавычки) повергают нас с Милей в изумление. Мы начинаем уже подумывать о своей старомодности, отсталости и ставим вопрос: не пойти ли в ногу с молодым поколением и не развестись ли и нам? Затем, по обсуждению, решаем, что не стоит – слишком много излишней возни. Привыкать к новому человеку, узнавать его привычки, приспосабливаться обоюдно... *Fi done!*²¹⁰ Скучно... И без того дела много. Уж как-нибудь доплетемся до конца в прежнем составе.

Но в сторону шутки. Сердечно поздравляю обоих, предполагая удачный выбор. За Любовью²¹¹ буду ухаживать на правах эдакого старого дядюшки индийской службы из старых английских рассказов, а с Анатолием

Петровичем²¹²⁾ у нас будут разговоры об очередных кознях японских империалистов и о перспективах китайской революции. Человек я, как ты знаешь хоть и крупный, но спокойный, а потому его «дробное» телосложение помехой нам в спорах не будет.

Теперь немного о себе или, вернее, о нас. Живем в материальном отношении хорошо. Сыты, одеты, обуты, в тепле и с электрическим освещением.

Приезжающих москвичей убивает отсутствие в Уланбаторе теплых уборных, но мы привыкли и, наоборот, любим созерцать ночное морозное небо с мириадами звезд *et cetera*²¹³⁾.

Получаю я сейчас 300 руб., есть случайный приработок. Денег более или менее хватает Обзаводимся одежкой. Я начал даже форсить – ходить почти ежедневно в тройке, в новых ботинках, и уже не прочь походить по магазинам (их всего-то два основных).

Миля возится с фото по экспедиции²¹⁴⁾, недавно закончила геологический отчет – она вела заметки по геологии по маршруту. Ведет хозяйство, готовится к отъезду в СССР. Я тоже усердно думаю об отъезде и не хочу дожидаться десятилетнего юбилея своего пребывания в Монголии, который будет... в сентябре этого года. Есть некоторые перспективы в этом отношении. В Москву меня зовут на работу, и принципиальное согласие я дал.

Вследствие всего этого я подвожу сейчас итоги своим работам, чтобы уехать с чистой совестью. Учком не хочет терять связи со мной, и, вероятно, и в Москве я буду исподволь продолжать обработку своих материалов. Все это соответствует моим желаниям.

Морально я чувствую себя тоже хорошо. *Feci, quod potui, faciant meliora potentes*.²¹⁵⁾ Сделал, что мог. Сейчас я, пожалуй, единственный человек, прилично знающий географию Монголии, страны в полтора миллиона кв. км площадью.

Это знают, ценят и с этим считаются. Теперь надо шагать дальше. Побывать годика два в Москве, а там снова в Центральную Азию. Долго в городе мне сейчас не высидеть.

Сейчас черчу карты, пишу, готовлюсь к докладам, бегаю по разным учреждениям – дела много. Хорошо знаю, что в Москве дела будет еще больше. Ничего, не боги горшки обжигают!

Сообщи Леше и Але, что наши суражане не забывают Монголии: после Зямки Цитрина и Любы Карасик²¹⁶⁾ сюда приехал Велька Казакевич²¹⁷⁾. Так и запахло милым Суражем, тем более, что публика такого сорта не меняется и всюду возит с собой суражский «дух».

Сегодня пятница, 17-е число, одиннадцать часов вечера. В домике нашем тишина. Тихо и на большом учкомском дворе. В городе лают собаки.

Порошит мелкий снег (его очень мало этой зимой). Холодно. Весны еще не чувствуется, хотя дни стали много длиннее. Против наших окон (все на юг) чернеет лесистый горный хребет. В городе огни. Изредка прогудит авто.

Я сижу за своим рабочим столом, обложенным картами. Миля развесила сушиться очередную порцию отпечатков и сидит рядом, читая «30 дней». Через два-три часа я кончу работать, и мы уляжемся спать. Завтра много дела.

Встаем в 8–9 часов. Обедаем большей частью в столовой, ужинаем дома. Часто бывает народ, но «детских криков» в этом году не устраиваем – потеряли вкус и желание тратить энергию на шум, ужин, танцы и прочее.

Сегодня перевел тебе на Торгсин 15 американских долларов. Этот перевод предназначен целиком тебе, вернее вам с тетей Олей. Адрес: Москва 34, Хрущевский <пер.> 3, Наталии Яковлевне Симуковой.

Теперь еще об одном щекотливом обстоятельстве. Мы с Милей имеем основания предполагать, что месяцев через семь у нас будет дочка или сын. Только это всерьез по секрету. Приданое уже сшито, но нас заботит вопрос о ванне и ведрах, каковые, якобы, в Москве достать трудно. Не сможешь ли ты заблаговременно присмотреть эти вещи и купить их? Надеюсь и в следующем месяце сделать такой же перевод, а потому думаю, что материальная сторона вопроса тебя не затруднит. Теперь более или менее все.

Остались поцелуй, приветы и поклоны.

Крепко целую тебя письменно, надеясь в скором времени совершить это действие «наяву». Поцелуй от меня тетю Олю. Привет и лучшие пожелания Леше, Але и нашим новым родственникам обою полу – Любви Ароновой и Анатолию Ковалеву.

Всем прочим приветы по твоему выбору и усмотрению. Миля в точности повторяет вышеописанную процедуру.

Ответь немедленно, а то письмо может и не застать нас здесь, хоть некоторые и уверяют, что Симуков уедет из Монголии тогда, когда рак свистнет.

Твой блудный сын Андрей.

IV 36 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 25 апреля 1933.

25/IV/1933

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна, получили за последнее время два Ваших письма с неожиданными и приятными новостями. Мы оба очень рады тому, что Аля увидит и узнает много интересного и нового²¹⁸. <...>. Андрей, хоть и радуется за нее, но сам не любит городов и шума. Говорит, что «в цивилизацию» он не поехал бы.

Ему по-прежнему милы азиатские просторы. <...>.

Живу сейчас опять одна. Муж сбежал. Я уговорила Андрея взять впервые за 7 лет работы отпуск, он послушался и укатил в тайгу к одному знакомому охотнику-медвежатнику. Все обещал мне медвежонка живого привезти. Я просила его позаботиться о своей шкуре, а не о медвежьей – они ведь сейчас злые.

С отъездом (даже стыдно писать) все по-старому, т.е. в Москву не поедем. Андрей летом сделает небольшую поездку, а я скоро отправлюсь на дачу туда, где он сейчас проводит отпуск. <...>.

Андрей был чрезвычайно сконфужен тем, что своим невниманием довел Вас до мысли о том, что «одна бедная старая мать» никому не нужна и одинока. Может быть теперь он будет чаще писать Вам. Говорит он о всех вас с любовью и весьма часто, а писать ленится.

На днях перевела Вам 10 долларов. О получении напишите. Простите за то, что потеряв Шуркин адрес прошлый перевод сделала на Ваше имя. Я не знала, что получение обставлено такими хлопотами. <...>. Из посланного перевода я очень хотела бы уделить нашим старикам что-нибудь. Пожалуйста, пошлите Шуре открытку, и пусть она пошлет посылку старикам, главным образом продукты. <...>

Привет Ольге Яковлевне. Крепко Вас целую. Будьте здоровы.

Ваша М.Симукова.

IV 37 А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 20 сентября 1933.

20/IX/33

Уланбатор

<в Москву>

Fili mi!⁽²¹⁹⁾

Ответ на твое письмо несколько запоздал – считай настоящую цидулку по желанию: ответом или просто письмом. После получения твоего послания, осветившего нам значительный отрезок твоей жизни, прошло много времени.

Главное в нашей жизни за этот период – рождение дочки, которую мы назвали Наташей. Произошло сие событие 2-го сентября, без меня. Я приехал из очередной экспедиции только 7-го. К счастью на этот раз все обошлось благополучно. Ход полагающихся событий был вполне нормальным. Обе, и Миля, и Наташа <...>, чувствуют себя хорошо, предполагая процветать и в будущем. Несмотря на все трудности, связанные с «потомками», искренний совет – последовать нашему примеру.

Теперь о себе и о своей работе. Эта последняя, как и у тебя, занимает значительное место в жизни.

26 сентября этого года исполняется 10 лет моего пребывания в Монголии.

Только теперь я чувствую, что кое-что знаю об этой стране. В связи с этим я поставил себе целью заняться предстоящей зимой исключительно обработкой накопленных материалов, реализацией накопленного опыта. По окончании этой работы мы окончательно и бесповоротно едем в СССР. Обработка начата мною еще весной – я уже сдал в печать Географический Атлас Монголии²²⁰), готовлю к печати большую общую карту страны²²¹) и обработал все картографические материалы (главным образом свои) по Гоби. Предстоит еще одна работа по картографии и пять литературных работ. Их я также намерен подготовить к печати. Мне хочется, чтобы по приезде в СССР на вопрос: «Что вы сделали в Монголии?» у меня было бы «что предъявить». Москва слезам не верит!

Все эти работы, кроме атласа, общей карты и «Географии МНР»²²²), будут иметь специальный характер и отобразят мою работу за последние 3–5 лет.

Характер моей деятельности постепенно меняется. Если в первые годы, связанные с участием в «Тибетской» экспедиции Козлова, на нас падала тень Пржевальского, любившего природу и презиравшего человека, особенно «азиата», то теперь человек и его хозяйство, его быт и экономика занимают весьма большое место в моих исследованиях. Я не смотрю уже на географию, на географический ландшафт, как на нечто самодовлеющее, а рассматриваю его как арену деятельности человека, изыскивая пути наилучшего использования элементов этого ландшафта в хозяйстве страны. Надо оговориться, что человек интересовал меня с самого начала – недаром я сразу же взялся за монгольский язык – но в программе работ первых годов вопросы, связанные с ним, отсутствовали.

Этим летом я был в поле недолго, всего около двух месяцев. Работа была почти стационарной – радиус разъездов не превышал сотни километров. Ездил я в одиночку, верхом, ночуя в юртах и занимаясь исключительно разговорами и расспросами. Район был знакомый по прежним поездкам, следовательно, почти каждый меня знал, много приятелей – работать было легко.

Люблю я монгольский *couleur locale*²²³)! В монгольском халате, шапке, с ножом за поясом, на маленьком шустром коньке носился я от аила (= аула) к аилу, чувствуя себя в каждой юрте, как дома, и за чашкой соленого чая, кумыса или молочной водки в медлительном, пересыпанном шутками разговоре вскрывал суть кочевков, социально-экономические тайны степи, готова заключительную часть трилогии «география – пастбища – хозяйство».

Все это происходило на фоне лесистых гор, зеленых склонов, усыпанных цветами, под неумолчный шум кристально прозрачных горных речек на высоте двух километров над морем.

Хорошо нестись на крепком коне по узкой тропинке над грохочущей

речкой, вдыхая разреженный воздух альпийских высот. Хорошо увидеть знакомое стойбище в лучах вечернего солнца, когда раздастся бляение и мычание возвращающегося стада, над юртами тянется дымок и слышится широкая, как степь, старинная песня. Хорошо чувствовать себя своим в кругу знакомой семьи, когда хозяин интересуется моей жизнью со времени последней встречи, хозяйка хлопочет с угощением, а ребятишки, пристраиваясь на моих коленях, рассматривают блокнот, рисуя в нем карандашом, или шарят по карманам в поисках конфет.

А когда соберутся соседи и, в добавление к кумысу, найдется немного «архи» (молочной водки) – я с большим наслаждением слушаю протяжные, со сложным и нежным мелодическим рисунком песни степи. Слушаю с правом слушать и понимать эту музыку, ибо знаю круг жизни певцов, их интересы, радости и горе. В этом – романтика работы нынешнего года.

Возможно, что в начале октября я снова выеду в поле месяца на полтора, на этот раз в любезную сердцу Гоби. Зиму, особенно вечерами, буду сидеть дома и писать, чертить, прислушиваясь, не беспокойно ли спит маленькое беленькое существо и не пора ли будить Милю для очередной кормежки. Миля, если позволит здоровье, собирается помогать мне в работе – ведь в материалах есть и ее доля.

Продолжаю после некоторого перерыва. Ехать снова в степь мне, по-видимому, не придется. *Ergo*²²⁴⁾ - сразу сажусь за зимнюю работу.

Очень хочется, чтобы к нам приехала бы на несколько месяцев мама. Средства на это дело найдутся – вопрос заключается в получении загранпаспорта. Для ускорения этого дела нам и вам надо использовать все кнопки (разумеется, если мама хочет ехать вообще и может ехать по состоянию здоровья). <...>. Маме я пишу отдельно.

Привет Любе от меня и Мили. Хоть бы карточку прислали! А то весь «семейный альбом» наш пахнет прошлым столетием и вообще НЭПом²²⁵⁾.

*A propos*²²⁶⁾: почему ты не шлешь мне своих печатных произведений? Жду с нетерпением. Все свое буду высылать. А.С.

IV 38 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 26 сентября 1933.

26/IX/33 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

ответ на Ваше последнее письмо запоздал по самым различным причинам. Самая главная – рождение дочки Наташи. Опять будем писать Вам «дорогая бабушка».

Появилась на свет моя Наташа 2-го сентября <...>. Счастлива я

чрезвычайно. И несмотря на всю радость, все-таки всплакнула уже не раз – нет у нас моего дорогого Алека, чтобы порадоваться на девочку. Он ведь как упрашивал меня подарить ему «настоящую девочку-куколку». <...>.

Андрей очень нежно нюхает (монгольский поцелуй) дочку в голову. Уверяет, что моя половина дочки кричит, а его – молчит и спит (в папу!). Папа он тихий и нежный. <...>. На днях он опять уезжает. Пока у меня есть работница, так что не придется бегать на базар с Наташкой под мышкой, как это я делала с Алеком – иногда запирала его одного, бедный мой сыночек.

Всего хорошего, пишите нам побольше и поскорее, очень приятно получать письма (хорошо бы и фото). Привет Симучатам младшим. <...>.

Андрей напишет отдельно. М.С.

IV 39 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 2 октября 1933.

2/X/33

Уланбатор

/в Москву/

Дорогая мамочка!

Самокритика по поводу долгого молчания стала уже шаблоном в моих письмах тебе. Поэтому в настоящем послании я ее ликвидну.

О нашей самой главной новости и радости тебе уже известно из моей телеграммы. Что же писать о нашей Наташе, о нашей радости и свете? Тебе понятно и без слов мое и Милено состояние, когда наш унылый после большого горя дом оживился вследствие появления в нем маленького розового пупса с носиком-пуговкой. <...>. В ближайшем будущем попытаемся снять Наташу с мамой и прислать бабушкам.

В связи с Наташей и вообще нам обоим очень хочется, чтобы ты приехала бы к нам в Монголию. Что мы можем тебе здесь предложить? Покой, отдых после московской работы и беготни, отсутствие заботы о хлебе насущном и почти дачную жизнь – тишина, свет, воздух. У нас две небольших комнаты и кухня. Места хватит. После первого столь печального опыта с Аликом мы просим тебя помочь нам вырастить Наташу. При отсутствии вокруг близких людей нам вдвоем, особенно принимая во внимание характер моей работы, это дело почти не под силу.

Телеграмму я посылаю одновременно с этим письмом. Не ожидая ответа на нее на всякий случай сообщу некоторые подробности.

1. Загранпаспорт. Получение его в настоящее время - довольно сложная штука. Тут надо использовать все возможные кнопки. Пусть тебе помогут Ковалев²²⁷⁾ и Аля. Я со своей стороны напишу одно или два письма и сообщу тебе, к кому по этим письмам обратиться. Кроме того вышлю удостоверение с места службы, заверенное Консульством.

2. Средства. Получи, если можно, наши старые торгсиновские переводы сов. знаками – там должно быть около 350–400 руб. (150 + 50 ам. долл.). Остальную необходимую сумму я переведу телеграфом.

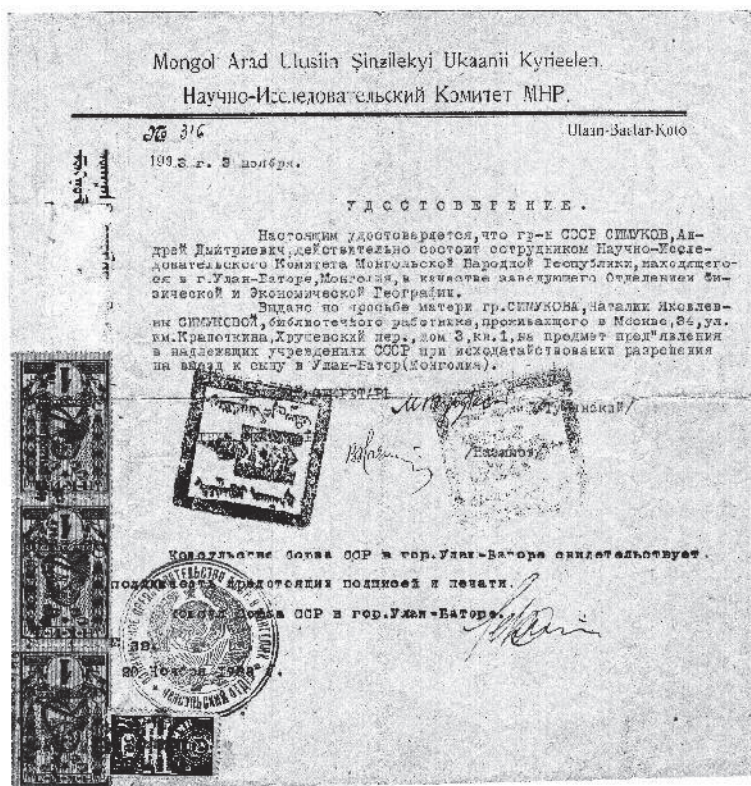
Из Верхнеудинска тебе удобнее всего прилететь в Уланбатор на самолете – 4 часа вместо 3-х суток скверной дороги на автомобиле.

Если решишь ехать к нам, то начинай наводить справки, доставать необходимые документы и т. д. Будем ждать тебя с нетерпением. Заранее представляю себе радость дня, когда встречу тебя на аэродроме.

Привет и поцелуй тете Оле. Её письмо и фотография доставили нам большую радость. Леше посылаю письмо одновременно с этим. Привет Але и её мужу.

Твой Андрей.

IV 40 Удостоверение. 3 ноября 1933.

Mongol Arad Ulusiin Şinzilekyi Ukaanii Kyrieelen
 Научно-Исследовательский Комитет МНР.

№ 316.

Улаан-Баатар-Кото

1933 г. 3 ноября

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что гр-н СССР СИМУКОВ, Андрей Дмитриевич, действительно состоит сотрудником Научно-Исследовательского Комитета Монгольской Народной Республики, находящегося в г. Улан-Баторе, Монголия, в качестве заведующего Отделением Физической и Экономической Географии.

Выдано по просьбе матери гр. СИМУКОВА, Наталии Яковлевны СИМУКОВОЙ, библиотечного работника, проживающего в Москве, 34, ул. им. Крапоткина, Хрущевский пер., дом 3, кв. 1, на предмет пред'явления в надлежащих учреждениях СССР при исходатайствовании разрешения на выезд к сыну в Улан-Батор (Монголия).

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ <подпись> /Тубянский/

ТЕХН. СЕКРЕТАРЬ <подпись> /Назимов/

<Печать НИК МНР: текст на старомонгольском яз.>

<На левом поле документа – текст на старомонгольском яз.(поврежден).>

Консульство Союза ССР в гор. Улан-Баторе свидетельствует подлинность предстоящих подписей и печати.

Консул Союза ССР в гор. Улан-Баторе <подпись>

<Печать>: «ПОЛНОМОЧНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СССР В МОНГОЛИИ.
 КОНСУЛЬСКИЙ ОТДЕЛ».

<Три консульские марки стоимостью 1 руб. каждая,
 след от удаленной марки того же достоинства,
 одна консульская марка стоимостью 50 коп.>

IV 41 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 10 декабря 1933.

10/XII/33 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая мамочка!

В этом письме я посылаю тебе официальную справку²²⁸⁾, которая, надеюсь, поможет в хлопотах по выезду. Я нарочно не слишком торопился посылать её, чтобы дать тебе время окончить дело с пенсией и подвести твой отъезд поближе к весне.

Живем мы втроем с Милей и Наташей тихо и мирно. Наташа – сплошная

радость; смешливая, веселая и спокойная девочка. Развивается прекрасно <...>. Спит по ночам хорошо – дает отдыхать и нам. Рук особенно не просит, <...> все вполне нормально. <...>. Вообще внучка у тебя замечательная.

В связи с ней, а также в связи с обилием работы, жизнь наша размерена и проходит быстро. Утром я отправляюсь на службу (у себя же на дворе), Миля сидит дома, прибирается, готовит себе поесть, в хорошую погоду выносит Наташу погулять. В три я кончаю, обедаю в хорошей столовой и время с 4 до 7 провожу с Наташей, отпуская Милю на базар и т. д. С 7 Наташа уже спит, Миля делает вечернюю уборку, стирает (через день) пеленки и вообще занимается хозяйством, а я сажусь за работу. Ложимся в разное время: Миля часов в 11–12, иногда раньше, а я в 12–2. Эту зиму мы оба настолько заняты, что почти никуда не ходим. Оба изрядно устаем, но чувствуем себя хорошо. Миля выглядит здоровой. Наташу пока не прикармливают.

Моя большая нагрузка по работе объясняется тем, что я поставил себе задачей реализовать в годичный срок (т.е. до осени 34 г.) все, накопленное мною за 10 лет. Я чувствую себя в силе это сделать и потому накручиваю, как говорится, в хвост и в гриву. Работаю по двум линиям – карты и литературные работы. Кое-что уже оформлено или близко к оформлению. Такая итоговая работа даст мне очень много во всех смыслах. Большинство моих работ будет, вероятно, напечатано. Кроме того я занимаюсь сейчас английским языком. Со временем очень туго. Поближе к весне, наверно, предстоит небольшая поездка в район.

Твой приезд желателен во всех отношениях. Я уверен, что ты отдохнешь здесь, тебе будет интересно перерезать такой значительный участок земного шара и посмотреть Монголию, на которую уже пошло десять лет моей жизни. Радостно будет тебе и повозиться с тезкой-внучкой. Своим присутствием ты очень поможешь нам обоим, облегчив мне задачу окончания моих работ здесь.

Для облегчения и ускорения выезда единственное, что я могу посоветовать тебе отсюда – это повидаться в Наркоминделе с Сергеем Степановичем Борисовым²²⁹⁾ (отдел Востока). Он меня знает. Последний раз он видел меня здесь в 1932 году весной. Он же помог когда-то выехать и Миле. В это письмо я вкладываю небольшое письмецо и ему. Правда, Наркоминдел специально оформлением не занимается, но, возможно, сможет помочь в этом деле.

Вогнать меня в долги не бойся. Монету найдем – я всегда имею возможность подработать. Пусть тебя этот вопрос совершенно не смущает.

Телеграфируй получение справки и вообще информируй о ходе дела с выездом.

Из Верхнеудинска тебе проще всего попасть в Уланбатор на самолете – 4 летных часа – если не помешает погода.

Будем ждать с Наташей её бабушку.

Привет и поцелуй тете Оле, приветы Леше и Але с их парами и всем знакомым.

Крепко целую тебя, мамочка, и жду.

Твой Андрей.

IV 42 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 20 декабря 1933.

20/XII/33 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
 посылаю Вам Наташины фотографии, сделанные недавно. Её очень трудно снимать, возится она как мешок с котятами <...>. Получила сегодня Ваше письмо. Мы с Андреем, кажется, окончательно превратились в бесплотных духов, витающих на семейных собраниях и торжествах над присутствующими. Но духи все же не теряют надежды материализоваться. Мы с ним иногда облизываемся читая Ваши письма о том, как вы все собрались и что делали. Ну, хорошо, по приезде покуролесим. <...>.

Дочка наша растет и толстеет неуклонно. <...>. Девушка она очень веселая, хохотунья.<...>. Спокойна на удивление. <...>.

Фото Ваше и Ольги Яковлевны получили, часто любуемся. Вид у Вас весьма боевой. Я хочу, чтобы моя Наташа была в бабушку веселостью и энергичностью. Только не в папу! Я уж с ним бросила бороться. <...>. На нем не ездит только тот, кто не хочет. Страдает от этого его здоровье, а не работа, а для него это – все в порядке!

Передайте привет Симучатам с их домочадцами <...>. Целуем Вас все. Привет Ольге Яковлевне.

Ваша М.С.

IV 43 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 января 1934.

8/I/34 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогие бабушки Наталья Яковлевна и Ольга Яковлевна, поздравляем вас с Новым Годом и желаем здоровья и счастья. Весьма приятно было получить от вас телеграмму – лишнее подтверждение внимания и заботы о нас.

Письмо это начинаю писать уже третий раз – эти дни Наташа нездорова

и, как только я сяду, она просыпается и зовет меня. Сейчас в Урге у всех грипп, Андрей везде ходит по служебным делам, сам захворал и нас с Наташей заразил. <...>. За исключением этого все у нас шло до сих пор хорошо, недавно ей исполнилось 4 месяца <...>, весит сейчас 17 ф<унтов> с походом. Мы её взвешивали дома на безмене, завязав в узелок. В консультацию тащить далеко и холодно, т.к. у нас сейчас морозы от 30 и до 36 градусов. Она еще маловата гулять при такой температуре. <...>. Она уже совсем окрепла, держит голову и очень любит, когда её поддержишь в вертикальном положении. Словом масса удовольствия и радости от нее. Беспокоюсь только, как пройдет грипп.

Очень хотела бы я получить какую-нибудь книжонку о прикорме и, вообще, о кормежке. Не мешает почитать. <...>.

Очень рада за Любу²³⁰) и Лешу. Передайте Любе мои лучшие пожелания, пусть только ведет себя спокойно, и дитё будет спокойное. Нужно надеяться, что Леша окажется умнее своего брата и выкажет Любе должное внимание и заботу. Андрей останется младенцем до старости. Скажу, как пример, что за неделю до рождения Наташи я носилась по крышам, чердакам и, вообще изображала из себя подрядчика по ремонту. До сих пор сердита на него за это.

9/1/. Вчера Наташа так и не дала закончить письмо. Сегодня у нее уж все в порядке. <...>. Как жаль, что мы не имеем возможности показать её вам именно сейчас. Прелестный возраст!

На днях у нас едет в Москву сотрудник Учкома т. Жебрак²³¹). Хотим поручить ему увидеть вас. Он у нас столовался, пусть порасскажет о нас и о Наташе.

Я уж заранее беспокоюсь, как мы поедем с Наташей? Я бы давно одна уехала, если бы была квартира. Придется ждать Андрея, хоть мне уж и очень хочется увезти Наталку отсюда²³²). Андрей говорит, что подгонит конец работы к осени 34 года. Он, кстати, сегодня сам собирается писать Вам.

Если Вы соберетесь приехать к нам, мы с Наташей будем очень рады. Пусть Ковалев не беспокоится сесть в калошу хлопоча о Вашем выезде²³³). Сведения об Андрее поступят по возбуждении хлопот. Его знают. Если очень трудно получить паспорт, то Вы не тратьте на это силы, не измучивайтесь.

Пишите нам чаще, мы живем сейчас очень замкнуто, сами никуда не ходим, и у нас мало народу бывает, да я кроме Наталки ничем теперь не интересуюсь.

Целуем Вас обе, дочка и я. Привет бабушке Оле и младшим Симуковым с домочадцами. Что же они не пишут?

М.С.

IV 44 А.Д.Симуков – Н.Я. Симуковой. 6 февраля 1934.

6/II/34 г.

<Уланбатор>

<в Москву>

Дорогая мамочка!

Посылаю эту записку с проф. Жебраком Антоном Романовичем, которого я просил зайти к тебе и рассказать, в качестве «благородного свидетеля» о нашем житье-бытье, о том, как растет и здравствует твоя внучка и тезка Наташа. Более подробное письмо я отправляю почтой. Сейчас же мы с Милей посылаем несколько фотографий, в качестве иллюстраций к рассказам Антона Романовича. С первым хорошим теплом Миля с Наташей думают двинуть в Москву. Я же, наверно, несколько задержусь.

Крепко целую. Привет всем родичам.

Андрей.

<Миля пишет:> Не «думают», а поедут не позже середины мая. Привет! М.С.

IV 45 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 13 февраля 1934.

13/II/ 34 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

получили недавно письма от Вас и от Ольги Яковлевны, большое спасибо. Как всегда, чрезвычайно приятно было читать их. Вы, вероятно, получили нашу телеграмму о том, чтобы прекратить хлопоты о паспорте? Как только потеплеет, настолько, чтобы можно было везти Наташу, я поеду с ней в Москву. Не обижайтесь за то, что наши планы так круто меняются. Может быть, мы с ней и немного раньше постараемся уехать. Андрей, вероятно, будет здесь до осени. Сейчас он весь в том, что следит за печатанием его атласа Монголии²³⁴). Действительно выходит очень хорошо. Затем будет ещё кое-что печататься; также он торопится закончить Географию <Монголии>²³⁵), которую начал уже давно. Словом, он рассчитывает подвести итоги своего пребывания здесь к осени 34 года. В данный момент его дома нет, т.к. сегодня Монгольский новый год – ушел в гости к приятелям монголам. Думаю, что вернется домой в «неустойчивом равновесии». Наташа спит в соседней комнате. <...>. Алек спал всегда мощно раскинув руки крестом. Нужно ли говорить о том, что я ни на секунду не забываю своего милого первенца?..

Я последнее время нахожусь в довольно беспокойном состоянии – волнуют сборы и предстоящая дорога. Нужно обшивать Наташу и себя, а ничего у нас с ней не выходит, очень уж много времени я ей отдаю. <...>.

Боюсь также дороги. Предполагается, что до Верхнеудинска²³⁶⁾ мы поедем на авто, и нас проводит до поезда Андрей. Иначе мне с ней невозможно. А как в поезде? Ведь на миг нельзя будет отлучиться.

Не помню, писала ли я Вам, что у нас должен был уехать в Москву проф. Жебрак и зайти к Вам передать письмо и пачку Наташиных фотографий. Он на днях уехал, и на следующий же день мы получили известие об аварии автомобиля, на котором он ехал, вызов хирурга и, вообще, ужасное беспокойство. Андрей хотел сегодня узнать, кто и что себе переломил. Вероятно, это письмо придет к Вам раньше, чем то, которое послано с ним. Очень беспокоюсь, в каком он состоянии. Мы зиму прожили бок о бок, и он очень много внимания и забот отдавал Наташе. Дочка наша подросла <...>. Сейчас она в очень хороше виде <...>. Не знаю, в каком виде я её доведу до Москвы.

Очень потрясла меня смерть Кати²³⁷⁾, да ещё такая страшная... Бедная Вера Ивановна²³⁸⁾.

Напишите мне, не выбью ли я Вас и Ольгу Яковлевну из колеи, если останвлюсь с Наташей у вас на недолгое время. Наталка, хоть и очень спокойный, но все же младенец, который, в ущерб может быть другим, требует своего распорядка.

Относительно денег, которые лежат без внимания, пусть соображает и пишет Андрей. <...>.

Пишите, мы ещё успеем получить много писем от Вас. Отъезд наш предполагается в мае. Очень сочувствую, что Вам сейчас приходится много хлопотать и переписываться по поводу 8 лет работы²³⁹⁾.

От Наташи привет.

20/II/ 34 г.

Т.к. Андрей не отослал письмо, припишу ещё. Все эти дни у нас праздники – Монгольский новый год. Монголы ходят нарядные, праздничные. Шубы шелковые яркие, цветистые. Шапки собольи особого здешнего покроя. Красиво и весело. Андрей все занимается визитами, т.к. знакомых много. Приходя домой смиренно на меня поглядывает, знает, что сержусь, когда он выпьет через меру. Но ради праздников я уступаю.

Наталочка моя цветет. С каждым днем делается смышленней, крепнет. <...>. Вот только «сосуда»²⁴⁰⁾ нет и негде достать. На вес золота не купишь. <...>. Недавно взвешивались, и папа её, конечно, упустил. Шлепнулась на кровать. Ничего, смеялись все втроем. <...>.

Готовимся к отъезду, шьем одеяло, рубашечки Наташе. Нужно ли везти кухонную посуду, примус, керосинку? У меня есть электроприборы, но только все на 220 вольт. По здешней сети. Очень жаль, но к Москве не подходят.

Узнали об аварии – Антоша наш (Жебрак) повредил руку и голову, на месте подправили ему все, поехал дальше. Одного монгола привезли с поломанными ребрами. Как доедем мы?

Пока всего хорошего. Пишите. Целуем всех. <...>.

М.С.

IV 46 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 25 марта 1934.

25/III/ 34 г.

Уланбатор

<в Москву>

Давно уж не писали Вам, дорогая

Наталья Яковлевна.

<...>. Все у нас идет хорошо, Наташа здорова и весела. Ей сейчас около 7 месяцев. <...>. Пытается вставать на ноги. Все хватает и везде сует свой нос, очень любит кушать папины бумаги. Скоро съест какой-нибудь доклад.

Готовимся к отъезду. Наталке заказана вся верхняя одежда и обувь, куплены валенки, шьются рубашки и платье. Только горе мне с шитьем – платье в неделю! Все время уходит на уход за таким маленьким человеком. Гуляем каждый день. А тут ещё кровать без перил, того и гляди <дитя> свалится. Бегаю я как на состязаниях!

Хочу выбраться отсюда не позже конца мая, да иначе и нельзя – нужно освободить Андрея для летних работ. <...>. До отъезда мы Вам напишем, а из Верхнеудинска телеграфируем, чтобы встретили.

Андрей остается до осени. Сейчас ему никак нельзя уехать, т.к. некоторые его работы в печати и за выпуском надо следить. Вообще он хочет подчистить все хвосты. Хочет кое-что подготовить к моему отъезду и отправить со мной.

Получили ли Вы переведенные Вам в апреле 10 тугриков? Как здоровье Ваше и Ольги Яковлевны? Каковы дела Симуковых младших? С удовольствием думаю о том, что приеду как раз вовремя – купать Лешино потомство. Обожаю маленьких человечков. Привет от нас всем Симучатам.

Жаль, что мы так поздно вздумали Вас вызывать сюда, и Вы не увидели Монголии. Хорошая страна! Солнечная. Солнце здесь горячее и зимой. Мы с Наташей гуляли зимой при 25°C. И ничего, тепло. Пасмурных дней в году чрезвычайно мало. Дождевики и зонтики забыты! Недавно вспомнила, что в Москве потребуются галоши, зонт...

Одна наша знакомая говорит (она недавно из Москвы), что ей каждое утро при взгляде в окно хочется петь и плясать, так ярко на улице.

Хочу привезти много фотографий, не знаю, успею ли смонтировать все. <...>. Извините за небрежность – вишу на уголке стола, Андрей, как обычно.

расселся на весь стол со своими картами.

Привет от всех троих.

Ваша М.Симукова.

IV 47 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. Апрель 1934.

<Апрель 1934 г.²⁴¹⁾>

<Улан-Батор>

<в Москву>

Дорогая мамочка!

Очень и очень давно не писал тебе писем и напоминал о себе только телеграммами. Вообще переписка почти целиком перешла в Милины руки.

Живем мы тихо, почти замкнуто (некогда!) и главное внимание уделяем твоей тезке. Девочка растет вострая, бойкая, гораздо более «земная» по Милиному выражению, нежели Алик, у которого частенько бывали «отсутствующие» глазки. Рост у Наташи гренадерский, <...> пока что хорошее здоровье, постоянная веселость и, вообще, «все качества». Начинает помаленьку сидеть, хохотушка и очень спокойна.

Жизнь наша идет почти по расписанию. Встаем рано, часов в семь. Обычно я успеваю ещё до чая что-нибудь пописать. Миля возится с Наталкой, и из их комнаты слышны разговоры, Наташкин смех, возня. К девяти я ухожу на работу, а дома идет уборка, завтрак, потом гулянье (конечно, если позволяет погода). Март у нас был холодный, по утрам доходило до -25°C. Около трех я возвращаюсь домой, бегу в столовую, обедаю и приношу обед Миле. Потом либо мы оба дома, и тогда я, немного отдохнув, сажусь за работу, либо Миля уходит часа на два в город, и я сижу с Наташей. Вечером работа и часов в 12 – спать. Так изо дня в день. Через два дня на третий купаем дочку, причем барахтается она в ванне всюю.

Работы у меня очень много, так как я поставил себе целью обработать в этом году все, собранное мною за истекшие 10 лет. Поэтому день у меня занят картографией, а вечер – писаниной. Ко времени моего отъезда в СССР у меня должно быть около 10 напечатанных и готовых к печати работ.

Миля готовится к отъезду; возможно, что ей удастся выехать в мае. Я провожу её до Верхнеудинска и посажу в поезд, а кого-нибудь из вас (Лешу) мы очень просим встретить <Милю> на вокзале <в Москве>. О дне выезда и № поезда я своевременно дам телеграмму. Общий план у нас следующий: Миля с Наташей уезжают отсюда весной и после кратковременного пребывания в Москве у тебя (надеюсь, не выгонишь?) направляются в Сураж²⁴²⁾, где и живут. Если все будет благополучно, то я приеду не ранее поздней осени или зимой в Москву, где (или в Ленинграде) и буду устраиваться. Совершенно уверен в том, что найду свою полочку в системе

научно-исследовательских учреждений.

Начав это письмо, получил твое письмо, посланное 1/III. Из него видно, что ты не получила моей телеграммы о том, чтобы оставить хлопоты по выезду сюда, так как весной в Москву едет Миля. Поэтому я сейчас же отправил вторую телеграмму почти того же содержания.

Твое письмо очень обрадовало нас обоих. Твоей жизнерадостности и энергии следует завидовать, и всем нам надо брать с тебя пример. Надеюсь, что в этом смысле твое письмо полностью отражает действительность.

Хорошо, что ты настаиваешь на том, чтобы Леша учился, но не совсем аккуратно получится, если ты его будешь поддерживать. Правда, другой выход найти трудно, но, в конце концов, пора бы делать наоборот, т.е. чтобы не ты нас, а мы тебя поддерживали. И я, и он уже перевалили на четвертый десяток, Аля приближается к этому перевалу. Возраст более чем солидный.

Ты спрашиваешь о моих «трудах». Выше я уже сказал два слова об этом, подробнее же напишу сегодня же в письме Леше. Пока в печати есть только десятка полтора мелких статей, но в ближайшие 2–3 месяца выйдет две книжки²⁴³⁾ на монгольском языке и географический атлас по Монголии²⁴⁴⁾. Вся основная работа по реализации накопленного материала и опыта должна быть сделана в этом году, которым я хочу кончить «Монгольский период».

Ты пишешь далее, что деревню нашу не узнать. Я не буду просить тебя написать мне подробно об этом, так как надо посмотреть самому, что я и сделаю по приезду в СССР. Ты знаешь, что о Сигеевке у меня остались хорошие воспоминания, а потому произошедшие там перемены интересуют меня особенно остро.

По правде сказать, мне хочется скорее присоединиться ко всем вам, но я, если не будет каких либо экстраординарных причин, сделаю это после всех своих работ, т.е. в конце текущего года.

Благополучное окончание этих работ составит в известной степени некоторую эпоху в монголоведении. В области географии Монголии я – монополист.

Напиши, заходил ли к вам проф. Жебрак. Мы послали с ним много фотографий (Наташа во всех видах). Сейчас все наши мысли в сборах. Миле надо «справить» приданое, Наташе – тоже. Не все есть в продаже, надо искать, заказывать, добывать деньги. Надеемся все эти сборы благополучно закончить. <...>.

Крепкий поцелуй от нас троих тебе, тете Оле. Дружеские приветы всей тесной братии. Выпейте как-нибудь за наше здоровье! А уж когда соберемся все – пир на весь мир обеспечен.

Твой Андрей.

IV 48 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 25 августа 1934.

25/VIII/34

Уланбатор

<в Москву>

Милые мои белочки (маленькая и большая)!

Прошел почти целый месяц после вашего отъезда и мне захотелось написать вам письмо, первое по счету.

Если бы вы знали, как иногда бывает скучно без вас! Особенно первые дни, вечером, когда сидишь за работой, я часто прислушивался, не слышно ли тоненького посапывания белочки маленькой и довольно таки не тоненького – белочки большой. Хотелось и хочется сейчас встать и потихоньку пройти к вам, посмотреть на ваши позы во сне (одна так, а другая эдак) и убогаторенным сим зрелищем вернуться к столу, к своему «пиши-пиши».

Моя жизнь идет, как и полагается старому, лысому рамоли, очень тихо. Встаю большей частью часов в 6–7, иногда позже, иду за молоком, выпиваю его и путешествую на работу. Обедаю в клубе, вечером выпиваю вторую бутылку. Таков мой обычный пищевой режим. Раза три варил себе дома, а как-то раз даже угощал обедом себя, Гомбо²⁴⁵⁾ и одну интересную особу (разумеется не русскую). Банкет на 3(00) персон! Роскошная сервировка! Стол ломился от яств! Было три блюда! (сосиски, макароны и яичница). Чай можно считать четвертым!

За время ваших сборов я так устал, что просто физически не мог сразу впрячься как следует в писанину. Бегать – не бегал, сидел и мучаясь спал либо читал, работая кусочками, урывками. Сейчас запрягся как вол.

В Учкоме полная тишина. Папа Миша²⁴⁶⁾ укатил в увеселительную поездку с мамой²⁴⁷⁾, маминым другом (по случаю поездки несколько повеселевшим. Он был очень мил последнее время), Ефремовым²⁴⁸⁾, Ефремовской американкой²⁴⁹⁾, кинооператором Беляевым (оттуда, от вас) с помощником и двумя ламами. Все это на автокаре. Провожать их было очень весело. Американка носилась с маслом и потом умоляла не сесть в него, я советовал решительно всем обратное, помоператора конфисковал полповерхности машины под аппаратуру. Ламы сидели подобно буддам прошлых и будущих веков. Сзади была привязана новая тона²⁵⁰⁾, которую папа вез в подарок в Эрдэни цзу²⁵¹⁾, а шофер с Беляевым собирались использовать в виде запасного колеса. В *консэ консов* папа едва сел – ему не было места...

После папы, через каких-нибудь три дня, тихой сапой и крайне поспешно смылся Дэндуб²⁵²⁾ (в отпуск). После него пришла очередь Амора²⁵³⁾ (тоже в отпуск). Можешь себе представить, как блаженствуют Учкомцы! Тумэ (машинистка) еще потолстела и аж светится. Папа поехал в большой разъезд на месяц и скоро вернется. Со своей поездкой я решил особенно не

торопиться и не ломать себе голову и ребра, чтобы скорее выехать. Конечно, лета жалко. Но его не догонишь (уже крепко запахло осенью), а ехать можно и зимой, тем более, что зимнего «байдол'а»²⁵⁴ я почти не знаю. Стулова²⁵⁵ я успокоил, сдав ему три статьи. Монгольский атлас²⁵⁶ вышел окончательно (в Учкоме уже лежит 1500 экз.) К русскому <атласу>²⁵⁷ написал и отдал на утверждение предисловие, кончаю индексы. Карты готовы.

Из долгов помаленьку вылезая <...>. На автобусе катаюсь часто и в результате вдвое увеличил перевод²⁵⁸. <...>. Оба перевода за август послал в мамин адрес на её имя. О переводах в Сураж²⁵⁹ сообщи. Итого за этот месяц переведено около 23 рб. Жить можно! <...>.

Недавно было распределение Учкомских наград по поводу республиканского праздника. Награждено довольно много народа и я в том числе. Мое имя в списке было первым, но Президиум распорядился, ввиду получения мною и Гавой²⁶⁰ ценных наград прошлый раз, премировать нас теперь скромнее. Я получил довольно аккуратный портфель и 5 ½ метров хорошего дурдуна²⁶¹ (высшего сорта, плотного, как чесуча) на тэрлиг²⁶². Дурдун в 80 см ширины солнечного оранжевого цвета с рисунком. Гава получил гутулы²⁶³. Это, так сказать, вторая и третья категории. Первая категория (в том числе Гомбочжаб²⁶⁴, Ринчин²⁶⁵, Тонсаг²⁶⁶ и пр.) получили вдобавок по ружью (русские охот-винтовки под маузер). Н.П.²⁶⁷ получила портфель и часы (точмех), Вера²⁶⁸ получила такой же дурдун, как и я. Не обошли и Цэбэна Ж.²⁶⁹, но что назначили ему – не знаю. «Стадо слонов»²⁷⁰ сочли неудобным обойти, и ему достались портфель и часы. Он был чрезвычайно доволен. Очень доволен и я, так как у меня сейчас уже две премии, что для послужного списка будет очень не плохо. Дурдун я спрятал для тебя или Наташки. Она опять выиграла по займу (что-то около 50 тугр.).

География моя²⁷¹ идет к концу. Думаю закончить её примерно через недельку. Сейчас заканчиваю третью часть, послезавтра кончу и сяду оканчивать вторую. Объём выдерживается. <...>

От тебя кроме телеграмм получил лишь письмо из Алтанбулага, сильно запоздавшее. <...>

Чувствую себя хорошо. Личность моя даже несколько расширилась. Бреюсь часто, хожу чисто, только вот в баню не могу собраться. В квартире порядок. Чисто, так что даже как-то зашедшие дамы (Нина Ник<олаевна>²⁷² и Юка) удивились. По гостям почти не хожу. У Носовых²⁷³ бываю редко (за это время раза три). Дождей нынче так и не было. После тебя они шли раза три. Было жарко и сухо. А со вчерашнего дня уже по-настоящему запахло осенью.

Недавно был у меня Чжиргал²⁷⁴. Он слышал, что ты уехала, думал, что и я скоро смоюсь, и поспешил увидаться. Я его угостил чаем и коньяком, мы долго сидели, потягивая вино и предаваясь воспоминаниям. Очень просил

передать тебе всяческие приветы. Он стал совсем солидным, потолстел и вид у него важный. Смотря на Наташкину карточку все удивлялся, до чего она похожа на Алика²⁷⁵⁾. Получил я письмо от Абдрахмана²⁷⁶⁾ из Казани. Он работает там в банке шофером. Пишет, что жить можно, город красивый и «есть где провести время» (в его духе!), но скучает по Гоби и спрашивает, еду ли я нынче, на какой машине и с кем. Кланяется всем и особенно Тонсагу, чем последний был весьма тронут и просил меня передать привет – «написал бы сам, да все равно не прочтет». Все наши монголы живо интересуются, как ты доехала и грозят немедленно сообщить тебе, если заметят за мной что-либо предосудительное. Калитку нашу в связи с отъездом папы Миши заколотили, ворота запирают рано, и двор наш снова стал монастырем. У калитки строят большой гараж на три (- неходячие -) машины. Анандашири²⁷⁷⁾ стала препотешной девчушкой. Я у них почти не бываю, Н.Н.²⁷⁸⁾ особенного внимания не оказываю. Она тихо бродит по двору в одиночестве²⁷⁹⁾.

Жду не дождусь подробного письма от тебя, так как пока твое пребывание в Москве²⁸⁰⁾ кажется совершенной абстракцией, неким умозрительным построением, лишенным осязательной формы. Высчитываю по пальцам, когда придет письмо. Как устроилась, каковы отношения с окружающими, что делают все наши, где купаешь Наталочку и что она при этом делает, как она спит, что и как кушает, где гуляете, получила ли ты паспорт, как себя чувствуешь, что намерена делать и т.д. и т.д. ?? Пожалуйста, пиши часто и много.

Поздравляю Наташу, тебя, бабушку и тетю-бабушку²⁸¹⁾ с днем рождения. Ведь ей уже год! Особое поздравление тебе, моя женушка, ибо что сделали для Наташки все прочие, в том числе и я? Надеюсь, что ты не забыла известить своих о твоём приезде. Вскоре после тебя я получил от твоей мамы письмо, где она все не верит, что ты приедешь.

Скучно, детки мои, без вас. <...> Осень... Поцелуй Натаску во все места, возможные и невозможные. Крепко целую тебя, моя женушка, белочка и друг. Не забывайте меня и не превращайте в высылающего переводы автомата.

Привет и поцелуй всем, особенно трем бабушкам.

/Подпись на старомонгольском/

IV 49 М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой²⁸²⁾. 17 октября 1934.

17/X/34 г.

<Сураж²⁸³⁾>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

доехали мы с Наташей до Унечи и дальше вполне благополучно и хорошо <...>. В Унече нас встретил Петя²⁸⁴, утащил наши вещи в садик, и мы там, гуляя, ожидали поезда до 3-х часов дня (в Унечу приехали в 8:25 утра). Наташа нагулялась, подышала свежим воздухом, и ей стало лучше. В Сураж приехала здоровой. В Сураже нас встретил папа²⁸⁵, багаж наш погрузили на телегу, и Петя <...> доставил его домой. <...>. Комната здесь большая, светлая и теплая. <...>. Место для поселка выбрали тоже неплохое – на бугре за семинарией. Гуляем с Наташей в сосоннике над речкой, где когда-то гуляли мы с её папой. <...>.

В здешнем Торгсине²⁸⁶, как я и ожидала, почти ничего нет. Громадное пустое помещение с совершенно пустыми голыми полками. Мука, сахар, крупа, изредка – масло, валенки и немного мелочи.

Кстати о переводах²⁸⁷, переадресованных Вами на имя папы. Перевод в 5 тугр<иков> получен, а в 12 – нет, хоть извещение о нем пришло. Завтра отправим запрос на Неглинный <проезд> в банк. <...>.

Сураж, оказывается, нисколько не изменился за 7 лет. То же и те же! <...>. Хорошо ещё, что наши живут на таком хорошем месте и далеко от города. Место красивое, веселое. Летом здесь у всех была дизентерия. Много умирало. Хорошо, что мы не приехали летом. <...>.

Петя ходил на почту с телеграммой Андрею, так там не нашли Уланбатора, усомнились в существовании его вообще. Серо... <...>.

Петя уезжает послезавтра <в Мурманск> - грусть! Наташа еще в Унече подружилась с ним. Он, к моему удивлению, умеет как-то очень хорошо с ней забавляться – тихо, незаметно сидят, «разговаривают» и играют.

Пишите нам чаще. Привет всем <...>. Целую крепко. Привет от мамы и папы. Ваша М.С.

IV 50 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 ноября 1934.

3/XI/ 34 г.

Сураж

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

<...>. Не сердитесь, что долго не писала <...>. Мы с Наташей только что хотели устроить себе здесь удобную жизнь, как захворала мама. Лежит третью неделю. <...> Тут одно светило предположило сыпняк²⁸⁸ <...>. Затем были предположения – брюшной тиф, возвратный, колит. Теперь лечат её от малярии и от колита. Лазарет и детская вместе. <...>.

Наташа ходит совсем хорошо, топает целые дни по комнате, хозяйничает. Гуляем с ней много. Очень тяжело, т.к. по-прежнему таскаю её на руках – холодно ей ходить. <...>.

Как Ваши дела и здоровье, как Ольга Яковлевна? Напишите мне обо всех. <...>. Слышали ли Вы что-нибудь о т. Рыжике²⁸⁹⁾, с которым Андрей «послал атласы»²⁹⁰⁾? (Он так мне телеграфировал). Интересно – какие, сколько и кому? Если есть русские <атласы>, а это несомненно, пусть Леша сбегает в Атлас Мира и, если они ещё не получили, отдаст им от имени Андрея (если не поздно уже).

С моим приездом расширились сведения суражских почтовых служащих о Востоке. Первую телеграмму <Андрею> приняли с боем «на риск». А письма! Нормально адресованное письмо у меня не приняли. Пришлось все написать «по-иностранному». <...>.

Скучно что-то становится, т.к. жистенка довольно первобытная – горшки, ночовки²⁹¹⁾, печь. Счастье, что место очень хорошее для Наташи. <...>. Зимой приезжайте, если будет время, уместимся хорошо.

Удобства здесь в следующем состоянии: керосина нет – бывает изредка в Торгсине и по карточкам²⁹²⁾. Электричество не горит, а тлеет – сидим большей частью при лампешке. Запасы на зиму сделаны. Куплена картошка, капуста, осталось купить морковь. В Торгсине покупаю муку, крупу, керосин, иногда масло, мяса не бывает. Мясо и молоко покупаю на советские. Советских денег у меня уже нет. Если бы Вы перевели мне рублей 100, Вы ведь знаете, где их взять?²⁹³⁾ <...>.

Если все будет у нас в порядке, может быть в конце декабря удастся смотать в Москву – забыла необходимые мелочи: марганцовку, мыло детское. Игрушек здесь нет. Купить негде. <...>.

Так хочется иногда написать Андрею, чтобы поскорей приезжал и добывал жилище. Не напишу, конечно, пока сам не приедет.

Вчера получила письмо от Али, очень обрадовалась, читали мы его с Наталкой много раз.

Пишите, пожалуйста. Целуем Вас и Ольгу Яковлевну обе – Наташа и я. Привет всем родичам.

Ваша М.Симукова.

P.S. Напишите Андрею письмишко.

IV 51 М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 14 ноября 1934.

14/XI/34 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
не знаю, с чего начать. Так скверно живется, что хочется лечь и выть. Мама лежит уже месяц, у нее тяжелая малярия, доктор говорит, что она все равно умрет, только неизвестно, сколько времени протянет. Она уже ничего не

понимает, не ворочается сама <...>. Последние дни совсем плохо. <...>.

Наташа тоже не выдержала – сегодня жар (с утра было 39°), капризничает, плачет. Тяжело ей приходится. Я пока держусь <...>. По ночам не сплю – уход, лекарства маме, да и не спится. Сердце разрывается из-за Наташи. <...>. Звала сегодня к ней доктора, не пришел, т.к. его послали во Влазовичи на борьбу с сыпняком. <...>. Топить печь ходит ко мне баба. Тоже боюсь, что сыпняка принесет, нужно на днях рассчитать. Эпидемия здесь небывалая.

Зачем Вы выдумали помогать мне? Если бы я знала, что Вы будете мне переводить из своих денег, то не написала бы Вам. Кстати, деньги (100 руб.) сегодня получены, большое спасибо. Но лучше будет, если Вы продадите часть рублей <валютных> и возьмете себе, если Вам нужны советские. И вообще, Вы должны брать себе из переводов сколько требуется на питание²⁹⁴. Я не могу понять, как это Вы будете помогать мне? Да и Андрей рассердится, что мама ему помогает.

Он мне не пишет, и не надо. У него всегда работа была превыше всего. Это, конечно, хорошо, но я, так же как и Вы, ревнива – можно было бы иногда кроме работы и Наташу вспомнить.

Я никому, кроме Вас и Леши еще не писала. Не до писем. Старые друзья меня не навещают, потому что их нет здесь. Одна приятельница умерла, другие разъехались <...>.

Так вот и живем. Топим печь (баба часто не приходит), печем хлеб, колем и таскаем дрова, носим иногда воду, ухаживаем за мамой, бегаем за доктором. На Наташу времени не остается. Вчера она обожглась о кочергу. <...>. Дед в счет не идет. Он привык жить за мамой, как у Христа за пазухой, сейчас ведет себя, как ребенок. Наташу ему доверить нельзя. <...>.

Не сердитесь за резкое, может быть, письмо. <...>.
Целуем Вас обе – Наташа и я. Привет всем. М.С.

IV 52 М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 21 ноября 1934.

21/XI/34 г

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

Давно уж не было писем от Вас. У нас все идет пока без перемен – если маму трясет лихорадка, то она после этого лежит в жару, бредит, чем нагоняет на меня жуть невероятную. Особенно, когда папа работает в ночную смену, и я дома одна с Наташей. А так она иногда ходит и, во всяком случае, может позабавить Наташу, когда я занята. Наташа совсем поправилась. Гуляем с ней. Она стала смешная. Поет песенки, рассказывает, что видела на улице <...>. Хорошо, если бы Вы прислали ей книжек и игрушек. Она

одевает на нос ободки от очков и важно рассматривает «Вестник кочегара».

Андрей телеграфировал, что перевел в Сураж 30 и в Москву 7 <тугриков в бонах Торгсина>. Я очень расстроена этим. Нужно было наоборот. <...>. Я эти 30 руб. растяну не меньше, чем на три месяца. Очень заботит меня вопрос с советскими <знаками>, здесь доставать не стоит, а нужны они очень. При надобности я буду писать Вам, а Вы поступайте так, как найдете лучшим. Не хотелочь бы, конечно, обдирать Вас. Уж Вы лучше продавайте <бонь> сколько нужно. <...>. Без моей просьбы ничего из денег мне не высылайте.

Бедный Андрей! Скоро ли он придет, и скоро ли мы будем жить опять своим «домом»? <...>.

Сюда собирается приехать Маруся²⁹⁵⁾ помогать ухаживать за мамой. Если зайдет к Вам, передайте ей, пожалуйста, склянку с марганцовкой, детское мыло и все сообще детские вещи <...>. Приезд в Москву, кажется, улыбнулся. Дураков работа любит и притом черная.

Ну, всего Вам доброго. Привет всем. Наташа целует обеих бабушек.

Ваша М.С.

IV 53 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 декабря 1934.

3/XII/34 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна, могу, наконец, написать Вам более веселое письмо, чем прежде писала. По старинному правилу – все утрясется – вещи, время и действия нашли свои места.

Очень благодарна Вам за Ваши теплые, бодрые письма, они также мне много помогли. Всегда, ведь, поддерживает то, что о тебе кто-нибудь заботится и болеет душой.

Мама больна по-прежнему. Вернее, так: малярия у нее идет своим чередом, часто лихорадит здорово, но в перерывах она уже может ходить и хоть немного мне помогает тем, что позабавится с Наташей. Папа занялся дровами и водой уразумев, что мне это не по силам. Бабу, приходящую помогать, рассчитала, без нее мне легче, и нет страха, что тиф занесет. Кстати, последний пошел на убыль. Работаю в хвост и в гриву, но, ей Богу, лучше себя стала чувствовать <...>.

Самое главное в том, что я Наташу поставила во главу угла, что называется. Сперва Наташино здоровье, питание и гуляние, а потом уже стараюсь поспеть и за остальным. Все мое несчастье в том, что я такая неистовая мать. Не могу чувствовать себя спокойной, если ребенок плохо

устроен. Сейчас Наташа здорова и весела. <...>. Гуляем много (часа по 3–4). На днях думаю достать саночки для нее, а то все еще погибаю под тяжестью объемистого свертка.

Жить в Сураже буду до тех пор, пока только это будет возможно. Здесь, конечно же, Наташе лучше, чем в Москве <...>. А я свое наверстаю, когда Наталочка подрастет и когда устроимся. Ведь вся моя жизнь пока в том, чтобы ей было хорошо и удобно. Она начинает понемногу говорить. <...>.

Переведенные Вами 20 руб. <в бонах> получила, а Вам переводу, когда придут, 30 руб. <...>. Тратьте их по своему усмотрению. И не огорчайте нас с Андреем излишней экономией на себе. Вы и Ольга Яковлевна должны брать все, что вам нужно, из Торгсина. Кофе, который остался, расходуйте на здоровье. Ведь Андрей привезет еще. А мне здесь не нужно. Я ни разу кофе не варила – некогда и керосину нет.

Ну, как не изругать Андрея? Ведь ни одного письма еще не получала после того (первого), что получила еще в Москве! Я ему писала много. Правда, время от времени получаю телеграммы, но ведь этого совсем мало. Иногда разбирает досада на него, а иногда очень и очень беспокоюсь о нем. Боюсь, что если не пишет, не все у него в порядке. Напишите хоть Вы ему, чтобы он меня не пугал долгим молчанием. Ах, ведь этакий упрямый... молчу, молчу! <...>.

Передайте привет «всем нашим». Тронута их расположением ко мне. Взял ли, наконец, Леша себе какое-нибудь «место»? <...>. Как растет Олечка? <...>.

Рада, что Вы во время отпуска съездите в Ленинград. И удовольствие, и отдых. Вообще моя свекровь должна служить примером трудолюбия и работоспособности своим невесткам, или вернее: невестки должны брать с нее пример.

Старший сын определенно в маму удался в смысле работы. Ах, как мне жаль этого гадкого паршивого утенка! (Думаю, что без меня он уже запаршивел). И никак не могу сейчас помочь ему работать на семью – нужно Наталочку подрастить и хоть угол свой устроить.

Маму советуют везти в Москву в клинику. Не знаю, как дела пойдут у нее дальше. Пока выздоровления не предвидится.

Целуем Вас обе с Наташей крепко. Будьте здоровы, привет Ольге Яковлевне и Але. Получали ли Вы письма от Андрея?

Ваша М.Симукова.

IV 54 *А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 2 декабря 1934.*

2/XII/34 г.

Уланбатор

<в Сураж>

Милые мои, нежные белочки!

Не буду говорить о том, как мне стыдно за свое долгое молчание. Теперь буду писать хоть понемногу, но часто, каждую неделю. Из системы редких и объемистых писем хорошего ничего не выйдет. Как-то вы живете? Думаю о вас обоих ежедневно, тем более, что срок привычных отлучек истек, и я все больше и больше чувствую свое одиночество. Тоскливо бывает! Особенно часто я стал думать о вас, Миля и маленькая моя дочушка, после последнего вашего письма из Суража, когда почувствовал, что и среди своих вы немного одиноки, что и среди своих вам обоим приходится нелегко, чтобы не сказать хуже.

В данный момент меня больше всего интересует вопрос с квартирой в Москве. Нельзя ли её все-таки купить? Уж очень не хотелось бы зависеть в этом отношении от службы. Я очень прошу тебя, Миля, не откладывая в долгий ящик, списаться с Гилицом (если он еще работает на старом месте²⁹⁶) и узнать, можно ли купить квартиру в Торгсине в общем порядке <...>. Хотя неограниченных переводов отсюда и не предвидится, но некоторые переводят золото – его принимают. <...> Если такая покупка возможна, то сообщи мне хотя бы телеграфно цены (1 комната, 2 и квартира из трех). Частная покупка жилплощади на боны, кажется, преследуется. <...>. Стоимость золота здесь примерно 10 тгр. золотой рубль. Кроме того я сам запрошу письмом маму или Лешу о стоимости квартиры в жилкооперации. Хочется попытаться заработать <...> себе квартиру. Давно пора сделать свое прочное гнездо.

Теперь о Торгсине. Меня очень тронула твоя благодарность за переводы, но ведь это – единственное, что я могу пока делать для вас, мои дорогие белочки. Лыщу себя надеждой, что до сих пор вам хватало. Теперь в Уланбаторе идут усиленные разговоры <...> о прибавке торгсиновского лимита. Во всяком случае пока, со своими 15 тгр., я был в довольно привилегированном положении – столько переводят здесь очень немногие (не считая категории М.И.²⁹⁷ и других). Если у тебя все еще то же положение с работой по дому, Наташей и т.д., то нельзя ли взять помощь со стороны за тот же Торгсин? Мне легче перевести лишнюю пятерку, нежели мучиться за тебя.

Твои заветы относительно себя и своего здоровья я выполняю полностью (о чем ниже). Изволь же, не жалея меня, попытаться устроиться так, чтобы встретить главу семейства веселой и толстой (не запрещаются даже размеры Нины Арт<уровны>).

Теперь о себе. Имею честь сообщить, что несмотря на сидение в

Уланбаторе, я довольно хорошо поправился и потолстел. От летнего Кашея нет и следа. Чувствую себя прекрасно – ни живота, ни чего другого не слышу и не чувствую. Несомненно этому помогли твои первые телеграммы и письма о хорошей жизни в Москве. Смотри, чтобы не получилось обратного! Что хорошего в том, что мы оба на разных концах земного шара (1/6 его окружности по экватору) будем худеть и стареть? Но это не значит, что ты должна мне втирать очки в письменном и телеграфном виде. Если попробуешь – я все равно узнаю и тогда сразу лягу и умру. Так и знай! Уж постарайся помеддековать, чтобы тебе полегче жилось, повторяю, не жалея меня. Конечно, вдвоем и эта задача была бы разрешена, но ты сама знаешь, что преждевременный мой отъезд из Монголии в очень и очень многом испортит и утяжелит материальную и моральную сторону нашей с тобой жизни в Москве. Вместе с тем имей в виду, что договорами я не связан и могу явиться в Москву по первому зову.

Уехали вы чрезвычайно вовремя. Здесь долго продолжался тиф, сменившийся черной оспой в очень скверной кровотокающей форме. Сейчас заканчивается поголовная прививка – я тоже привил себе оспу дважды – первый раз не принялась. Не было недостатка и в прочей пакости – скарлатине, дифтерии и т.д. Букинич²⁹⁸ болел крупозкой²⁹⁹ – лежал в больнице. Рентгеном обнаружил сильное расширение сердца и теперь сматывает удочки. Я показался Носову и тоже ходил на рентген. Обнаружил полный порядок сердца (даже меньше, чем нужно, по словам Носова и Наджарова) и такой же – легких. Старый процесс³⁰⁰ зарос так, как это очень редко бывает, по словам Носова. Словом, физика моя в полном порядке, включая абсолютно молчащий живот, плюс округлость моей личности. Происходит это отчасти еще потому, что на работу я налегаю не очень свирепо, и даю себе возможность отдохнуть и развлечься, хотя это обстоятельство меня постоянно и грызет.

Утром встаю в 8, чаще в 9 ч., пью молоко. Осенью выпивал сразу 2 бутылки, сейчас одну – подорожало. Затем обычное времяпрепровождение на службе, по-прежнему часто с разной беготней и мелочами, затем обед (представь себе – иногда дома!) разные дела по городу, визиты, с 8–9 ч. – дома, за работой. Ложусь поздно.

Только недавно кончил свою Географию³⁰¹, выросшую до 700 стр. на машинке. Сейчас она на «политпросмотре» у т. Златкина³⁰². С первой дип<ломатической> оказией высылаю её Рыжику³⁰³, и тогда ты сможешь получить у него 1,5–2 тыс. аванса. Кончилось тем, что я дал в этой книге всю Монголию в целом, и физическая география оказалась в меньшинстве – всего 120 стр. из 700. Принцип – сказать обо всем, хотя бы понемногу. Поэтому я дал и исторический очерк, и очерк ламства, и герб, и денежную систему,

словом – все.

Атлас³⁰⁴) весь сброшюрован, поступил в продажу. Русский <атлас> тоже закончен. На днях начну рассылку «от автора». Сейчас заканчиваю материал для «Толкового словаря» и завтра-послезавтра решительно ставлю вопрос о худоне³⁰⁵).

Получил, между прочим, уже два письма из Арахангая, от своих приятелей, с приложением масла. На одном из писем (привез Теркулов) адрес: «Уланбатор, русскому Дамдинсуруну» (помнишь чеховского Ваньку Жукова – « в деревню дедушке Василию Назарычу»?).

Вообще, с вашим отъездом я чувствую себя в Учкоме несколько по-иному: «захочу – полюблю, захочу – разлюблю», тем более, что на Востоке³⁰⁶) отношение ко мне прекрасное. Много мелочей показывают прочное доверие.

На днях получил телеграмму от Атласа Мира с благодарностью за присланные атласы. <...> Приятно сознание, что моя работа не совсем обывательская и что я кладу свой кирпич в общесоветское дело.

Бываю, хоть и не часто, у Носовых – их экспедиция работает сейчас в Арахангае, по моей указке в Ихэ Тамире. Раза два-три был на Комбинате³⁰⁷). Сегодня слушал прекрасный радиоприемник у Цзандры³⁰⁸) – он женился... на Данаре и живет в той самой квартире, где чуть не родилась и провела свои первые дни Наташечка³⁰⁹). Здесь хорошо слышим Москву, всю Сибирь, Японию, Китай. Последнее время почти ежедневно один или два часа говорят харбинские белогвардейцы – слышно этих язвов прекрасно. И какую только они чушь не порют! Аж уши вянут – вроде сообщения о том, что к годовщине Октября «трупы погибших от голода были с московских улиц подобраны».

Сегодня по радио же слышал тяжелую весть об убийстве Кирова³¹⁰) в Ленинграде. Руки зачесались – как бы заставить замолчать этих сволочей – международных убийц. Ведь наверняка нити идут к германо-японской группировке. <...>.

С разными долгами я почти расквитался. Лишнего пока не оставалось, так как стеснять себя мне пока не хотелось. Теперь перейду ко второй стадии – стадии накопления к отъезду.

Получил письма от Роппов – они в Туве, от Абдурахмана³¹¹) (Казань) и ... от папашки Козлова – просит прислать кое-что еще из старых, его экспедиции, материалов. Привет тебе, вообще письмо выдержано в «его» тонах. Написал ему большой ответ – как-никак, а ведь он «незабвенный учитель».

*A propos*³¹²), по сведениям из Ленинграда (здесь много студентов-восточников вплоть до ... Коликова³¹³), Васенька Якимов³¹⁴) сошел на нет, ибо единственной его лестницей вверх была тема о... монгольских колхозах. А

сверх этого он не мог ничего высидеть. Коликов с почтением вспоминает о тебе, помня твою зубастость. Руководитель московских студентов очень зовет в Наримановский³¹⁵⁾ и уже писал обо мне, Рыжик³¹⁶⁾, с которым мы очень хорошо распрощались, - в КУТВ³¹⁷⁾, ленинградцы³¹⁸⁾ – к себе. Везде я ставлю условием квартиру.

Прости, что я все письмо заполнил собой. Скучно все-таки без вас, детка. Очень скучно! Хочется ласки, тепла, хочется положить голову хоть на минутку на твои колени, хочется поддержать Натаску (она тепленькая!) и посмотреть, как она вертит головенкой и болтает голыми ножками. И вообще <...> неуютна одинокая жизнь... Скверно. Держит сознание, что работаю для вас, мои любимые, что надо с честью закончить Монголию, чтобы сразу войти хозяином в московскую жизнь.

Привет и сыновний поцелуй Федосии Макаровне и Алексею Яковлевичу. Крепко целую вас, мои дорогие.

Ваш папа <подпись на монгольском языке>.

IV 55 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 5 января 1935.

5/1/35г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Поздравляем обеих бабушек с Новым Годом, желаем здоровья и счастья. Получили телеграмму «от хрущевцев»³¹⁹⁾, Ваше письмо и посылку, очень, очень довольны и благодарны. Наташе больше всего приглянулись уточка и Ванька-встанька. Так с ними и заснула – по игрушке в каждой лапке. <...>.

Поздравление мое запоздало потому, что была больна Наташа. У нее был грипп <...>. Все время было 39–40°. <...>. [Гамрат] развеселил меня – либо корь, либо грипп, либо дифтерит. Такая дубина! Всех этих «либо» я и сама боялась, особенно последнего. Врача получше так и не могла дозваться. <...>. Теперь Наташа повеселела, и мы опять счастливы.

Простите, Христа ради, что не написала о получении вторых 100 руб. Мама была так плоха, что я замotalась и забыла. Большое спасибо. Меня все-таки интересует – откуда Вы берете эти сотни, дорогая свекровь? Думается, из своего кармана.

Последнее время состояние у мамы было ужасное. Неумолчный стон, вид просто страшный, <...> не могла уж ворочаться и вставать сама. У нее, как выяснилось в Москве³²⁰⁾, малярии нет и признака. Лихорадило её от какого-то сложного кишечного заболевания. Мария мне писала, что у нее предполагают рак. Жалко её бесконечно. Мучается очень.

Расправлялась я с Наташей, мамой, дровами, водой и прочим

самостоятельно. <...>. Ничего, выкрутилась с честью. Сейчас мы с Наташей живем вдвоем. <...>. Квартира хорошая, район тоже, питание налаживаем, все прочее когда-нибудь приложится. <...>.

Получила от Андрея телеграмму и «большое и хорошее», как всегда, письмо. Это первое письмо от него в Сураж! Он таки верен себе. Из-за хороших писем раз в четыре месяца у нас с ним выйдет что-нибудь очень нехорошее. Будут созваны все (молодые и здоровые) родственники поучить этого отщепенца.

Какой Восточный Институт издает Андрееву Географию? Мне он пишет, что сговорился с КУТВ'ом через Рыжика. Высылает её Рыжику же. Я помню, при мне подкатывались к этой Географии ещё какие-то «восточники». Если что-нибудь не совсем ясно, лучше запросить Андрея телеграфом. За вычетом всех личностей и нежностей письмо Андрея деловое, и я высылаю его Вам для ознакомления с его планами. Читайте только Вы, конечно. Вот насчет квартиры в Торгсине и справок у Гилиса – думаю, что лучше просто лично поговорить с ним кому-нибудь (наверное, Леше). Самое ценное в нем – все и везде навывлет знает. <...>.

Целуем Вас обе, Наташа и я. Привет Ольге Яковлевне, Але, Леше и всем. Лешина пьеса³²¹⁾ была сейчас же прочитана и одобрена. В постановке будет неплохо. Приятно держать книжечку в руках – вещь! Мне нравится также и обложка. Пусть обязательно пошлет Андрею.

Всего доброго. Пишите.

Ваша М.Симукова.

P.S. Андреево письмо посылаю в отдельном конверте.

IV 56 М.А.Симукова – Н.Я Симуковой. 8 февраля 1935.

<открытка>

8/II/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Получили вчера 100 руб., большое спасибо. <...>. От мамы с 31-го января нет никаких вестей, а 1-го февраля ей должны были делать операцию. Жива ли она? Напишите, если знаете что о ней. От Андрея получила телеграмму – здоров, не скучает и перевел за январь в Москву 15 руб., Вы их возьмите себе с Ольгой Яковлевной. Наверное, Ваши запасы уже иссякли. <...>. Целуем Вас обе.

Ваша М.Симукова.

IV 57 *А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 4 января 1935.*

4/1/35г.

Уланбатор

<в Сураж>

Родные мои белочки!

Скучно мне без вас очень. Думаю о вас, о вашем житье ежедневно и ежечасно. Как-то очень трудно представить себе Наташу высококонькой, бегающей и лепечущей. В следующем письме, Миля, напиши её рост, чтобы я мог отметить его на лутке³²², а если можно, то и снимитесь у старика Эйдлина (до чего все-таки мало меняется обстановка в таких местах, как Сураж!). Ваши суражские письма повергли меня в уныние. Полная противоположность ожидавшемуся! Не хлебом единым будет сыт человек, как говорится, но и мясом, и маслом, а в данном случае относительная обеспеченность этим самым хлебом далеко не устраивает жизни полностью. Мысль о своем угле, как я уже писал тебе раньше, мучит меня непрестанно. Жду от тебя известий относительно возможностей в этом отношении. Повторю еще раз, что надо знать все варианты: на Торгсин и на совзнаки. Кое-какие возможности в смысле заработка и т.д. у меня здесь определились, а кроме того в ближайшее время я получу информацию из Москвы и Ленинграда относительно возможностей напечатания моих работ, в частности и беллетристики. Тяжело думать, что ты там сбиваешься с ног, худеешь, желтеешь из-за чего-то, как будто мы с тобой не заработали права на лучшее. Ведь кое-чего добились, другим по мере сил помогали – и вдруг такой конфуз. То, что от тебя снова давно нет писем, заставляет предполагать, что Федосье Макаровне опять плохо, и ты разрываешься на части. клянeshь всех и вся и меня в том числе, жалея, что не осталась в Уланбаторе.

Встречая Новый год (у Бадмажаповских, вернее у Кейва и Марины³²³) я с грустью думал, что в Сураже, наверное, далеко не так весело, как у нас тут, и темновато, и скучновато, и грустно. Конечно, в Москве при всех прочих недостатках было бы весело, и на время эти недостатки забылись бы. Хуже всего то, что я вот сейчас, сразу, и помочь ничем особенным не могу, и посоветовать нечего – тебе там во всяком случае виднее. С другой стороны ехать в СССР сейчас, не закончив своих хвостов, не хотелось бы без крайней необходимости. Этим в сильнейшей степени затруднится быстрое устройство с должным использованием результатов Монгольского нашего этапа и соответствующее движение вперед. Но, как я тебе говорил всегда, достаточно твоего слова для того, чтобы я в самый короткий срок собрался бы в Москву. Ясно, что никогда никаких упреков по этому поводу ты не услышишь. Хоть ты иногда и говорила «в минуту жизни трудную» противоположное, но мне вы обе дороже и ближе всяких «работ» <...>.

Чувствую я себя по-прежнему превосходно – лучше, чем за последние осень, лето и зиму. Все тело в абсолютном порядке. Я уже писал тебе, что за этот период (4 месяца после твоего отъезда) я не очень налегал на сиденье за столом, а довольно много бегал (почти исключительно по расчету). Имея в виду отъезд в Москву, предпочитаю сейчас монгольское общество и в русских домах почти не бываю, несмотря на разные обиды (вроде Нины Артуровны³²⁴).

Сейчас снова переменяю курс и засел за стол. Поездка в Худон до сих пор неопределенна. Ежели за ближайшие 2–3 дня ничего не выяснится – никуда не поеду, ибо время будет упущено, а форсирую окончание работ и отъезд в Москву.

Морозы сейчас стоят крепкие: -30 -35° и больше. Хожу в валенках, кожанке и не мерзну. Дома сухо и тепло, по-холостяцки чисто – убираюсь ежедневно.

На днях закончу работу по детальной географии Гоби – листов на 6 печатных. Рыжику³²⁵ послал полный экземпляр Географии³²⁶ - уж и повозился с ней!

Перед Новым Годом был Великий Хурал³²⁷, не собиравшийся лет пять. Из Хангая приехал знакомый – ночевал у меня раза три. Два раза были с ним в кино (звуковом), и вообще бывал он у меня почти ежедневно, тем более, что это мне было на руку. Худонцы вообще меня не забывают – за зиму получил писем пять-шесть и сам писал (вернее Содбо³²⁸ писал) столько же. Хотелось бы перед отъездом в СССР побывать еще раз, хоть ненадолго, в Хангае и Гоби.

Букинич³²⁹ ещё не уехал. Для холостяка – прекрасный сосед. Поет целыми днями (по-прежнему фальшиво), охотится за мышами, съевшими у него всех хлебных цоликов³³⁰, отвоєванных у собак на улице, при неудаче тихо кроет этих мышей матом.

В квартире у меня тепло, солнечно и сухо – как всегда (а все благодаря тебе...).

Все это хорошо, но вот опять так долго нет от тебя ни телеграмм, ни писем. Точат сомнения, предположения, боль. В чем дело? Что случилось? Ведь у тебя даже телеграммы в двух словах содержательные выходят, не говоря о письмах. Хоть бы почаще их посылала. Получила ли мою новогоднюю телеграмму, несколько, правда, запоздавшую? Твое молчание беспокоит самым серьезным образом: молчишь – значит дела обстоят плохо. Обо мне не беспокойся – что может быть сногшибательного в Уланбаторе? Все в порядке, грызет лишь совесть за то, что до Нового года не тянул ляжку так, как следовало бы тянуть. Наверстываю сейчас.

В твоих письмах из Суража я совершенно не нахожу упоминания о ком-

либо, кроме узкого круга семьи. Очевидно, тебе не до какого бы то ни было общества. А может быть и совершенно не с кем встречаться? Ясно, что от прежнего круга ты оторвалась основательно и навсегда. Надо надеяться, что в этом году у нас будет новый круг и, вероятно, неплохой. Все мои мысли – в Москве, об устройстве (в первую голову – о квартире).

Между прочим, мой атлас³³¹⁾ был роздан делегатам Хурала и произвел большое впечатление. Кроме того я получил поздравление по этому поводу от Картотреста и Атласа Мира. Русский выпуск <атласа> поступил здесь в продажу. От монгольского издания осталось уже всего тысячи полторы (из 4000).

Что же рассказать тебе ещё? Люди в Уланбаторе живут по-старому. Радна³³²⁾ в положении, Гавиха³³³⁾ тоже (Гаву из Музея выперли). Был как-то у Дандара³³⁴⁾ - попал на молебен с обедом и бобо (борцаками). В кино бываю теперь редко – жалко времени.

Если сегодня от тебя ничего не будет – завтра пошлю телеграмму с запросом. Одно дело, если я, сидя на старом месте, в привычной обстановке, пишу редко – здесь беспокоиться нечего. У тебя же совершенно другое дело, и надо было бы давать о себе знать почаще.

Поцелуй от меня Наташечку покрепче, везде, где можно и нельзя, только не задуши, смотри! Крепко целую тебя, моя белочка – скучно без вас очень и очень. Плохо жить в одиночестве, когда некого приласкать и не у кого приласкаться.

Привет, самый теплый, Федосии Макаровне и Алексею Яковлевичу.

Ваш папа и <подпись на старомонгольском языке>

или попросту Андрюшка.

Все о вас спрашивают и шлют приветы. Больше, конечно, женщины.

IV 58 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 28 февраля 1935.

28/II/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Давно не писала Вам, и от Вас что-то ничего не слышно. Здоровы ли? Мы живем по-старому. Чихали и кашляли немного в связи с февральской погодой, сейчас все прошло. На меня такая промозглая сырая погода наводит уныние. Отвыкла я, все-таки, от туманов и серого неба.

Получила вчера от Андрея телеграмму о том, что он выезжает на полевую работу на 2 месяца. Он и так не баловал нас письмами. Со времени отъезда из Уланбатора я получила ровно три письма от него. По приезде, конечно, так чистосердечно удивится моему беспокойству, так просто скажет, что с ним

нигде, никогда и ничего не может случиться, что остается вспомнить истину – блаженны чистые сердцем и т.д.

Между прочим, пусть московские доброжелатели не смущаются экспедицией и пишут ему – все письма и телеграммы быстро и аккуратно доставляются с нарочными и оказиями. Может быть он будет работать близ какого-либо центра, в таком случае о сообщении беспокоиться нечего. <...>.

Пришла ли доверенность Леше от Андрея на получение денег, и получил ли Леша их? Я присоединяюсь к сетованиям Леша на то, что братец у него не от мира сего. Это верно. Мир, а в особенности деловой круг там далеко не так официален, как в Москве – в своем кругу все дела решаются более или менее по-свойски. Андрей привык к этому, но, даст Бог, он и московские деловые условия все-таки одолеет как-нибудь. <...>.

Чувствуем себя с Наташкой немножко ничьими, т.к. отовсюду нам стали очень мало писать. Андрей стал отделяться изредка телеграммами. Я понимаю, что ему некогда, но нельзя же злоупотреблять моим долготерпением. Вообще, «сам» у нас испортился!

Пишите нам, пожалуйста. Почему Вы стали нас забывать? Поцелуйте бабу Олю и внучку Олечку. Целуем Вас обе. Привет Але и Леше.

Ваша М.Симукова.

IV 59 А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 21 февраля 1935.

21/II/35 г.

<Уланбатор>

<в Москву>

Уважаемый и дорогой братец!

Наша с тобой переписка последнего времени приняла совершенно угрожающий характер: сплошные телеграммы, начинающиеся словами «срочно», «спешно», «немедленно» и т.д. Жду твоего давно обещанного письма, но, вследствие моего отъезда через несколько дней в район («худон» по местному), вынужден писать тебе раньше получения оно.

Поездки этой я добивался давно, и она должна стать заключительным звеном моей полевой работы в Монголии. Предполагаю месяца за два сделать 2000 км, причем половину – на верблюдах. Объезжаю, быть может в последний раз, наиболее знакомые и любимые места и всех своих старых приятелей, благо работа сейчас такова, что не требует освоения новых пространств. Наоборот, мои теперешние задачи нуждаются в прочной связи с населением, так как сейчас я занят изучением кочевого быта, преимущественно с социально-экономической стороны. Просторов (ибо из Уланбатора далее 20 км не видно) я не видел уже полтора года – срок тяжелый при стародавней привычке к ним.

Сначала поеду на автомобиле на запад, в Хангай, в горную, хорошо облесенную и густонаселенную страну с красивейшими ландшафтами. Там уже давно ждут меня мои друзья – к сожалению, я опоздал к Монгольскому Новому году (4 февраля) – к которым заявлюсь, как к самым близким знакомым. Разговоров будет на несколько ночей. Там меня знают буквально в каждой юрте. Оттуда поворот на юг, перевал через Хангайский хребет и спуск в гобийские пустынные низины, где уже сильно будет греть солнце. Желтые барханы около озера Орог нур, огромная скалистая стена оголенного хребта Ихэ богда, поднимающаяся на два с половиной километра над озером, и среди барханов – юрты гобийцев с привязанными около них верблюжатами и возвращающимся с пастбища стадом верблюдов в розовой дымке пыли под заходящим солнцем. Опять приятели. Оттуда переход через безлюдную пустыню в полтораста км шириной (без проводника, ибо мне он уже не нужен), в конце которой – проверка слухов о кладбище динозавров, якобы там существующем. Место это находится среди огромных (до ста метров) песчаных барханов, ярко-красных обрывов и останцов третичного песчаника и порослей чахлого саксаула, в глубокой котловине. После динозавров – дичайшие скалистые хребты южной окраины республики, вид с их вершин на бескрайние просторы Южной гоби, охота на барса, горных козлов и баранов и работа среди старых знакомых – свидетелей моих первых, уже почти легендарных походов по пустыне. Обязательное паломничество к месту нашего двухмесячного лагеря в 1925 г. в горах Ноян богда³³⁵) (как жаль Котьку Даниленко³³⁶)- он один был в состоянии понять меня в этом отношении полностью).

Короткая задержка в «моем» городе – Далан цзадагае. Тут я сыграл роль Петра первого: «здесь будет город заложен, назло надменному соседу...», указав, по заданию правительства МНР, новое место для города, который и ... прикочевал сюда за 200 км. «Город» этот состоит почти сплошь из юрт, но в нем есть теперь телеграф (провели нынче – я был очень горд), радиостанция, банк, больница, почта, начальство, магазины (в юртах же), сплетни, новости, автомобильная дорога до Уланбатора – словом всамделишный город. Оттуда в Уланбатор.

Так как у тебя есть теперь атлас³³⁷), то не ленись проследить мой путь: Уланбатор, затем на запад – Цэцэрлиг, р. Хойту Тамир, поворот на юг, перевал через Хангай, вниз по Туийн голу, Орог нур, перевал через Ихэ богда, на юго-восток через большую пустыню к горам Нэмэгэту (восточнее их и находится кладбище динозавров), отсюда на юго-восток в горы Ноян богда, затем на северо-восток через Цзёлэн и Гурбан сайхан к Далан цзадагаю и обратно в Уланбатор.

После этой поездки мне хотелось бы недели две отдохнуть, съездив на

север от Уланбатора, км за 200–250, на р. Иро за медведями. К сожалению я не мог попасть туда осенью, а творилось в это время там что-то особенное. Вследствие неурожая кедрового ореха в тайге, а может быть и по другим причинам медведи вышли из глубин горной тайги на окраины и навели панику на население, встречаясь на каждом шагу. В небольшом районе (верховья Иро и к северу до границы СССР) за осень и начало зимы было убито 62 медведя – цифра легендарная. Пару охотников медведи съели дочиста. Было, где разгуляться! Надеюсь, что на мою долю ещё осталось. А затем нужно ещё и распрощаться с тайгой, давшей мне много незабываемых впечатлений. Затем упорная работа в Уланбаторе и возвращение блудного сына, мужа и отца к давно покинутым пенатам. *Dixi*³³⁸).

Теперь о всяких делах. Миля уже переслала тебе одно из моих немногочисленных писем со всякого рода соображениями. Не знаю, что написал мне ты, но пока повторяю все мои просьбы. Самое главное – жилплощадь. Не смущаясь астрономическими цифрами сообщи мне все возможные и невозможные варианты покупки жилплощади, за исключением способа получения её путем вооруженного нападения на мирных обывателей. Можно ли достать эту площадь <...> в Торгсине и какова цена или цены? Можно ли купить жилплощадь в Моссовете на совзнаки (мне говорили, что в Ленинграде это делалось, причем квартира стоила 12–15 тыс.). Каковы возможности в этом отношении под Москвой? <...> Можно ли просто купить квартиру в Москве у отъезжающего собственника? Можно ли купить пай в жилкооперативе? И так далее и т.п. Повторяю, мне нужно знать все диапазоны, не смущаясь цифрами – относительно одной комнаты, двух и маленькой квартирki. Это самая большая моя просьба.

Посылаю одновременно две доверенности: на получение аванса³³⁹) и вообще на ведение всех моих дел. Хотел послать консульской почтой, но консул отговорил – тебе будет возня с получением письма. Передай Рыжику³⁴⁰), что в ближайшие дни вышлю диппочтой все исправления к моей географии³⁴¹). Нужно написать еще одну главу, о которой я просто забыл – история исследования страны. Её я вышлю по возвращении, вместе с чертежами и фотографиями.

На днях вышло тебе ещё пару атласов³⁴²) с просьбой передать Атласу Мира (второй экземпляр) и 2-ой картографической фабрике Госкартогтреста. Твои телеграммы о высылке второго экземпляра географии меня бешено заинтриговали. Моя последняя довольно резкая телеграмма с запросом о целях высылки вызвана двумя причинами: я счел возможным появление у вас с Ковалевым³⁴³) большой мысли о переводе книги в Москве на монгольский язык (в издательстве «Иностраннй рабочий»), тогда, как право издания на этом языке принадлежит безраздельно Учкому. Второе: посылать книгу я

считаю возможным только диппочтой, а для этого я должен обратиться в полпредство с точным объяснением цели высылки. Так что не сердись. Завтра жду телеграммы от тебя с объяснением, если ты вообще её послал. Отчасти вследствие этих твоих телеграмм я посылаю тебе вторую доверенность «о ведении всех дел и о защите авторских прав» Хорошо и необходимо в случае перевода на другой язык и нового издания книги известить об этом Рыжика, чтобы не было недоразумений. Материальную сторону дела ты, разумеется, не забудешь.

Знаком ли ты по писательской линии с Борисом Лапиным³⁴⁴), З.Хацревиным³⁴⁵) и Львом Славиним³⁴⁶) (последний наиболее известен)? Если успею, то попытаюсь выслать тебе теперь же, или с дороги, или по возвращении очерк, или отрывок, или главу «неоконченного романа» в виде опыта для помещения в соответствующий журнальчик. Если будет возможность, то свяжись с кем-нибудь из этих ребят (сначала по телефону) и напомни им о данном мне обещании помочь моим первым шагам.

Здесь, кроме «Хозяйства Монголии» и его продолжения – «Современной Монголии» я печатался еще в монгольском литературно-художественном журнале «Путь национальной культуры» (ундусин сойалин цзам) – единственном пока в этом роде – где начал «пропаганду действием» нового для Монголии жанра научно-туристической приключенческой литературы, написав очерк «По Хэнтэйской тайге». Сейчас пишу «В стране диких верблюдов».

Из научных работ заканчиваю «Географический обзор гобийской окраины МНР» объемом в 10 печ. листов. Кроме того закончил переделку своей большой «Географии» в маленькую (11 печ. листов) для учебника³⁴⁷). Договорился с Министерством просвещения об издании на монгольском языке серии очерков о Монголии в разрезе «занимательного родниоведения». Эти же очерки в переработанном виде хотел бы видеть напечатанными в Москве. Хочу стать вторым Арсеньевым³⁴⁸) («Дерсу Узала»). Каков сейчас спрос на подобную литературу, особенно касающуюся Центральной и Восточной Азии? Я знаю только одну очень приличную книжечку о Монголии, которую советую прочесть и тебе. Это «В Монголии» А. Формозова, Госиздат, 1928 г.

Из полученного тобой аванса³⁴⁹) за «Географию» необходимо в первую очередь возместить все мамины расходы на Милю и Наташу. Никаких возражений по этому поводу. А остальное пусть решают мама и Миля. Я просто не могу передать, как тронуло меня ваше, а особенно мамино отношение к «одиноким женщинам», муж и отец которых болтаются в центре Азиатского материка.

Как и чем живешь ты и твоя семья, включая чудо-богатыря Ольгу

Алексеевну? Над чем сейчас работаешь, шла ли твоя пьеса? Единственное твое, что я видел, это очерк о Балтфлоте в «Прожекторе». Каково твое материальное положение, где ты обитаешь, каковы планы на будущее, в каком направлении ты думаешь идти по литературе? Я хочу постараться уехать отсюда членом Монгольского Союза писателей.

Почему ты до сих пор не прислал своей семейной группы? Ведь я до сих пор не могу себе реально представить Любу, не говоря о твоей дочке. Обоим мой сердечнейший привет.

Крепко поцелуй от меня маму и тетю Олю. Завтра буду писать письмо маме. Все вы так много сделали для меня, что я просто не знаю, чем и как сумею восстановить «равновесие» в этом отношении.

Еще раз привет и братский поцелуй. Пиши. Жду.

Твой брат Дамдинсурун (это по-монгольски <имя на старомонгольском>)
или Андрей.

IV 60 Доверенность. 18 февраля 1935.

ДОВЕРЕННОСТЬ.

Я, нижеподписавшийся, проживающий в настоящее время в гор. Уланбаторе, Монголия, гражданин СССР СИМУКОВ, Андрей Дмитриевич, сотрудник Научно-исследовательского Комитета Монгольской Народной Республики, настоящим доверяю своему брату, Алексею Дмитриевичу СИМУКОВУ, гражданину СССР, проживающему в гор. Москва, ул. имени Крестовкина, Хрушевский пер. д. 3 кв. 1, получить аванс, причитающийся мне с научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при Коммунистическом университете трудящихся востока за переданное мною названной организации право издания работы "Географический очерк Монгольской Народной Республики", в размере, предусмотренном заключенным мною с представителем названной организации т. Рижиком условием.

Мой адрес: г. Уланбатор, Монголия, Научно-исследовательский Комитет МНР, А.Д. Симукову.

18 февраля 1935 года
г. Уланбатор, Монголия.

СОТРУДНИК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
КОМИТЕТА МНР

А. Симуков

| А. Симуков |

Настоящая доверенность нотариально удостоверена в Консульском отделе Генерального Представительства СССР в Монгольской Народной Республике.

Подпись на настоящем документе произведена собственноручно гр-ном СИМУКОВЫМ Андреем Дмитриевичем, представителем в удостоверение своей личности Загранпаспорт № 112153/21308 выданный в Москве 27 января 1935 года.

Зав. консульским отделом
Представительства СССР в МНР *Лаванки*

№...3

18 февраля 1935 года

г. Улан-Батор-хото

ДОВЕРЕННОСТЬ

Я, нижеподписавшийся, проживающий в настоящее время в гор. Уланбаторе, Монголия, гражданин СССР СИМУКОВ, Андрей Дмитриевич, настоящим доверяю своему брату, Алексею Дмитриевичу СИМУКОВУ, гражданину СССР, проживающему в гор. Москве, улица имени Крапоткина, Хрущевский пер. д. 3 кв. 1, получить аванс, причитающийся мне с Научно-Исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при Коммунистическом Университете трудящихся востока за переданное мною названной организации право издания работы «Географический очерк Монгольской Народной Республики» в размере, предусмотренном заключенным мною с представителем названной организации т. Рыжиком условием.

Мой адрес: г. Уланбатор, Монголия, Научно-Исследовательский Комитет МНР, А.Д.Симукову.

18 февраля 1935 года
г. Уланбатор, Монголия.

СОТРУДНИК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА МНР

<Подпись>

/А.Симуков/

Настоящая доверенность нотариально удостоверена в Консульском отделе Полномочного Представительства СССР в Монгольской Народной Республике.

Подписи на настоящем документе произведены собственноручно гр-ном СИМУКОВЫМ Андреем Дмитриевичем, представившим в удостоверение своей личности Загранпаспорт № 112153/21503, выданный в Москве 27.И. 26 года.

Зав. Консульским Отделом
Полпредства СССР в МНР

<Подпись> /Левани/

№ 3
25 февраля 1935 года
г. Улан-Батор-хото

<Печать>: «Полномочное Представительство СССР в
Монголии. Консульский Отдел»

<Консульская марка стоимостью 10 руб>

IV 61 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 22 февраля 1935.

22 февраля 1935 г.

Уланбатор

<в Сураж>

Милые мои синеглазые белочки!

После массы обещаний и благих намерений сел наконец за большое письмо к вам. Главной причиной откладывания была долгая и нудная неопределенность с поездкой в худон, куда я просился всю зиму. Наконец (капля долбит камень) добился своего – на днях еду месяца на два. Приказ о поездке подписан и выданы деньги. Ты знаешь, Миля, как нужна мне была эта поездка для полного закругления работы. И вот, это закругление, последнее на данном этапе работы в Монголии, будет сделано (хотя... не кажи гоп, я ещё не в пути). Держали меня всякие причины, известно же, как тяжел наш Учком на подъем. Зимовки пропущены, поеду хоть на весновки. Маршрут следующий: Цэцэрлиг – Ихэ Тамир (скопище приятелей, так сказать) – Ламаин гэгэн – Орог нур – Далан цзадагай (а может быть, поеду в Южную гоби и через Уйцзэн ван) – разьезды по югу (до Ноян богда включительно) – Уланбатор. На авто еду лишь до Цэцэрлига и от Далан цзадагай до Уланбатора. Повидаю всех без исключения старых знакомых. Тема работы та же, что в 1933 году – кочевки хотоны и т.д. Загляну в Чудиновскую яму³⁵⁰, благо спутником мне будет, по-видимому, Дондокодонт³⁵¹). Этот маршрут уже говорит сам за себя, и делать лирические отступления о красоте всех мест по дороге в письме тебе совершенно излишне. После поездки как следует поработаю, больше никуда ездить не буду и покачу в Москву.

Твои последние письма из Суража весьма и весьма меня радуют. Они настолько хороши, что иногда закрадывается сомнение – все ли так уж хорошо и не замалчиваешь ли ты чего-нибудь хотя бы просто потому, что пишешь через Алю. Аля всегда добавляет от себя записочку в несколько слов, и мне это тоже приятно. Никак не могу представить себе Наташу большой, бегающей и лепечущей – все какое-то нереальное представление получается. Спасибо за посылку – её нежные и сладкие волосики, которые как будто ещё сохранили теплоту её тельца. <...>. Дорого бы дал сейчас (пишу вечером), чтобы посмотреть на наш с тобой ежевечерний спектакль: «они укладываются». <...>.

Перед отъездом снимусь в двух видах – городском и худонском – пусть выбирает, какой ей лучше понравится.

Зная, как ты любишь благоустроенность и порядок, я был очень рад прочесть, что ты этого добилась, думаю, не без малых трудов. Не скучай, детка, ибо тебе не может не быть скучно, хотя бы из-за отсутствия людей вокруг тебя, людей, конечно, подходящих. Как видно из писем, ты совсем

одна, не считая, конечно, Наташкиных проказ. Теперь, когда положение мое стало ясным – буду писать чаще. В частности раза два напишу из Цэцэрлика, да и отсюда перед самым отъездом напишу ещё раз.

Между прочим, в Далан цзадагай провели телеграф! (Через Арбай хэрэ, т.е. Уйцэн ван). Теперь «мой» город стал совсем всамделишным. Обязательно пошлю тебе телеграмму от подножия Цзун Сайхана! Так постепенно уходит романтика «пустыни Гоби или Шамо».

В отношении будущего больше всего думаю по-прежнему о своем угле. Написал большое письмо Леше по поводу всех дел и с кучей лирики. Послал ему почтой (телеграфом неудобно) две доверенности: на получение аванса и на ведение вообще всех моих дел, заверенные в консульстве. В тех краях по-прежнему бываю часто. Отношения прекрасные. Приехал новый полпред³⁵²⁾ - его я еще не видел. «Старика» Чуцкаева³⁵³⁾ выбрали во ВЦИК и председателем Бюджетной комиссии. Вернулся из отпуска Блохин. Приехали снова ... В.Н.Тиханов и венеролог Орлов (это уж совсем древние времена). Вот, пожалуй и все новости среди русских знакомых. Уехал Н.П.Шастин³⁵⁴⁾ - отправили его очень хорошо, позаботились обо всем. Нина Павловна³⁵⁵⁾ все еще здесь. Отношения у нас спокойные и хорошие. У Тубьянских³⁵⁶⁾ бываю только по делу, иногда захожу к Носовым³⁵⁷⁾.

Очень большая нагрузка мне была во время Цаган сары³⁵⁸⁾ (первый день был 4-го февраля). Знакомых монгол развелось много, это была последняя моя Цаган сара, и я обошел около 30 домов, ходил недели две. Нигде не задерживался и вида не терял. В первый день, по традиции, начал с начальства – Цэцэн хан³⁵⁹⁾, Дэндуб³⁶⁰⁾, Амоголан – все честь честью. Цэцэн хан впоследствии отдал мне визит. Заходил и к Бадмажаб Цед.³⁶¹⁾ чем она была очень тронута. У Дандара праздник скучный, так как сам он сидит за растрату – торговал вином. У меня все время стоял цагансарский стол, но «ответ держал» я только один день, когда собралась ко мне молодежь. Пользуясь правом хозяина, я был в таком состоянии, что ночью еще часа 4–5 работал.

Несколько раз фокстротил, главным образом у Дашиномы (фотографа), куда ходил с Грушей³⁶²⁾. У нее я бываю, и отношения у нас – «соломенных»³⁶³⁾ (Гомбочжаб³⁶⁴⁾ в Ленинграде) – хорошие. Без него она лучше, чем при нем. Держит себя она хорошо, с достоинством.

К Содбо³⁶⁵⁾ попал без него (он женился и тщательно скрывал это обстоятельство). Обошел всех своих китайцев. Миша-часовщик весьма следит за моей нравственностью и постоянно спрашивает о тебе и Наташе.

Вероятно, меня очень ждали на Цаган сару в худоне, но туда я опоздал, а было бы очень интересно. В городе Цаган сара шла по старинке – публика ходила с визитами прямо толпами в течение всех двух недель, а особенно

первые дни – в ярких дэлях и с узелками. Вошло в моду дарить с платком флакон духов или цветочного одеколona. Цаган сара, трубы – и вдруг ТЭЖЭ³⁶⁶! Пропасть бобровых шапок (доходят до 700 тугриков). Кто может, покупает в Москве, в Торгсине бобровый воротник за 30 руб. и везет сюда на шапку. Дамы считаются, у кого шапка выше и кто где «по благу» достал шелка (конечно, монгольские дамы).

Перед Цаган сарой, очевидно из сочувствия Наташе, поболел с неделю и я, прохотив почти все время на ногах (сидел больше дома). Плохо было дня три. Когда грипп мне надоел, я пошел с температурой 38° на вечеринку, как следует выпил, как следует же оттанцевал – и назавтра был абсолютно здоров. Грипп более не возвращался.

Кажется я тебе не писал о том, что смотрел здесь «Чапаева»³⁶⁷, который мне очень понравился. Смотрел я его два раза.

Восточные события, о которых ты, вероятно, читала в газетах (надеюсь, что ты их читаешь!), т.е. драка у Буир нура (Халхаин сумэ)³⁶⁸, к удивлению, не вызвали среди здешней обывательщины той паники, которую следовало бы ожидать. Весной 1932 года (помнишь, когда меня не пустили в СССР) было меньше данных, но гораздо больше паники³⁶⁹. Обо мне и говорить не приходится. Я счастлив, что вы обе далеко, и ни у тебя, ни у меня голова по этому поводу не болит. Сейчас всё успокоилось. Жизнь же вообще шла нормально все время.

Сейчас в УБ <Улан-Баторе> Гаврила Карчанов³⁷⁰. Ему «предложили»³⁷¹, но затем, отчасти по моей просьбе, отсрочили до лета. Что он будет делать в СССР после своей тайги? Ребята его все, кроме маленьких и Надьки, здесь на работе, Старшие тянут в Союз.

Кузнецовы³⁷² все еще на Иро. Там нынче осенью был необыкновенный «медвежий урожай». В районе главного стана, т.е. собственно Иро, убили 36 штук, а с приграничной полосой (Бельчир и т.д.) – 62 штуки. Что-то особенное! Прихаживает³⁷³ к войне! Не было ореха, и медведи спустились вниз, к людям. Очень жаль, что я не попал туда осенью. Много было незалегших «шатунов» в начале зимы. Они съели начисто двух русских охотников-белковщиков. Конечно, куча «медвежьих» историй.

Заезжает ко мне во время своих рейсов Алексей³⁷⁴. Он работает сейчас в Нефтесиндикате³⁷⁵. Стал гораздо солиднее, самостоятельнее и совершенно не пьет, что просто уму непостижимо, хотя и полноценный факт.

«Предложили» и Феде Большакову³⁷⁶. Вообще «стариков» остается совсем мало.

Наш дарга³⁷⁷ Дэндуб³⁷⁸, видимо, не заинтересован в моем отъезде и при удобном случае всегда старается повздыхать, что без меня будет не то, что мне довольно, при моем опыте, недели там, где другой, новый, провозится

месяца три, потом еще язык и вообще – зачем покидать Монголию? Я же каждый разговор и каждую фразу начинаю с «так как я уезжаю», «ведь все равно я уеду», «одной ногой я уже в Москве», причем смотрим мы в это время друг другу в глаза дипломатично и нежно. Стороной я слышал, что в монгольских кругах акции мои стоят хорошо. А уехать я все-таки уеду и именно тогда, когда сочту это нужным сам! Про запас имею кучу средств сделать это.

Акции *papa* (папы)³⁷⁹⁾, кажется, несколько пошатнулись.

С работой дела у меня обстоят средне. Очень мешала неопределенность с поездкой, мешавшая засесть (вот-вот, вот-вот решится вопрос). Однако за это время расквитался с Минпросом³⁸⁰⁾ и почти кончил новую большую работу, о которой тебе уже писал (География Гоби). Много времени уходит на разную беготню (не по личным делам, разумеется). Но план свой, если не помешает какой-нибудь казус неучитываемого заранее порядка, выполню полностью. Нынче опять предположены экспедиции (Рачковский³⁸¹⁾, Лус³⁸²⁾ и т.д.)³⁸³⁾.

Между прочим, как будто снова разрешили вывоз машинок, фото и проч. Увеличитель я загнал Учкому – отвязался от проклятого наследства Додьки³⁸⁴⁾. Гомбочжаб-шилътэ³⁸⁵⁾ начал печатать мой заказ – хочу увезти отсюда не менее 2000 отпечатков. Из готовых кое-что привел в порядок.

Ну, расписался здорово, и все про себя. Зато будешь знать мое одинокое житье-бытье.

А когда же, детка, мы будем втроем, и я смогу положить свою голову на твои колени <...>? Как и ты, думается, я уже успел очень и очень изголодаться по твоему голосу, твоей милой, глядящей руке, просто по твоему присутствию. Да и ты не только ведь в письмах говоришь о том, что ждешь меня, именно для себя ждешь, ведь еще любишь хоть немного рыжего чёрта, а? Холодно, солнышко мое, очень холодно, одна ведь ты у меня. Больше никто не согреет и не погрееется... Ну, замнем, а то совсем раскисну.

Целую тебя нежно, зайчик мой, поцелуй от меня уж совсем нежно нашу дочушку.

Ваш папа.

IV 62 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 16 марта 1935.

16/III/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

<...> Долго не получала писем ниоткуда. Начала было выдумывать страхи – все ли, мол, здоровы и живы на Хрущах и в Монголии. Сейчас все в порядке, получила Ваше письмо, и сегодня было от Андрея письмо и телеграмма

(последняя уже из экспедиции).

По Вашему письму видно, что Вы переутомлены чрезвычайно. Бедная моя трудолюбивая свекровь, не падайте духом, не унывайте так. Всегда находится выход из самых, казалось бы, невозможных положений, только не давайте воли таким грустным мыслям о склерозе и всяких подобных ему неприятностях. Совсем он не прогрессирует! Я еще раз от чистейшего сердца говорю, что по приезде нашла Вас в тысячу раз лучшей, чем ожидала. Хорошо бы Вам взять отпуск (если только это возможно) без сохранения содержания и просто произрастать недельки, хотя бы, две. Неужели вы думаете, что Андрей отнесся бы спокойно к тому, что его мать так себя чувствует? Ведь помогаете Вы нам с Наташей, почему же не хотите более широко пользоваться его помощью? Оставьте свои добровольные нагрузки уроками и преспокойно возмещайте их тем, что посылает Андрей. Меня просто удручает, что Вы не хотите приберечь свое здоровье для Андрея же. Незаметно подрастут Ваши внуки, и их кто-то будет обучать премудростям немецкого языка. <...> Над облегчением своей работы, долго не думайте. Дети Вам помогать, я считаю, должны. В настоящее время эта возможность у Андрея имеется, думаю, что и дальше так же будет.

А Андрей верен себе – письмо, конечно, «большое и хорошее» и пришло оно как раз тогда, когда я просто места себе не находила. Третий месяц без письма! На него даже и сердиться невозможно. Говорит, что послал Леше 2 доверенности, одну на получение денег и вторую на ведение всех дел, обе заверены в консульстве. Может быть, они лежат там в каких-либо инстанциях? Например, в Наркоминделе? <...> Если, паче чаяния, получите андреевы деньги, возьмите себе то, что я взяла у Вас и мне вышлите немного – хочу кой-что подшить и переделать. Надоело ходить в старом мамином полушубке. Мужики на базаре кличут – цётка³⁸⁶.

Наташе хочу сделать прививки дифтерита и скарлатины. Последней пока не слышно, а дифтерит по деревням иногда объявляется. Бегаю уже третий день и всякому барану кланяюсь – так это трудно здесь организовать. <...> Вот Пошехонье-то! За Андреевым письмом иди на почту, а там еще подумают – отдавать ли? Затем вскроют и отдадут!

У Наташи режется коренной зуб, и она всю неделю скучает. <...> Мастодонтик вырос, и все платья стали хороши, а обувь мала. Выглядит так, что даже мое ненасытное сердце довольно. <...> Правда, мяса она не видала почти всю зиму – трудно достать. А фрукты в Торгсине водились очень недолго, всего два раза.

Мама поправляется, и я спокойно могу бегать по делам. Летом приезжайте сюда на время отпуска. Хорошее в Сураже тоже есть – наш поселок, сосны,

речка, окрестности.

Целуем Вас обе. Не грустите, не хворайте. Привет всем.

Ваша М.Симукова.

IV 63 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 апреля 1935.

3/IV/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

<...>. Как Ваше здоровье, нервы? Комнату поблизости я, кажется, найду.
<...>. Напишите, когда, примерно, вы приедете? <...>. Сейчас мы с Наташкой уже на даче. Как хорошо у нас на поселке! Не зря я мучилась всю зиму. Обязательно приезжайте и Але передайте то же самое. Мы, конечно, будем очень и очень рады увидеть бабушку и цётку. <...>. Живу сейчас хорошо. С приездом мамы отец образумился. Живет дома, носит воду, колет дрова. Только бывает это редко, т.к. он все время в разъездах. Работает агентом по снабжению фабрики. Иногда носит воду баба, иногда я. Вот только вода далеко. <...>.

Большая просьба к Вам – переадресуйте мне, пожалуйста, перевод рублей на 15 (торгсиновских). У меня кончаются. Телеграфировала Андрею еще до экспедиции, да что-то никакого ответа не было и нет. Не хотела Вас беспокоить этим, да приходится. <...>.

Как Лешины дела? Как растет и чувствует себя Оля? <...>. Мне хотелось одно время съездить в Москву, теперь раздумала. Нет монеты, да и Наташу не смогу оставить. Не могу, да и все. Я в Сураже утвердилась прочно и буду здесь жить до глубокой осени.

Наташе сейчас очень хорошо здесь. Бегает все время на воздухе, лепечет помаленьку, загорает, дружит с соседкиной козой, дает сдачи, если кто лезет драться. Я её этому очень старательно учу. Алека дети обижали, т.к. он был уж очень деликатен. Наташу, кажется, не обидят.

Получила от Андрея прекрасную книгу «Искусство Палеха». Очень тронута вниманием. <...>.

Передайте привет Ольге Яковлевне. Как её здоровье? Але скоро напишу. Всего хорошего. Целуем Вас обе, Наташа и я. Привет всем.

Ваша М.Симукова.

IV 64 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 29 мая 1935.

29/V/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

<...>. Добралась я до Суража благополучно, если не считать того, что подъезжая к сосоннику увидела на пригорке Наташу и чуть не вылетела из вагона. Встреча была потрясающая! Наташа первый раз в жизни бежала по настоящему

(ко мне!). Она очень обрадовалась игрушкам, все ей понравилось, и все в большом ходу. <...>. Раздолье и приволье ей здесь замечательные. <...>. Мы с ней много поем и пляшем. Я хочу, чтобы она была веселая, чтобы у ней был «легкий» характер. <...>.

Сады у нас сейчас в полном цвету, все бело от цветов. Очень хорошо сейчас в Сураже. Напишите, поговорив сначала с Алей, можно ли договариваться насчет комнаты. <...>. Жилье в Сураже подыскать летом будет очень трудно – народу прибывает, т.к. заканчивается постройка новой электростанции, и наехало много монтажников. <...>. Как сейчас Ваше здоровье и работа? <...>.

Получали ли Вы хоть что-нибудь от Андрея? Ну, уж и будет ему, если он жив вообще! Завтра я посылаю в Учком телеграмму, т.к. не получала из Гоби ни шиша вот уже два с лишним месяца, знаю обстановку, и вполне законно и обосновано мое беспокойство. Он прекрасно знает, что я буду беспокоиться, т.к. бывала там не раз. <...>. Когда-нибудь мы, без обид, поговорим обо всем втроем: Вы, я и он. <...>. Целуем Вас обе. Привет Ольге Яковлевне, Але и Леше.

Ваша М.Симукова.

IV 65 М.А.Симукова – Ал.Д.Симукову. 8 июня 1935.

8/VI/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Милый Леша,

что это из Москвы ни от кого нет вестей? Все ли в порядке? Как здоровье, жизнь и прочее всех родственников? Напиши.

От Андрея тоже ни бум-бум! В середине мая должна бы быть телеграмма (по условию) из пустыни³⁸⁷, а в конце мая он должен бы быть в УБ <Улан-Баторе> и, конечно, телеграфировать. Но у твоего великого брата сроки никогда не совпадают с намерениями, и, хоть пора мне привыкнуть к этому, все-таки боюсь ужасно. Все может быть... и т.д. Уж и попадет ему, если все обойдется благополучно! Вчера я послала телеграмму в Учком, если не ответят дня через 4, пошлю в Полпредство. Пропал большой рыжий муж!

Ведь он, идол этакий, однажды до чего дошел – повез меня, овечку бедную (в 27-ом знаменитом году), изъездили мы весь белый свет, прошли

все сроки возвращения, и из УБ <Улан-Батора> собиралась тронуться экспедиция на розыски во главе с Сергеем Александровичем <Кондратьевым>!

Сейчас я в довольно-таки неинтересном положении. Сижу и жду, а чего? Пока не известно. <...>. Если у вас будут какие известия, то напишите мне поскорей.

Как ты живешь сейчас? Отправил ли семействочко на дачу и куда? У нас лето пока неинтересное – ветра и холод. <...>. Как чувствует себя моя уважаемая племянница и её мамаша? <...>.

Ты знаешь, по приезде из Москвы я не получила ниоткуда ни одного даже самого завалышенького письмишка. Сама тоже не пишу. <...>.

Лешенька, если есть монета, пришли мне некоторую сумму. У меня денег давно нет.

Пиши мне, пожалуйста. У меня всегда немного сжимается сердце, когда вспоминаю тебя в твоём подвальчике³⁸⁸ <...>.

Всего хорошего.

Мне все-таки очень грустно и нехорошо. Где этот рыжий чёрт? Если что с ним случилось, то что и где? Если объявится – между нами все порвато!!!

Привет бабушкам и Але, семейство поцелуй.

IV 66 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 16 июня 1935.

16/VI/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

очень рада Вашему письму. Андрей, все-таки, объявился. Телеграммы от него я так и не получила, и волновалась потому, что он перед экспедицией писал мне, что телеграфирует из Гурбан-Сайхана³⁸⁹, примерно, в середине мая. Ну, к середине июня меня и разобрало беспокойство. Он, таки, верен себе! Всегда затянет экспедицию и всегда издегает меня своими безвестными отлучками. <...>.

У нас все, по-прежнему, в порядке. Наташа растёт, бегаёт, лепечет. <...>. Когда же будет Ваш отпуск? Напишите. Я постараюсь найти комнату. <...>. Теперь просьба к Вам. Переадресуйте мне небольшую сумму (6–7 руб.) на Торгсин. У нас ходят упорные слухи о закрытии «лавочки». Может быть, мне придется покупать в запас всякие продукты (крупы). <...>. Попросите также Лешу выслать мне малую толику советских <денег>, а то я давно живу на то, что отец даёт маме. <...>. Приезжайте к нам скорее. Пишет ли Ольга Яковлевна? Как на нее действует отпуск и новые места?

Мне скучно и тоскливо невероятно. И делать-то уж ничего не хочется.

Занимаюсь Наташей, хожу на базар и работаю по дому, вот и вся моя жизнь. А погода сейчас великолепная. Погулять бы, да боюсь одна. Тут много рабочих понаехало – одна никуда не пойдешь.

Словом, мои принципы – как можно меньше мешать Андрею добиваться намеченной цели – боком мне вылазят. Но это, конечно, было и будет так, меня всегда угнетает мысль, что я не могу взять на себя хоть часть забот о материальном благополучии семьи. Нет специальности.

Вы не сердитесь на меня за последнее сердитое письмо. Я очень боялась и боюсь за Андрея. Ведь Наташа и он – это все, что у меня есть хорошего и близкого. Если будет еще что от него – пишите. В Сураж частенько не доходит корреспонденция. Да и он, рыжий, хорош! Последнее письмо было от 26-го марта! Я так сердита на него, что писать не буду совсем. Всегда из Гоби можно послать нарочного с пакетом в УБ <Улан-Батор>. Пишите нам чаще. Целуем Вас обе.

<...>. Наташа уже ждет бабушку из Москвы. Всего доброго.

Ваша М.Симукова.

IV 67 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 2 сентября 1935.

2/IX/35 г.

Уланбатор

<в Сураж>

Милые мои белочки, большая и маленькая!

Прошло уже две недели по возвращении из экспедиции, и только сегодня, в день рождения Наташи, я сел писать вам отчет о своей жизни за целые полгода. Надо было осмотреться в Уланбаторе, а главное – выяснить вопрос с отъездом. Так как именно это интересует, надеюсь, вас больше всего, то расскажу сначала о сроках желанного возвращения. С Учкомом дело обстоит по-старому, т.е. весь вопрос в выполнении давно уже запроектированных работ. Разговор в полпредстве определил почти то же положение. С первой же почтой пошлют запрос о смене. Ко времени окончания работы этот вопрос определится, и задерживать меня не будут. Более того, полпредство само заинтересовано в моей учебе и поможет мне в этом деле. Таким образом я выеду в Москву примерно через 3–4 месяца. Я виноват перед вами, что долго «прогулял» в экспедиции и тем самым отодвинул время отъезда, но так было нужно.

А поездил я всласть! Объехал в последний раз все знакомые места и всех знакомых людей, вплоть до Ноин богдо. Не был, конечно, только на Эцзин голе.

Выехали мы втроем – Дондок³⁹⁰, Фучин³⁹¹ и я – на учкомском автокаре в Цецерлик, где остановились у Акатовых³⁹², а затем проехали дальше, в Ихэ

Тамир, прямо к знакомой юрте. В Хангае, именно в этом сомоне, я болтался, работая по кочевкам, целый месяц. И Дондок, и я чуть не получили растяжение желудка, так как съедали до пяти увесистых обедов в день. Хорошо, что не было кумыса и архи – ранняя весна. В Цецерлике я купил трех верблюдов (950 тгр!), и на них, сидя сверх багажа, мы перевалили в Туин гол и быстро пошли вниз, к Орок нору, делая в среднем по 30 км в день. На Орок норе стояли пять дней около юрты Дэмчика. С ним, к сожалению, я так и не виделся, так как он уехал в гости к сестре (помнишь, ты снимала нас всех в Шинэ усу, перед Хухэн даба?) Взяв в подмогу еще одного верблюда, мы двинулись дальше и перевалили Ихэ богдо в его восточной части, восточнее Убты. Видел я много аргали (мазал!) и полазил по скалам. Затем мы вышли на Легин гол и почти по старым нашим с тобой следам дошли до Цзун толи (под Нэмэгэту). Проводниками я не пользовался вовсе, а шел по старой памяти, кое-где спрашивая о дороге. От Цзун толи мы свернули на восток, к Баян тухуму, и шли по моим автом<обильным> следам 1931 года, осмотрев по дороге Чудиновскую яму³⁹³). Оказывается, именно в ней мы дошли без воды в 31 году³⁹⁴! А вода была, правда в стороне от дороги. Похожие на Баян цзак обрывы песчаника, и в нижних слоях пропасть костей, почти что сверху. Целых, правда, нет, и живьем динозавры не бегают. По-видимому, третичная фауна. Я таки нашел целый череп, но взять его пришлось по кусочкам. Варварство!

Дальше мы прошли через Хонгорин гол, Хабтаргу, Б<аян> тухум и Б<аян> далай в Далан цзадагай. В песках Хонгор Элис дошли от жары, а на Хабтарге попали в снежную пургу. Уже в Баян тухуме все спрашивали про тебя, особенно бабы. Санги-до в Б<аян> далае. Там же я видел Ханду – бухгалтер первички³⁹⁵! Народу совсем мало – 5–6 юрт. Видел Будун Галсана, Нарин Галсана и кучу старых знакомых. Под Охин хутулем мы, как снег на голову, нагрянули к Бацзару³⁹⁶). Он был искренне рад, зарезал барана, ухаживал, как мог. Живет по-прежнему неважно. Я ему много помог деньгами и вещами – увез, как ты говорила, многое из своего.

В аймаке³⁹⁷) я просидел дней 10 в ожидании денег. Бывал у Табхая – он теперь работает там. Русских совсем мало – сейчас осталось три человека. «Мой город» растет. Много домов, радио, часты почтовые машины. Жизнь идет!

Дондок уехал в У<лан> Б<атор>. Я продал честно отшагавших 900 км верблюдов и вернулся в Баян далай, где купил новых. Окончив здесь работу мы вдвоем с Фучином отправились в Ноин богдо. Первая же юрта в знакомых местах была юртой Чжамцо (вез нас в УБ в 27 г.), вторая – Чурума (отец Санчжичжаба). Дугар³⁹⁸) уже замужем, старики все те же, Санжача³⁹⁹) женился. Стояли они в Хабчиле, на ю. склоне Тушемыла. Все на старых местах! Был я

на Ихэ Дэбсэжэ, где до сих пор видны следы нашего стойбища 1925 г.! Проезжал Ара шанду. Очень и очень хорошо приняли меня Дагва доржи с женой (были в 27 г. на Ара шанде). За эти 8 лет народ здорово изменился, стал гораздо развитее, с более широким кругозором. Приятно видеть такую перемену.

Дальше мы, все время вдвоем, прошли в Тосту и через Чонай бом по старым следам вышли в Цаган богдо. На этот раз там были юрты. Я нанял проводника, пару теменов⁴⁰⁰) и за 10 дней объехал все эти горы, уйдя на запад км на 100 дальше, чем в 27 г. В атласе⁴⁰¹) ты найдешь г. Ата богдо – это крайний западный пункт моих странствий. С этой горы я хорошо видел вечные снега Тянь шаня, Ачжи богдо, большой кусок Монгольского Алтая и Бэй шань, словом, радиусом на 200 км. На обратном пути лазил на Цаган богдо, откуда видел Мацзуншань. Тех разбойников, которые грабили народ в 27 г., нет и в помине – их вырезали киргизы. Так, лазая в поте лица на горы, я осмотрел всю дикую Западную Гоби. Теперь мне там делать почти нечего. Обрато мы шли быстро – по 40–50 км в день (да и вообще не ленились) и задержались лишь в Ноин богдо у сомона⁴⁰²) (было дело) и у Санчжи (начался кумыс). В аймаке удачно подошла машина, и мы ночевали всего одну ночь. Бацзару на обратном пути я подарил целого верблюда. Он проводил нас до аймака и посадил на машину.

Всего я проездил 5 месяцев и сделал 1000 км на машине и 2500 – на верблюдах. Ходили мы напористо – от 30 до 50 и даже 60 км в день. И Дондоком, и Фучином я очень доволен. Фучин с честью выдержал весь путь без слова жалобы, работая как молодой, и за поездку избавился от своей старой скверной привычки⁴⁰³). Я здорово поправился. В.Н.Носов⁴⁰⁴) сказал, что толстеть мне больше нельзя. Кроме того, по его мнению, за это время я еще возмужал, и исчезли последние юношеские черты. Пора!

Сейчас сел за работу. Живу в квартире Рачковского⁴⁰⁵), так как наш дом собирается развалиться. Ем за троих, беру молоко, полностью здоров и прямо смотрю вперед. Привыкая к будущей (и скорой) Москве, хожу в новом фетре, всегда бритый и в чистом воротничке (падай в обморок!). С долгами расплатился, теперь буду копить и собираться к отъезду. О делах московских напишу Леше. Читал его рассказы в «Огоньке». Понравились. Перевел⁴⁰⁶) сразу за три месяца половину вам в Сураж, половину в Москву. «Мерлок»⁴⁰⁷) у нас будет – сил хватит. Леше я дам на этот счет конкретные указания. Дачи я не боюсь и даже предпочту, ибо в городе хорошо устроиться невозможно. Чтобы скрасить последние месяцы разлуки я буду теперь писать вам, мои белочки, еженедельно. и сообщать о своей работе. Сейчас заканчиваю карту экспедиции⁴⁰⁸), Очерк Западной Гоби⁴⁰⁹) и очерк Кочевков Убур Хангая⁴¹⁰).

Шлю фото «на верблюда». В следующем письме пришло изящную фото-

физиономию в фетре. Очень жду ваши рожицы – пришлите, пожалуйста, поскорее. Пиши, детка, подробнее о вашей жизни, вплоть до меню, и побольше о Наташе. Я же свое обещание относительно писем выполняю полностью.

Очень хочется поскорее начать новую жизнь с вами. Очень плохо одному! Больше писать не буду, чтобы не задерживать письмо.

Крепко целую вас обоих, хочу и жду вашей ласки, мои родные. Здесь смотрю иногда на чужое счастье весьма завидующими глазами.

Привет родным и знакомым.

Ваш папа и «чоловік».

IV 68 М.Я.Симукова – Н.Я.Симуковой. 27 сентября 1935.

27/IX/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

<...>. Получила, наконец, письмо от Андрея. Вы знаете, когда он придет? По его словам не раньше, чем через 3–4 месяца. В переводе на наше исчисление это будет, примерно, к маю месяцу. Уж я то хорошо знаю его сроки! Прислал фотографии экспедиционные: на верблюде и караван. Пишет, что потолстел, отдохнул, опился кумыса. Ходит, говорит, в новом фетре (!) и чистом воротничке. Я его все пугаю московской подтянутостью в костюме, и он старается привыкнуть к «московскому виду».

Совершенно неожиданно получила письмо от Миши Андреевского⁴¹¹). Предлагает возобновить старую переписку. Кажется, Андрей и я в его глазах овеяны ореолом романтики, приключений, знакомства (ближайшего) с мертвыми городами и тысячелетними древностями. Да оно, в сущности, так и есть на самом деле!! Долой скромничанье – Андреева чашечка (из могил Ноин-Улы) ездил, ведь, на экспертизу в Париж, мои экспонаты из Хара-хото красуются, ведь, в Монгольском Музее? Кстати, чашечке оказалось 2000 лет, и это единственный предмет с надписью, указывающей дату. <...>.

Наташа говорит уж совсем почти хорошо и обо всем. Бабу Наташу она вспоминает часто и все указывает: «Вон и крыша красная, где баба жила». Заподозрив, что маме скучно без папы, спешно исполняет «Чижика» и другие песенки и уверяет, что папа скоро-скоро придет. Мне кажется, что она раздумывает иногда над тем, что у других ребят папа есть, а у нее нет. Во всяком случае, увидев Аню с папой, она мне часто говорит: «Вон поезд идет, это мой папочка едет». <...>.

Целуем Вас обе.

М.Симукова.

IV 69 *А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 27 сентября 1935.*

27/IX/35

<Уланбатор>

<в Сураж>

Милые, дорогие мои белочки,
большая и маленькая!

Дня два тому назад получил наконец долгожданные письма от тебя, моя женушка, и от мамы. Почта безобразничает, и письма эти валялись здесь чуть ли не неделю, прежде, чем попали в Учком.

Прежде всего отвод от обвинения в молчании: около 1-го июня, когда я попал в Далан цзадагай, я прежде всего послал радиogramмы тебе и маме о том, что задержусь в худоне на более длинный срок. Ни одна из этих телеграмм вами не получена. Ясно, что получение телеграммы тобой успокоило бы тебя, и ты воздержалась бы от преждевременных похорон своего беспутного мужа.

Ваши письма меня обрадовали и огорчили. Меня все время мучает твое суражское сиденье. Главное, что из-за Наташи радикально этого изменить нельзя. Я не представляю себе, как могла бы ты жить в Москве отдельно от Хрущев⁴¹²⁾ без меня. Я же не могу оторваться отсюда, не закончив хотя бы самого необходимого. Ехать в отпуск нелепо, когда впереди всего каких-нибудь 4 месяца работы. В прошлом письме я уже писал тебе о том, что мой отъезд в конце зимы прошел по обеим инстанциям, причем полпредство считает мой отъезд и дальнейшую учебу необходимым и с их точки зрения.

В Учкоме я поставил дело так, что не толкусь там зря, а захожу «для связи» и приношу готовые работы. Пока что сдал «Очерк Западной Гоби» (Цаган богдо etc.) в три печатных листа, «Кочевки Убур Хангая» в ½ печатных листа, обработал съемку и выполнил одно задание, не входившее в план. По текущей работе я со вчерашнего дня начал преподавать географию на маленьких курсах, организованных при Учкоме⁴¹³⁾. Час в день, готовиться мне не надо, слушателей всего 6–7 человек.

Встаю рано – в 7–8 часов, пью чай с молоком. Потом, в зависимости от обстоятельств, либо работаю дома, либо иду по делам в Учком и др. места. С 3 до 4 часов урок, потом обед. С 5 до 6 – «приемные часы», когда ко мне приходят по делам и т.д. Потом прогулка по городу и необходимые визиты до 8 часов. Домой, чай и работа за письменным столом. Пью редко и не люблю этого дела – жалко времени. Танцую совсем редко – вообще на «вечера» ходить избегаю. Правда, неделю назад был с Носовыми на вечеру и «обслуживал» один четырех дам. Хвалили. Значит есть еще порох в пороховницах! А в общем обстановка уланбаторская с той, впрочем, разницей, что считаю себя уже отрезанным ломтем, не загружен текущими

мелочами и основное внимание сосредотачиваю на фундаментальной работе, приближающей день отъезда. Сплю обычно 6 часов. Новых интересных знакомств нет. На днях должны приехать арахангайцы. Я уже получил письма из худона.

Стоят дивные теплые осенние дни. Очень хочется в лес, золотой лес монгольской осени. Вероятно, уже начали реветь изюбри... Но жаль времени. Вспоминаю о тебе, о Сураже и отворачиваюсь от Богда улы. Здоровье пока прекрасно. Никаких желудков и прочего. В худоне зарядился здорово.

Теперь можно посплетничать об Уланбагоре и худоне. В УБ начинают мостить улицу от Универмага к милиции (старое ГВО⁴¹⁴). В автобусе не позволяют стоять, за посадкой следит мильтон, женщины с детьми – с передней площадки. Культура!

Н.П.Ш.⁴¹⁵ в ближайшее время уезжает в Москву. Нина Ник.⁴¹⁶ ушла от Нацока⁴¹⁷ к Тубдэну (Данара ушла ведь к Цзандре) и тоже уезжает в Союз. У Радны хороший сын⁴¹⁸. Она все полнеет, но по-прежнему свежа. Носовы все те же. Работают оба. Светлана их – жуткий чудо-богатырь. Нелли Гитман уехала. Вообще народу все меньше и меньше. У папы Миши⁴¹⁹ бываю очень редко. Теперь у нас два секретаря – он и Цэ-ригцзин. Мерген Гомбочжаб⁴²⁰ уехал в Ленинград со всей семьей. Ему в Союзе нравится больше, чем здесь. Гава (музейный) работает сейчас в виномонополии и получает 140 тугр. Дандар работает в автобазе. В общем всё и все по-старому, и сногшибательных новостей нет.

О худонских приятелях я уже писал тебе кое-что. Скажу ещё раз, что такой глухой угол, как Ноин богдо резко переменялся. С людьми можно говорить на самые современные темы, не боясь непонимания. Я подолгу разговаривал с Санжачей, с Дагва доржи и другими. Хорошо было на обратном пути, уже усталому, отдохнуть два дня у Чурумовских. Они стояли вместе с той юртой, где я в 1925 г. лечил старуху. Жива, бегает и работает! Я переходил из юрты в юрту, пил кумыс в несметном количестве, сплетничал со старухами, шутил с молодежью, играл с ребятишками и смотрел на знакомые горы.

Между прочим только в Цаган богда я почувствовал всю свою практику за время с 1927 г. Идя тем же маршрутом один, без проводника, я без труда расшифровывал довольно таки запутанную местность, по которой тогда прошел, как слепой. «Очерк Западной Гоби» - почти открытие большого района, о котором до сих пор ничего вразумительного не было.

Тебя вспоминают везде с большим теплом – и на Орог нуре, и на Лэгин голе, в Баян тухуме, в Баян далае, Ноин богдо и Тосту. Не помню, писал ли тебе о том, что послал фото Циндэ⁴²¹ и в ту юрту, где ты ждала меня на Торцо⁴²², пока мы с Лубсанчжабом ездили к Циндэ. С вершины Тосту видел оба Эцингольских озера. Увы! Сейчас там ходят автомобили из Китая в

Синьцзян. Где романтика бесконечного пути верблюжьего каравана?!

Очень приятно было отдохнуть и у Бацзара⁴²³). Здесь я чувствовал себя положительно, как дома. Он сразу понравился и Дондогу, и Фучину – оба старались выразить ему свое внимание и подарили все, что можно было. Дондог, кстати, снова уехал в Ленинград. Я просил его, по возможности, зайти на Хрущи.

Вообще поездка этого лета дала очень много впечатлений. В последний раз!

В Цаган богда наслушался много разбойничьих историй, которые в свое время тисну в беллетристику.

А за всем этим очень и очень скучно мне, мои родные белочки, без вас. Пуста одинокая жизнь, и никакая деятельность этой пустоты не заполнит. Еще раз скажу, что очень больно мне думать о твоём суражском сидении. Радостно было узнать, что мамин приезд немного развеял тебя. Не сердись на меня за долгие сроки, родная моя. Так было нужно. Как хочется сейчас приласкать и приласкаться самому, быть рядом, вместе с самыми близкими мне... просто и слова не подберу.

Крепко целую обеих.

Ваш папа.

IV 70 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 27 октября 1935.

27/X/35г.

Уланбатор

<в Сураж>

Милые, родные мои белочки!

Несказанно обрадовался я вашим письмам, в одном из которых была фотография Наташи. <...>. По фото видно, что она перестала быть дитём и превратилась в маленького человечка. Это, в соединении с твоими, Миля, письмами, помогает мне реально представить себе её, живую и жизнерадостную. Расцелуй её от моего имени настолько, насколько допускает это твоя педагогика.

Мне здесь очень скверно. Уланбатор надоел до чёртиков, все время думаю о вас, об отъезде и изображаю из себя отрезанный ломоть (отрезанный, разумеется, от Уланбатора). Скучища, увеселения надоели, по гостям хожу очень мало и всегда по специальным приглашениям. Даже в кино почти не хожу. В театре (монгольском) был всего раз, и то потому, что мне купили билет и принесли его на дом.

Живу я пока в квартире Рачковского⁴²⁴), в Барановском⁴²⁵) доме. Думаю на днях перебраться на старую квартиру, когда там немного подремонтируют.

Дел, как всегда, куча. В порядке общественной работы по предложению

полпредства проверял кружки монгольского языка в Минскотземе и Управлении связи в качестве экзаменатора. Теперь дали еще дело: начинать преподавать географию в старших классах сов. школы (8 часов в неделю). Отказаться нельзя. Мне это дает лишнюю сотню в месяц, освежение географических познаний и опыт в преподавании. Однако, лучше бы это делать в Москве, чем здесь.

Основная работа движется вперед. Сейчас работаю над гобийскими кормами – перечитываю твои записи и вспоминаю наши странствия. В предисловии с удовольствием оговорил твои заслуги в этом деле.

В одном из твоих писем промелькнула нотка сожалительного воспоминания об Уланбаторе. Брось, не стоит он того. Все как-то меняется, и сейчас обстановка уже не та, что была при тебе. Нехорошо⁴²⁶⁾, все надоело, пора кончать это дело.

Носовское «заведение» действует ежесубботне. Только там и бываю. Очень многие уехали и уезжают⁴²⁷⁾.

Недели полторы я промаялся с гриппом. Сейчас ничего. По это причине откладывал написание этого письма. Не до того было! Гриппует весь город, и уже изобретено словечко «гриппер».

Наш Цецен хан⁴²⁸⁾ женился!... на бурятке-уборщице (дочь старика-галчи⁴²⁹⁾ Дамбы). В городе мостят улицу от универсама до поликлиники и собираются мостить у ГВО и Банка. Вот тебе две самые сногшибательные новости.

О моем отъезде уже написано в соответствующие инстанции в Москву на предмет смены⁴³⁰⁾, дожидаться которую я не буду (что оговорено). План моей работы в текущем году Учком несколько сократил вследствие долгого пребывания в худоне. Я не собираюсь доделывать все свои хвосты, а дам лишь самое необходимое.

Не тоскуй, детка, скоро увидимся. Я очень хорошо помню, что тебе стукнет 32. Да и я ведь не мальчик! Довольно фокусов. Надо пожить солидно.

Пока кончаю письмо, чтобы оставить зарядку для следующего.

Крепко целую обоих.

Ваш нөхөр⁴³¹⁾ и папа (ачжа).

IV 71 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 18 ноября 1935.

18/XI/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Вчера прочитала в газете о ликвидации Торгсина⁴³²⁾. Жаль, что так быстро. <...>. Если можете, то попрошу Вас купить материал для шубы Андрею.

Наташке, конечно, на шубку и пальто демисезонное, к следующему году у ней ничего нет. <...>. Получила от Андрея письмо. Хворал, был грипп. Очень скучает. Видимо, ему там надоело и хочется вырваться поскорее. Дай Бог! В восторге от того, что получил, хоть плохую, Наташину карточку. <...>. Я все посматриваю, как Наташа растет быстро. Сейчас она похожа на четырехлетнюю в своей длинной монгольской шубке.<...>. Часто вспоминает Вас и тетю Алю. <...>. Очень ждет папочку и все спрашивает: «Папочка мой где?» <...>.

19/XI/35 г. Сейчас была в Торгсине. Ликвидировала имевшиеся 19 руб. Купила Андрею 3 метра сукна для шубы. Так что там ему не покупайте. Возьмите взамен этого матерьял на платья. Если останется немного, то купите Але и мне по паре хороших (не шелковых) чулок. <...>.

Целую Вас обе. Привет всем.

Ваша М.Симукова.

IV 72 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 10 ноября 1935.

10-XI-35

<Уланбатор>

<в Сураж>

Милые мои солнышки!

Это письмо откладывалось в довольно долгий ящик по причине моего нездоровья за последние две-три недели. О своем гриппе я уже писал вам раньше. Он продолжался недели полторы, причем несколько дней я из дому почти не выходил. Прошел он не просто, а дал осложнение на мое несчастное пузо. Поэтому мое «выбытие из строя» продолжалось еще столько же. Какие тут письма, когда ежевечерне я тихо корчился на своей одинокой постели! Ходил на рентген к В.Н.Носову и мрачно ел кашу с сернокислым бариумом, ежась от холода рамки аппарата <...>. Желудок мой В.Н. нашел в полном порядке. Однако потребовал, если боли будут продолжаться, взять еще раз желудочный сок <...>. Я сразу же сел на диету и несколько дней питался чаем с сухарями и бульоном. Случайно или не случайно вся история прекратилась на праздниках, когда я с разрешения В.Н. и у них же на квартире «несколько повеселился», обслуживая, по обыкновению, четырех дам. Теперь я снова здоров. Хотел было добавить, что и весел, но это не так. Повторю еще раз, что Уланбатор мне в достаточной степени осточертел, все надоело, очень и очень тянет к вам, родные мои, и вообще домой. Я совершенно не представляю себе возможности оставаться здесь⁴³³, хотя бы и с вами. К счастью, в моем отъезде отсюда нет никаких сомнительных моментов. Возможно, что я сумею осуществить его раньше, чем предполагал. Не мила стала и работа, на которую я смотрю сейчас как на препятствие к

отъезду. Лишь трезвое рассуждение о том, что самое необходимое все же лучше сделать и написать здесь, нежели дома, что у меня все-таки есть какие-то обязательства перед Учкомом, что надо, как-никак, уехать из Монголии с честью – заставляют выполнять теперь уже минимальную программу обработки материалов. Думаю, что уже к Новому году эта программа будет в основном закончена.

Нагрузка у меня сейчас полная. Два раза в неделю еду к девяти часам в Совшколу (учитель гимназии!) в Консульский поселок. Школа помещается в расширенном теперь доме б<ывшего> Стормонга⁴³⁴) против Полпредства. Ребят из города возят в специальных автобусах. Я езжу тоже на них. Отбарабаниваю свои четыре урока (6а, 6в, 7 и 8 классы) и на автобусе же тороплюсь в город на двухчасовой урок на учкомских курсах⁴³⁵) (та же география на монгольском языке). Потом домой и за работу до поздней ночи. В дни, когда уроков в Совшколе нет – утром чаще всего всякие дела. Часто бываю на востоке⁴³⁶). Вообще помнить надо об очень многом. Кажется, я уже писал тебе о моей деятельности, как экзаменатора двух кружков монгольского языка. По этому делу пришлось как-то даже съездить в Сонгин. Впрочем, ехал я с фасоном. Меня возил советник МСЗ⁴³⁷). Работаю и для Штаба – опять проверка названий⁴³⁸). В общем, в эти последние месяцы буду зарабатывать по 500–600 тгр. В кино не был с сотворения мира. В Ленклубе – только на торжественном заседании и то потому, что прислали для меня билет. По гостям хожу лишь по настойчивым приглашениям не чаще раза в неделю.

Но, конечно, болезнь меня подковала здорово. Потерять столько вечеров! За время болезни я едва лишь подвел к концу «Гобийские корма» со всеми приложениями. Получается 4 печатных листа. На фоне всего этого еще во время болезни твое несколько «краткое» письмо, белочка, подействовало, как не совсем заслуженная пощечина. Эту пощечину я ощутил буквально физически и с великим трудом удержался, чтобы не побагроветь до кончиков волос под любопытным взглядом Н.П.Ш.⁴³⁹), передававшей мне письмо. До сих пор я имел привычку вскрывать письма и телеграммы немедленно по вручении. Теперь придется быть осторожнее.

Сегодня я получил твою телеграмму из Москвы и весьма обеспокоился. Как и почему потеряла и зачем снова нужна бумажка о моей службе? Между прочим, я имею возможность сделать тебе «добавочный» перевод. Можно прислать и оригинал. Напиши, что лучше?

Таково мое довольно гнусное уланбаторское житьишко. Все мое здешнее знакомство превратилось в шапочное – фактически бываю только у Носовых,

а в другие дома хожу лишь по делу. Живу в квартире Рачковских⁴⁴⁰. Наш дом пришел в ветхость. Весной пойдет на слом, и мне ради двух-трех месяцев жизни в нем было просто совестно заставлять НИК⁴⁴¹ выбрасывать на ветер 400 тгр. за минимальный ремонт в нем, хотя наши и вполне шли в этом отношении навстречу. Мне же здесь удобнее. Я пользуюсь кухней, прихожей и комнатой А.Л. Пока было тепло, я работал в большой комнате З.А.⁴⁴². Рядом живет Нацок⁴⁴³ и еще ребята-монголы. Во дворе стоит еще юрта. Со мной живет Фучин⁴⁴⁴, временно работающий в столовой по соседству. Все-таки живая душа, хоть мы и мало разговариваем друг с другом, умея вместе молчать. Он помогает мне по хозяйству и в прочих неслужебных делах (дрова, стирка и т.д.). Кормит скромными шами. Именно благодаря ему я мог держать диету. Я уже писал тебе, что он за поездку окончательно освободился от своей скверной привычки⁴⁴⁵ и более к ней не возвращается. Здоров, очень кланяется тебе и Наташе, всегда вами интересуется и заботится о том, чтобы я мог уехать в Москву как следует и смог бы там наладить наше гнездо.

Всегда справляется о вас Радна⁴⁴⁶, которую я вижу очень редко. Очень просила передать тебе привет и Нина Аркадьевна⁴⁴⁷. У них я как-то совсем не бываю. Она работает сейчас в Востваге⁴⁴⁸. Положение папы Миши⁴⁴⁹ было одно время, говорят, весьма шатким и сейчас посредственно. Вообще я совершенно сознательно, а отчасти и по причине недостатка времени, поставил себя в положение уже отрезанного ломтя. Так лучше.

После твоих писем о «прелестях» суражской жизни, а также и потому, что с каждым днем срок разлуки становится непропорционально ощутительным, ежечасная мысль о вас, любимые мои, о вашем бытье равносильна поджариванию на сковороде, при сознании, что спрыгнуть с этой сковороды к вам, домой вот сейчас, сию минуту – невозможно без серьезных последствий для нас всех. Я думаю, что из этого письма ты видишь, что от прежних сантиментов по отношению к своей работе у меня осталось очень мало. Основная мысль сейчас – пути скорого и полного перехода от нашего с тобой вечного бивуака к соответствующей возрасту, заработанной нами жизни в настоящем «гнезде».

Крепко целую вас, мои любимые, единственные. В хорошую минуту пожалуйста немного вашего папу и Андрея.

IV 73 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 2 декабря 1935.

2/XII/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Собиралась писать Вам с первым снегом, который произвел на Наташу

большое впечатление <...>. Она радовалась от души и вдоволь насладилась снегом – катали бабу, копали снег лопатой, бросались снежками, валялись, падали, катались в санках. Я рада, что она так весело умеет реагировать на то, что ей нравится. Ходит она сейчас в синей монгольской шубке, белой пушистой шапке и в большущих старых валенках. Совсем мужичок-с-ноготок. <...>. Папу она очень ждет, много говорит о нем и о кукле, которую он привезет.

Получила сегодня от Андрея телеграмму, пишет, что основную работу заканчивает к 1-му января (а сколько работ не основных?), выслал спешной почтой справку, перевел за ноябрь-декабрь в Москву телеграфом. Здоров и привет всем.

Относительно пессимистического взгляда на жизнь – Вы, наверное, видите по моим письмам, что единственная радость и надежда в жизни у меня только Наташа. Зачем же мне рисковать ею? В повседневном отношении к ребенку я (как Вы, надеюсь, заметили летом) не безумная мать, слепо над ней не трясусь. Но со дня рождения Наташи нет покоя моей окаянной душе – я знаю, как легко и от каких, казалось бы, пустячных причин гибнут дети. <...>. Есть от чего впасть в пессимизм. А Наташке нужна простая и здоровая, правильно урегулированная жизнь. Кой-что от этой жизни у ней сейчас имеется, и на том спасибо. <...>.

Нам в Сураже без здешнего Торгсина делается плохо. Масла на рынке совсем нет, так как коровы еще не начали тельиться. Хоть плачь! <...>. Если сможете, купите мне, пожалуйста, валенки <...>. В Сураже ничего нельзя достать! Хорошо бы нам и масла получить кило 3. <...>. Постарайтесь прислать как-нибудь.

<...>. Целуем Вас с Наташей обе крепко.

Ваша М.Симукова.

IV 74 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 18 декабря 1935.

18/XII/35г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна, получила Ваше письмо. Очень рада, что все здоровы и все хорошо. Долгое молчание всегда беспокоит меня. Получила письмо от Андрея, опять животом мается!

Огорчена, что ликвидация остатков <бонов Торгсина> связана с такими трудностями для Вас. Приехать вряд ли смогу. Нет сейчас денег и, самое главное, Наташу боюсь оставить. <...>. Если можете, купите, если попадетесь, что-нибудь хорошенькое из мужских вещей, например, джемпер, носки.

Хорошо бы ему купить белого <материала> для летнего костюма!

Наташа очень выросла. Говорит много и обо всем. <...>. Скушает о «папотьке». Сегодня уж звала его: «Папочка, приезжай скорей! Ох, скоро ли наш папочка приедет?» Тяжело жить так. Наташа часто вспоминает Вас и тетю Алю, ждет, что Вы скоро приедете. Лицо у нее уж вполне оформилось. К приезду Андрея будет совсем большая девочка!

Крепко целуем Вас обе. Привет от мамы. Привет всем.

Ваша М.Симукова.

IV 75 А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 1 декабря 1935.

1-XII-35

Уланбатор

<в Сураж>

Дорогое мое семействочко!

В этом письме посылаю спешной почтой просимый тобой, Миля, документ. Думаю, что я сделал правильно, послав копию той справки, которая была выдана Полпредством на твое имя. Это солиднее Учкома, и там все сказано. Если нужно будет все же иметь тебе бумажку от Учкома или копию удостоверения о твоей работе там – вышлю незамедлительно.

Все идет к концу, как, например... Торгсин. Два дня назад я выслал в Москву телеграфом, очевидно, последние переводы за ноябрь и декабрь месяцы. Распорядись всеми остатками Торгсина, как знаешь.

Я сейчас развиваю деятельность несколько бешеного характера: помимо всех нагрузок заканчиваю основную работу к новому году, чтобы в январе очиститься окончательно и подготовиться к отъезду. К 1 января я закончу все о кочевках, хотонах и пастбищах, сделаю оригинал экономического атласа и обработаю дневники. Сейчас вся эта работа идет полным ходом. Я написал после приезда из худона: 1) Гобийские кочевки, 2) Убур Хангайские кочевки, 3) Очерк Западной Гоби, 4) Гобийские пастбища и 5) Хангайские пастбища – всего до 15 печатных листов (450 страниц).

А нагрузка у меня сейчас такая: 8 часов в неделю – Совшкола, 12 часов – учкомские курсы, теперь дают еще 2 кружка монгольского языка – 8 часов в неделю – и обещают периодические лекции. За все, разумеется, платят. Основную работу я делаю, как всегда, вечерами и ночью. Сплю 5, не более 6 часов. Зря бегаю совсем мало и только в носовском направлении, где ко мне относятся неизменно хорошо.

Ни о чем теперь не думаю, кроме отъезда отсюда. Довольно! Повоевали! Никаких препятствий к отъезду не видно и, кажется, не предвидится, так что теперь уже можно считать оставшиеся дни. Для меня время в работе проходит очень быстро – день за днем, неделя за неделей только свистят в

пространстве. Хочется думать, что до осени будущего года в Москве у меня найдется время и возможность немного вздохнуть, приостановив свой бег, и оглянуться.

Ничего мне сейчас так не хочется, как почувствовать себя около вас, мои детки! Тяжело беспризорному и неуютно в жизни.

Сейчас тороплюсь, а потому кончаю письмо.

Ваш папа.

IV 76 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 28 декабря 1935.

28/XII/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

поздравляем Вас с Новым Годом, желаем здоровья и всего самого лучшего. <...>.

Сегодня получили Вашу посылку. Большое, большое спасибо Вам и за посылку, и за все. Наташа сейчас же нарядилась в чулки, валенки и шарфик. <...>.

Получила от Андрея телеграмму и письмо с обещанным удостоверением. В конце января, говорит, будет собираться в отъезд. Пишет, что пока препятствий к его отъезду не предвидится. Работает очень много, о здоровье ничего не пишет. Вероятно, немного лучше, но не настолько, чтобы говорить хорошо.

Каковы Ваши дела и настроение? Как здоровье? <...>. Не помню, писала ли я о том, чтобы Любе⁴⁵⁰ купили из моих денег в Торгсине чулки или что-нибудь другое для Олечки⁴⁵¹. Мне очень хочется, чтобы Аля и Люба купили себе что-либо.

<...>. Целуем Вас обе крепко. Будьте здоровы и пишите Вашим внучке и невестке.

Привет молодежи.

Ваша М.Симукова.

IV 77 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 14 января 1936.

14/I/36 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

доехала я очень хорошо, захватила вторую полку и лежала всю дорогу. Вот только украли у меня (первый раз за все мои рейсы!) все газеты и журналы, какие я накупила на вокзале для вырезывания картинок Наташе. <...>.

Встреча, как всегда, была радостной. <...>. Мандарины произвели

впечатление! <...>. Все эти я только и слышу – мама, дай мандаринчик. По вкусу ей пришлось и шоколад, и ветчина. <...>. По-прежнему часто вспоминает «бабу Тату» и раз даже попросила рассказать сказочку про Москву и бабу Наташу. Сегодня мы с ней украшали елочку, завтра будут у Наташи гости. Елку нам принес из лесу и утвердил в чурбачок дядя Митя. Цепи и корзиночки для елки клеили, конечно, вместе с большим увлечением. <...>. Вчера я «нанесла визиты», конечно же, развлекали меня картами! Здесь это главное, как в Москве танцы, когда соберется несколько человек. <...>. А самой мне надоело до смерти быть беспризорницей. Вот и в этот приезд в Москву мне просто противно стало шататься одной. И у Жени⁴⁵²⁾ (между нами!) мне было и грустно, и нехорошо. Больше никуда и никогда не пойду одна! <...>. Нужно надеяться, что мой муж <...> приедет к десятилетию нашей совместной жизни. В марте будет десять лет! Опоздает, по обычаю!

Пишите нам иногда. Привет от мамы. М.С.

IV 78 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <Февраль 1936>.

<II/1936⁴⁵³⁾>

<Уланбатор>

<в Сураж>

Милые мои детки и солнышки,
большое и маленькое!

Идут за днями дни, и больно мне до чёртиков сидеть в Урге и только думать о вас, не имея возможности услышать Наташин голосок, её веселую топотню, приласкать веселую козочку-дочушку, рассказать ей на ночь сказку и почувствовать себя в своей семье, около единственных действительно близких мне людей. Хочется дать ласку и получить её. Да что говорить об этом! Думаю, что все это достаточно понятно.

Я не совсем уверен в том, Миля, что ты думаешь о моем затянувшемся здесь пребывании. Хочется знать, что ты уверена во мне и в том, что сижу я здесь из-за вас же. Твои слова о необходимости вернуться «на щите», а не наоборот, засели у меня в сознании очень крепко. Я уже писал тебе ранее, что всякие сентименты <...> из меня давно испарились, и теперь я весь у вас, в Москве, Ленинграде, словом – в Союзе. Хочу вернуться с законченным багажом работ, а не с их обрывками.

Сейчас на этом фронте дела обстоят следующим образом: я закончил просмотр, обработку и исправление всех своих дневников; заканчиваю подбор и просмотр мелких работ (не считая журнальных статей, их набирается около 25); закончил тему о кормах и пастбищах (две новых работы и переработка одной старой); закончил тему о кочевках и хотонах (три работы). Остается написать две работы по чистой географии (Гоби и Хангай) и составить

диаграммы для Экономического атласа.

Работу по гобийским кормам кончил, в сущности, только на этих днях: чем больше писал, тем больше оставалось ненаписанного, и в результате получился объемистый труд в 300 моих рукописных страниц (11 печатных листов). Одна глава («Анализ пастбищ Баян тухумской котловины») написана целиком по твоим материалам. Эту работу я считаю такой же «коронной», как и свою «Географию». Впихал туда все, что мог. Трудно было разбираться в Хангайских пастбищах – там площадки ведь собирали не мы с тобой, а Михалевская⁴⁵⁴). Но и тут, как будто, справился. Таким образом, мой «багаж» будет заключаться в следующем:

1. Обработанные дневники 1927⁴⁵⁵), 28, 29, 30, 31 и 32 годов⁴⁵⁶)
2. Общая география: «Географический очерк МНР»⁴⁵⁷)
«Краткая география МНР»⁴⁵⁸)
«Географический атлас МНР»⁴⁵⁹)
«Экономический атлас МНР»
3. Специальная география: «Гобийская окраина МНР»
«Центральный Хангай»
«Западная Гоби»⁴⁶⁰)
4. Пастбища: «Схема растительных комплексов МНР»⁴⁶¹) (вместе с Барановым⁴⁶²)
«Гобийские пастбища»⁴⁶³)
«Хангайские пастбища»⁴⁶⁴)
5. Кочевки и хотоны: «Кочевки и хотоны Ихэ Тамира»⁴⁶⁵)
«Кочевки и хотоны Гурбан Сайхана»⁴⁶⁶)
«Кочевки Убур Хангая»⁴⁶⁷)
6. Разные работы: с мелкими заметками всего около 25. В том числе
«Карта монастырей»⁴⁶⁸)
«Монгольская картография»⁴⁶⁹) и т.д.
7. Журнальные статьи: тоже около 25, т.е. всего мелких работ около 50.

Подчеркнул я еще не сделанные работы. Общая сумма в печатных листах – вероятно, что-нибудь вроде 100 с хорошим гаком.

Примерно через месяц я сделаю, вероятно (мне идут в этом навстречу), отчетные доклады⁴⁷⁰) о своей работе как в Учкоме, так и в Полпредстве, причем хочу дать не историю вопроса, а конкретные результаты и вообще «показать товар лицом». Довольно скромничать!

Надо сказать, что перечисленными работами я далеко не исчерпал весь свой запас. Несколько тем, как по географии, так и по хозяйству, я берегу для Союза с тем, чтобы пустить их, как диссертации для получения впоследствии

ученой степени. Кроме того (мечты, мечты!), если только будет малейшая материальная возможность, мне хочется тихо посидеть в вашем кругу и вечерами, под Наташино посапывание, заняться беллетристикой, надеясь на Лешино руководство. У меня есть план одной повести, а может быть хватит сил и на сценарий. Но довольно о работе.

Что писать тебе про Уланбатор? Зима нынче была жестокая. Только теперь отпустило, а то месяца два жали морозы по 30–40°. Были неоднократные случаи замерзания людей. В Южной гоби – бедствие, выпал очень большой снег, и публике приходится тяжело. Я был доволен, что не пришлось ехать почему-либо в худон. Мало радости путешествовать по такому морозу! Учком дал мне дров (ей богу, только не падай в обморок!), и я поплеываю по этому случаю в потолок. Живу в Барановском (см. прим. 425) доме, в комнате Ан<астасии> Лаврентьевны <А.Л.Смолянинова – сотрудник геологических отрядов 1931–1933 г.г.>. Поставил чугунную печку и блаженствую. Фучин – рядом, в кухне. Друг друга не стесняем и не мешаем. Живем, как старые друзья, которые могут молчать днями.

Нагрузили меня здорово: в школе (советской) – 12 час. в неделю (3 дня по 4 урока), на учкомских курсах – 8 час. в неделю, плюс по общественной линии я – секретарь постоянного совещания преподавателей и старост кружков. Правда, все это – монета.

Это время немного прихворнул – что-то вроде ангины, но не в горле, а во рту. Пухли десны, гланды и т.д. Был очень доволен – сидел дома и писал, писал, писал. Теперь очень не хочется влечь снова в ляжку. Живот мой в полном порядке, как будто и не он болел. Красота!

Очень смешно изображать «учителя гимназии». Воистину, судьба играет человеком, а человек играет на трубе, как сказал Остап Бендер. Опрос, отметки, контрольные работы, классные журналы, исправление тетрадей. Своим же коллегам – учителям преподаю монгольский язык. Теперь это дело поставлено строго – отметки и т.д. Они краснеют, пыхтят, составляют фразы, путают «абху» и «ябху», говорят «бахугый» и «захадыр» и т.д. Второй кружок – геологоразведка (Никитин и К°).

На учкомских курсах меня хвалят. Приходится самому изобретать курс и диктовать его по письменному. Дарга⁴⁷¹), хитро ухмыляясь, говорил мне как-то, что вот тобой ученики довольны, а Цзандру-бурята не понимают.

Новый год я встречал вместе с Носовыми у Петуховых. Встретили его неплохо. Носовы дня через три-четыре сматываются. Вообще народу стало меньше. Там, между прочим, часто появляется В.Н.Тиханов. Вообще же по гостям не шляюсь, а если да, то с большим выбором и «по необходимости». У Тубянских совсем перестал бывать.

У Алексея Турутанова⁴⁷²) на днях родилась и умерла дочка (я получил от

него из Алтана⁴⁷³) телеграмму). Иногда получаю письма от своих друзей из худона. Вот, в сущности, и все об Уланбатаре.

Говоря вообще, тонус мой против прежнего значительно повысился (немного подгадила снова болезнь) – главную роль тут сыграли твои более спокойные письма, за которые большое и большое спасибо.

А в общем <...> пора менять атмосферу⁴⁷⁴. К счастью (надеюсь, обоюдному) от счета месяцев можно переходить к счету дней.

Крепко целую обеих.

Ваша тень отца Гамлета

Андрей.

Фучин очень кланяется и все думает, что послать Наташе. Срочно сообщи её рост.

Кланяются и приветствуют также и многие другие.

IV 79 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 10 марта 1936.

10/III/36 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

мы с Наташей живем уж на новой квартире и очень довольны обе. Мама одна осталась на старой – пока не продаст пчел. Наташа по переезде во все вникла, ознакомилась с положением и заявила: «Как здесь хорошо, как здесь приятно». Ведет она себя прекрасно на новом месте, ей все нравится, и в результате – покорила все сердца. Я рада, что она так хорошо приспосабливается ко всяким переменам, не будет нервничать в Москве. <...>.

Андрей еще не приехал? Напрасно Вы ждете его сейчас. Лето, еще одна «последняя» экспедиция... И так всю жизнь! Бог с ним, мы все прощаем. Ему же хуже. Так много пропустил из Наташиной жизни интересного, и сам жалеет об этом.

Каковы последние Симуковские новости? Как у Вас со здоровьем? Вы бы разгрузились хоть немного от уроков. <...>. Очень хорошо, что сердце ведет себя прилично, и не нужно его перетруждать.

У Наташи масса новых слов и выражений. <...>. Она повадилась в ОГИЗ⁴⁷⁵), все спрашивает «Русские народные сказки», мы видели у одних знакомых хороший сборник старых сказок. <...>. Ей книжка понравилась, сказки она любит. <...>.

Целуем Вас обе. Привет Але и Ольге Яковлевне. Пишите нам.
Мой адрес: Сураж, конечно. Белорусская ул. 6, дом Григория Афанасьевича

Пануса (это «Панусевка»). Мне.

Миля.

IV 80 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 23 марта 1936.

<23/III/36⁴⁷⁶>

Сураж

в Москву

Дорогая Наталья Яковлевна,
получили Ваше письмо, и Наташа долго носила его на сердце. <...>. Хорошо, что написали про скарлатину, от переезда воздержусь. <...>.

Почему Вы написали Андрею письмо? Вероятно, Носова сказала, что он ещё не скоро раскачается? Я писала ему последний раз в середине февраля и то боялась, что письмо не застанет его там. Какая наивность все-таки с моей стороны! Вы его знаете лучше всех, в конце концов. Он ещё дюжину писем может получить. <...>. Носовой Екатерине Федоровне привет от меня – очень живая и веселая дама. Наташу она видела совсем крошкой и сочувствовала мне, глядя на пеленочный период.

Живем мы с Наташей сейчас тихо. <...>. Хозяева – дед с бабой – тихие и хорошие люди, возятся с Наташкой, заботятся о ней и её здоровье. <...>. У нашего деда два сада, один при доме и один на мысу над речкой. <...>. Скоро будет, к Наташиной радости, теленок. Одно огорчение – пчелы. «Дед, прикажи пчелам не кусаться!» <...>.

Денег опять придется попросить у Вас, вышлите малую толику. Каждый раз я думаю, что «вот придет Андрей» и дела мало-мало устроятся. Никак! Записывайте, ради Бога, все мои долги.

Пишите обо всех и их делах. Как Олечка? Что говорит? <...>. Целуем Вас обе крепко. Привет Ольге Яковлевне.

М.Симукова.

Сегодня 23-е марта – годовщина смерти Алека.

IV 81 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 31 марта 1936.

31/3/36

Телеграмма

из Урги

в Сураж

Проболел две недели гриппом выезжаю две недели отдыха гоби целую обоих все идет хорошо Андрей

IV 82 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 31 марта 1936.

31/III/36

<Сураж>

<в Москву>

Сейчас получила эту телеграмму <телеграмма (см. документ IV 81) вложена в письмо>. Прибавить к ней больше ничего не могу, тем более, что наше положение (главным образом денежное) он знает, я писала. <...>.

P.S. Мысль о « последней» экспедиции мне приходила в голову. Так оно и вышло.

IV 83 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 10 апреля 1936.

<10/IV/36>

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
получила сегодня деньги (200 руб.), большое спасибо. Почта их держала у себя целую неделю. Новостей у нас нет. Живем помалу. Сегодня снег выпал до колена. Наташа здорова. <...>. Живется ей теперь не всегда хорошо, тиранить я её стала иногда, но мне трудно было уберечь хороший характер и нежность. Скучно и безрадостно жить без планов и перспектив, и напрасно я себя тешила, что «вот приедет Андрей...». Он всегда был, есть и будет таким. Добиваться всего бесконечным и ненужным напряжением всех сил, так трижды неэкономно расходовать свое (и мое) время... <...>. Я знаю, что все пойдет у нас по-прежнему – вот еще немного, и тогда!... <...>. И какой замечательный, правда не преднамеренный эгоизм! Человек крепко уверовал (по моим письмам), что мне в Сураже хорошо, и успокоился на много лет. Я писала, что мы «сыты, обуты, одеты», и этим рассчитывала успокоить его лишь на несколько месяцев. Очевидно, перестаралась. <...>. Интересно отметить полнейшее отсутствие мысли о том, как действуют на жертву назначаемые и откладываемые сроки <приезда>. <...>.

Целуем Вас обе крепко. Привет Ольге Яковлевне. Привет Вам от мамы.

Ваша М.Симукова.

IV 84 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 17 апреля 1936.

17/IV/36

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

<...>. Наташа здорова и весела, гуляет много <...>. Часто она удивляет меня какой-либо новостью: если говорят «желток», то нужно говорить «белток». Считает – четвертая, «семертая» и т.д. Иногда очень удачно к моменту цитирует на память стихи из своих книжек. <...>. Приехать в Москву на 1-е Мая очень соблазнительно именно с Наташей. Радио доставило бы ей большое удовольствие, она любит музыку, пение. Пока не могу сказать, поедем ли: коклюш, грипп везде. <...>.

Относительно Андрея <...> - в Монголии я часто поступала так: я же не такой полноценный человек, как Андрей, я не могу дать в работе того, что Андрей, и, следовательно, нужно, в ущерб своему движению вперед, создавать ему условия для продуктивной работы, и пусть он растет <...>. Он никак не может расстаться с любимыми красивыми местами. А я не любовалась ими? Меня не брала тоска, что я смотрю в последний раз? <...>. Мы с ним много говорили о том, что вот это безволие какое-то и вместе с тем упрямство виновато в том, что было плохого в нашей жизни. <...>. В Сураж я (бедная овца!) попала только потому, что проектировалось прожить здесь месяцев 6, в крайнем случае 9–10. Иначе никогда бы не поехала. Не работаю я здесь только потому, что «вот приедет Андрей» и будет проще уехать не связанной. Можно взбеситься получая письма раз в полгода или 4 месяца и всегда обещания писать еженедельно. <...>. Так меня это наконец измучило. <...>. Я хочу семьи, а не вечного ожидания. <...>. Не так уж трудно будет Наташе без отца. Она привыкла. <...>. Кроме того, я не только Наташина мать, я сама живой человек, мне, наконец, хочется повеселиться, посмеяться. Я десять лет не была в театре, а когда-то умела выбрать и пойти на хорошую постановку или в хороший концерт. Кстати, я его угостила в 26-м году «Обедней» Рахманинова... <...>. Накопилось много обид и огорчений совсем не заслуженных. <...>.

Целуем Вас обе. Привет Ольге Яковлевне. Привет от мамы.

М.Симукова.

IV 85 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <Апрель - май 1936>.

<III-IV/36⁴⁷⁷>

Телеграмма

из Урги

в Москву

Получил Милино письмо выслал Миле пятьсот на днях вышло дополнительно тчк школу кончаю пятнадцатого июня готовлюсь отъезду здоров целую телеграфируй здоровье привет всем Андрей

IV 86 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 9 мая 1936.

9/V/36

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
давненько не писала Вам. Наташа здорова, бегает, веселится и загорает понемножку. У нас уже лето, все зазеленело, скоро зацветут сады. <...>. Наташа до сих пор ходит с красным бантом, так ей понравился день 1-го Мая. Мы с ней были в этот день на демонстрации, все видели, все слышали, встретили всех знакомых детей, побегали, порезвились на травке, пока с трибуны гремели речи. Митинг был в саду около бывшей новой церкви, там сейчас кино. <...>.

Папу стала забывать. Оно и понятно, любой огонь угаснет без поддержки. Теперь Андрея задерживает школа, где он преподает монгольский язык. В Гоби его задержали метели... Мне иногда смешно, все-таки, но большей частью грустно. <...>. Если Вы летом думаете приехать к нам отдохнуть в Сураж (а стоит приехать, летом здесь очень хорошо), напишите раньше, и я опять постараюсь найти комнату поближе к нам. <...>.

Всего хорошего. Пишите чаще, а то хоть бы слово кто написал!
Целуем обе. Привет от мамы.

М.Симукова.

IV 87 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 22 мая 1936.

22/V/36

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
не слышно что-то ничего от Вас, все ли здоровы? <...>. Письма я пишу. Может быть они иногда теряются. Здесь это не редкость. <...>.

От Андрея была телеграмма в конце апреля. Спрашивал, куда послать деньги. Я ответила, и нет ничего. Беспокоить Учком запросами о нем по прошлогоднему мне неудобно. Подождем. Лето... Последняя экспедиция... А с другой стороны там брюшняк по летам свирепствует. <...>.

Целуем Вас обе.

Ваша М.Симукова.

IV 88 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 19 июня 1936.

19/VI/36 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
сегодня получила Ваше письмо. Потрясена Татиной смертью, просто и сказать ничего не могу. Ужасно, как все это у них там вышло. Очень жалею Женю⁴⁷⁸). Наташа интересовалась, чем меня баба Наташа обидела, что я читая письмо, поплакала. Пришлось соврать. <...>.

Наташа очень выросла. Купается уж давно и ежедневно. Приезжайте, будете водить её на речку. <...>.

Андрей мне телеграфировал сначала, что дела с отъездом идут хорошо, потом уж отлично и советовал «немножко терпения». С 1-го июня замолчал. Это мне-то немножко терпения! Я терпелива, по-моему, как труп. По отношению к нему уж во всяком случае. А прилагать усилия, чтобы вернуть его в семью, я никогда не буду ни при каких условиях. Мы говорили перед Наташиным рождением «о жизни» и только потому не разошлись, что он обещал немножко жить для семьи. <...>. Он не пишет писем, например, уже несколько месяцев. <...>. Телеграммы шлет очень нежные (очень редко), а вот выехать оттуда или письмо написать не может – толкать некому.

Жестоко Вам все это писать, но не могу я больше молчать. Два года ожиданий, надежд, волнений. А что будет с квартирой, когда и где её удастся устроить? Может быть мне придется опять в Сураже искать себе пристанище на зиму? Измучилась я от такой жизни без перспектив. А тут ещё с монетой заколодило! Хорошо, что квартира в долг и молоко так же. Ах, да что говорить. Пишите Вы мне чаще, и все будет хорошо. <...>.

Приезжайте, мама уехала в Москву к Марии, и мы с Вами проживем хорошо у меня. Дед ловит рыбу, у бабы есть корова – молоко, творог, сметана – все свежее можно брать. Кругом зелень, речка рядом. Может быть и Аля придет? Наташа сладко вспоминает её и прошлое лето <...>. Может быть и непутевый отец семейства раскачается? Он все нелады улаживает молча – молчит и жалко смотрит.

<...>. Целуем Вас обе крепко. Привет Ольге Яковлевне. Пишите и не тоскуйте. Все образуется.

М.Симукова.

IV 89 *А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 26 июня 1936.*

26/VI/36

Телеграмма

из Урги

в Сураж

Дела идут прекрасно тчк <в> начале июля получаю проездные подъемные всего две тысячи тчк Получил право рублевой стопроцентной дотации с начала года принимаю меры получению <её> вами <в> Москве тчк заканчиваю сборы тчк Учком просил приготовить выставку пятнадцатилетию

революции все очень хорошо здоров целую до скорого свидания Андрей.

IV 90 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 26 июня 1936.

26/VI/36

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

<...>. Посылаю Вам телеграмму, полученную от Андрея <см. документ IV 89>. Все идет как будто бы к отъезду, да вот выставка... <...>. Пятнадцатилетие революции будут праздновать одновременно с «Надамом»⁴⁷⁹⁾, а это очень торжественный военно-народный праздник, бывает он в июле. Выставку нужно, конечно, к празднику, а где приготовить, там уж и открыть её надо и товар лицом показать, да обычно на Надаме как раз премируют⁴⁸⁰⁾ и, может быть, Андрея задержат всем этим вместе взятым. <...>. Все это хорошо, но было бы еще лучше, если бы он телеграфировал не раз в месяц, а хотя бы два. А то думай, жив ли он там? Пусть Ваша душа не тоскует, я все-таки еще хочу его видеть. Вообще, «все образуется» (его любимое выражение), но сначала будет большое сражение. Раз-то за два года я могу дать выход чувствам? (Кстати, не пугайтесь, это совсем не так страшно на деле, как на бумаге. Ваш Великий сын обычно приезжает тогда, когда я уж совсем «без чувств»). <...>. Андрей сообщает о дотации, это очень приятно, но получит её, верно, он сам. Это мне и Егорова говорила, что все получают в Москве какие-то проценты с зарплаты. <...>.

Приехать к нам можно в любое время. Если соберетесь, телеграфируйте, поезда опять приходят ночью, я обязательно встречу. <...>. Если захотите привезти Наташе игрушек, то везите лейку, она очень мечтает о ней, а здесь есть только очень большие. <...>. А насчет согласования отпуска с приездом Андрея – телеграфируйте сами. Привет Ольге Яковлевне.

Ваша М.Симукова

IV 91 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 1 сентября 1936.

1/IX/36

Телеграмма

из Уланбатора

в Сураж

Горячо поздравляю и целую дорогую доченьку Наташу поздравляют все знакомые тчк Учкомом покончил⁴⁸¹⁾ при условии месячной поездки Гоби⁴⁸²⁾ с киносъемкой тчк <в> случае удачи экспедиция даст очень много картин <с> моим участием и сценарием пойдет в Союз и за границу тчк выезжаем третьего одновременно сдаю документы на оформление выезда дела идут

прекрасно тчк все документы на получение денег выслал дип почтой одновременно телеграфирую маме просьбу получить крепко целую обеих послал письмо ваш папа.

IV 92 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 1 сентября 1936.

1/IX/36г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
<...>. Как Вы доехали, как провели день на Унече? Пишите. Позавчера на нашей улице был пожар, сгорело два дома напротив. <...>. Аврал у нас был жуткий, но все кончилось благополучно для нас, хоть сарай и загорелся с крыши (соломка!) <...>. Я, несмотря на испуг, выказала необычайную расторопность и распорядительность, а Наташа <...> молча смотрела и запоминала. Никаких следов испуга. Я её быстро отдала одной девице и скомандовала утекать подальше. (Потом я увидела, что девица эта толклась здесь же, около лошадей, с Наташей). Затем схватила двоих граждан и притащила их выносить вещи. Словом, все было вытащено, вечером опять втащено, ничего не потеряли и не украли. Я отделалась жестокой простудой. Наташа не пострадала нисколько. Жалко Савельевнина дома, я только было стала собираться к ней перекочевать. <...>.

Получила от Андрея телеграмму <...>. Прилагаю сей документ. Говоря по совести, я уж подумывала о его молчании. Плохой признак, значит собирается куда-то. В последний день уведомляет о выезде, и у меня нет возможности метать в него телеграфные громы и молнии. Ухитрился и на этот раз. Я ведь писала Вам или Але, что он еще съездит в Гоби. Так просто он с ней не расстанется. Проще с нами расстаться. <...>.

Теперь о делах. Получила вчера 100 руб. Наверное от Леши. Благодарствую. Расплачусь с хозяйкой. <...>. С квартирой выясним сегодня вечером. Хозяева с интересом ждали приезда Андрея и нашего отъезда. Теперь интерес этот подтаял. Бегала сегодня к Филиппу Андреевичу – у них комнату снять придется на всю зиму. Зачем же отбивать других квартирантов, если уеду месяцев через 2–3? <...>. А переехать под Москву и жить в дачке, может быть одной с Наташей, я боюсь.

Дрова. Пилить. Колоть. Таскать. Мне упорно кажется, что это не мое дело⁴⁸³. <...>.

Вы уж не расстраивайтесь больше из-за Андрея. <...>. Целуем Вас обе крепко.
Миля.

IV 93 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 17 октября 1936.

17/X/36

Телеграмма

из Урги

в Сураж

<Из> интересной поездки⁴⁸⁴ вернулся <в> прекрасном состоянии сегодня тчк дальнейшее пока не ясно телеграфирую через несколько дней тчк телеграфь здоровье получение денег новости целую обеих Андрей.

IV 94 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <Ноябрь-декабрь 1936>.

XI-XII/36

Телеграмма

из Урги

в Москву⁴⁸⁵

Сходи <на> улицу Каляева 6 кв 114-а <к> дочери советника Воробьева⁴⁸⁶ выезжающей Монголию сообщи необходимое тчк телеграфь твой адрес⁴⁸⁷ <для> подписки <на> газеты привет папа.

IV 95 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <12 декабря 1936>.

<12/XII/36>

Телеграмма

из Улан-Батора

в Москву

Подтверди телеграфом получение перевода <и> доверенности <на> имя Мили <в> адрес мамы тчк здоров осенью получаю длительный отпуск курорт тчк целую маму Наташу Милю привет всем – Андрей.

IV 96 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <6 января 1937>

<6/I/37>

Телеграмма

из Улан-Батора

в Москву

На днях тебе сообщает срок <моего> выезда причину задержки тчк <о> важнейших нуждах переговоры <с> сообщившим кроме того <в> случае необходимости телеграфь учком Воробьеву тчк <с> учком кончил⁴⁸⁸ выезжаю <в> худон <по> срочному делу другой организации⁴⁸⁹ тчк отказ исключен прошу поддержки <в> тяжелой поездке целую - Андрей.

IV 97 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 6 июня 1937⁴⁹⁰.6/VI/37
из Урги

Телеграмма

в Москву

Письмо получил тчк Воробьев выехал <в> срочную командировку <в> Москву третьего сел <на> курьерский <поезд в> Улан-Удэ тчк Непременно сходи <к> Китаеву увидеться <и> получить посылку крепко целую обеих ваш <во> всех случаях⁴⁹¹ – Андрей.

IV 98 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <1 июня 1937>.<1/VI/37>⁴⁹²
<Уланбатор>

<в Москву>

Родные мои Миля и Наташа!

Павел Иванович Воробьев срочно выезжает в Москву по служебным делам. Пользуюсь этим случаем для того, чтобы поставить вас в известность о всех делах и обстоятельствах, касающихся меня. П<авел> И<ванович> в полном курсе всей моей жизни, настоящей и прошлой. Поэтому можешь говорить с ним обо всем не стесняясь. По этой же причине не буду в этой записке писать подробно о себе, так как он все расскажет.

Вся эта история с затягиванием отъезда мне тоже в высшей степени тяжела, а последнее время⁴⁹³ я уже стал испытывать настоящий страх перед Монголией⁴⁹⁴, ибо дальнейшие проволочки – это крест над всем моим будущим, над всей второй половиной жизни.

Поэтому я во что бы то ни стало буду в Москве, тем более, что это отлично понимают и те, от которых зависит мой отъезд⁴⁹⁵. Эти же лица понимают и ваше положение, тем более, что я всегда ссылался на твои телеграммы и письма.

Самое же главное, мои милые, в том, что я не представляю себе дальнейшее существование без вас и приложу все усилия к тому, чтобы как-нибудь стереть память о этих тяжелых годах глупого житья врозь. Поймите все это, ибо доживать жизнь подлецом перед своей собственной семьей я, вероятно, не смогу. Заранее прошу тебя, Миля, не быть в дальнейшем, после встречи, просто свидетелем моих стараний, а как-нибудь помочь быстрейшему налаживанию совместной жизни.

Крепко целую.

Ваш папа

IV 99 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <2 сентября 1937>⁴⁹⁶.

Телеграмма

2/IX/37
из Урги

в Москву

Что <с> Наташей <?> поздравляю её <с> днем рождения выслал телеграфом
четыреста доверенность почтой здоров целую ваш Андрей.

IV 100 Автобиография Симукова⁴⁹⁷. 11 сентября 1937.

- 17 -

АВТОБИОГРАФИЯ СИМУКОВА

Для того, чтобы полнее осветить себя и, с другой стороны, дать полный ответ на поставленный мне основной вопрос, считая целесообразным начать с родимого "

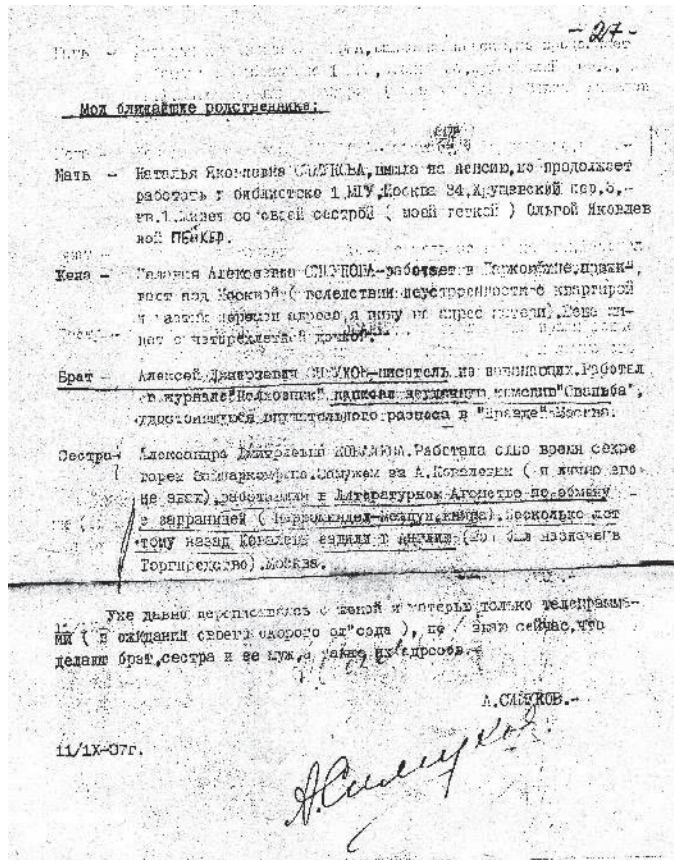
Место рождения - Вензиград, род. рожденья - 1902. Отец Дмитрий Андреевич СИМУКОВ происходил из крестьян в. о. Орловской губернии, Хинюкчического у., Лозновской волости, дер. Сидеевичи, дед - Андрей Епифанович был одно время управителем у помещика помещика, оумел устроителем мелкую продажу хлеба для себя в односельцах и поэтому отцовская деревня считалась зажиточной, богатство было много, но и кулаки не отличались особенно обширными богатствами. При этом кулаки с землей имели 40 дес., но было иной отец пошел и учиться и поступил в гимназию в Могилеве (?). Однако для меня в второй раз неудачно жена оказалась пьяницей и мотомкой - в 5-го класса отец был вынужден либо вернуть ее домой, либо продолжать учиться в школе среднего класса. Он продолжил последние 4 года обучения для того времени у дяди, председателя-гимназиста, а затем бывшего студента в Петербурге. По окончании учебы он поступил на инженерную службу, где и прослужил 470-ты рублей денег в лет 20-25, однако, познакомившись сначала с он распустился до свекрови Успенского, хотя многие из его коллег на службе дали это обещали, служил он до 4-го февраля, но после революционной был ссылан в бухгалторию, покомхозный подвальный в Петербурге и там же он служил на службе.

Мать - дочь помещика Антонина Ивановна из деревни, окончившая через елизаветинское училище в Москве и зарабатывавшая в Петербурге в последние годы своей жизни довольно много (много денег) дочку к своей свекрови, Антонина Ивановна СИМУКОВ получила, по рассказам была тоже родом из Хинюкчичи и воспитывалась в кадетской школе, как и одна из сестер баронет сестра Рената и так было много и все они считали типичными буржуазными интеллигентными девушками. Среди них был лучше всего знакомый, друг мой Сергей Шиплер - капитаном артиллерии доблестного (сестра в Санкт-Петербурге), Сергей Шиплер был военным инженером и так начал, но по какой-то причине перешел в артиллерию, т.е. много со мной и жил в Ленинграде, доходя до Абхазистана и Черкесского края. Там же был еще один из сестер горские интеллигент и поэтесса и так же была сестра Шиплер, поэтесса и писательница в Могилеве. Это Александр Шиплер, поэтесса и писательница за стороны России, один из писателей об автобиографии Монтенале. Чтобы не заблуждался в нем, в свое время являлся, что они все умерли до революции. А Шиплер вспомнил роман, заграничку. Кроме того в этих местах был Александр Шиплер, оказавший свой вклад в историю России и в историю и унаследовал доселе много земель в Могилеве.

Мать и тетя (оба жили в Ленинграде) теперь отказались от своей дачи дома и переехали в Ленинград.

Являясь семьей, волею судьбы получившей непосредственно, мать была вынуждена брать пенсионеров, думать о пенсии и т.д. Я учился в 3-й Петербургской гимназии, беря пример с хороших, в разделившихся классах отделив мою современную деятельность, были естественные и географические. Это было время направило объективно, но в области культуры и умственно развивалось в ней. Мне было в детстве, при получении, мне книгу Додсона об одной из его экспедиций по территории СССР. Этих книг было много и отчасти интересовался именно ячим участием в них. Полковник Писаревский, Полковник С. Голуб стали моими героями, читался и переписывал, отчасти отсюда следовало (взгляд) и очень много читал. Тогда писательская среда не считалась была внешне-эстетически буржуазной, интеллигентской. Там был один извлечено известных архаических демократических Камышев, Марин, Писарев, Кн. Трубицкий, Кн. Соколов и т.д.) и мне приходилось бывать в различных из этих домов. Однако мне более интересны другие предметы, был списан интересом к естественным и в него входил менее "авторитетный" человек, работа интеллигентов, политический и роль в естественности и необходимости я уже в 12 лет изучал, производил протестную маневренную с целью, знал все виды птиц, птиц, насекомых, Петровская и другие. Я считался специалистом в области естественных наук. (Тогда эти организации привели Московский университет, летом 1917г. и ездил с собой скатуками на колеевые работы на Уралку и этим же летом наша семья впервые проехала летом на родину отца, в деревню.

Григорий Скляров. Мы обещивались дома, отец принимал участие в массовом обмене частной собственности, но ввиду, как и большинство, стал работать, отчасти не считавшись с советскими. После трудной зимы 1917г., после лесной катастрофы разрушения Петровграда и его учреждения электротехники в Шахтин. Но в том обстановке стала быстро коняться к родственникам репрессии вывести семью в деревню и пропитаться там. Отец уехал служить в Москву, а мы с матерью в деревню, садиться на землю. Раздел в братстве мы отца дал нам 10 дес. полунаброманной и истинной пашни и лесосады, развешивая сарай и полевую плуги. Скоту не было, инвентаря тоже. Все надо было начинать сначала, почти не имея средств. Мать участвовала только в соседней деревне и лесом все женскую работу во хозяйству, а я был единственным работником на мужской части. Брат и особенно сестра были мне детьми, да и мне было только 16 лет. Работать приходилось много и приход все полагать, неужели мужская работа, даже и в трудностях и отдале было и уже на следующий год стала ходить на заработки по соседям (на кооперацию). Первое время жалоб не было тупо, там же на все возможности брать свое, я быстро воспринимал истину и постепенно и быстро вошел в нее. Надо сказать, что в первую трудную зиму моего периода глубоко брешалась в состоянии, вытесняя раньше все возможности Нет бреша скота лететь.

Автобиография Симукова. <11 сентября 1937 г.>

Для того, чтобы полнее осветить себя и, с другой стороны, дать посильный ответ на поставленный мне основной вопрос⁴⁹⁸, считаю целесообразным начать с небольшого «Curriculum vitae»⁴⁹⁹.

Место рождения – Ленинград, год рождения – 1902.

Отец – Дмитрий Андреевич Симуков⁵⁰⁰ происходил из крестьян б. Могилевской губернии, Климовичского уезда, Мошевской волости, дер. Сигеевки. Дед – Андрей Минич был одно время управляющим у соседнего помещика, сумел устроить дешевую продажу земли для себя и односельчан, и поэтому отцовская деревня считалась зажиточной. Бедноты было мало, но и кулаки не отличались особенно обширным богатством. При мне хозяев с землей свыше 40 дес. не было. Мой отец пошел в ученье и поступил в гимназию в Могилеве (?). Однако дед женился второй раз неудачно – жена оказалась пьяницей и мотовкой – и с 5-го класса отец был вынужден либо вернуться домой, либо продолжать ученье своими средствами. Он предпочел последнее и прошел обычный для того времени путь

репетитора-гимназиста, а затем бедного студента в Петербурге. По окончании университета он поступил на казенную службу, где и прослужил что-то очень долго лет 20–25. Однако происхождение мешало, и он дослужился до статского советника, хотя многие из его коллег по службе давно его обогнали. Служил он по М-ву финансов, и перед революцией был главным бухгалтером Госкомиссии погашения долгов. С деревней он связи не терял, посылая туда деньги и частенько влезая по этому случаю в долги. Его мечтой было по выходе на пенсию зажить на хуторе и заниматься хозяйством.

Мать – дочь врача Якова Миллера⁵⁰¹. Дед Яков – латыш из низов, выбившийся через аптекарского ученика в врачи и зарабатывавший в Петербурге в последние годы своей жизни довольно много (имел свою дачу и свой выезд). Бабушка⁵⁰² – урожденная Иегер – полунемка, полурусская – была тоже родом из Прибалтики и воспитывалась в качестве компаньонки в одной богатой семье. Детей у них было много, и все они были уже типичными буржуазными интеллигентами примерно стиля к-д⁵⁰³. Один из них⁵⁰⁴ был путейским инженером, другой – Сергей Миллер⁵⁰⁵ – капитаном крейсера Добфлота (сидел в Порт-Артуре), третий – Андрей⁵⁰⁶ был военным врачом и, как видно, разведчиком русского империализма, т.к. очень много ездил и жил в Персии, доходя до Афганистана и Персидского залива. Наконец еще один из сыновей хорошо известен в истории начала этого века, т.к. был видным дипломатом, в частности в Монголии. Это – Александр Миллер⁵⁰⁷, подписавший со стороны России один из договоров об автономии Монголии. Чтобы не возвращаться к ним (кроме последнего), скажу, что все они умерли до революции. А.Я.Миллер эмигрировал за границу. Кроме того в живых остался еще Алексей Миллер⁵⁰⁸, служивший при Соввласти в Наркомфине и Госспирте и умерший уже после моего выезда в Монголию.

Мать⁵⁰⁹ и тетка⁵¹⁰ (обе живы), идя по прогрессивному течению, отказались от безбедной жизни дома и пошли в учительницы.

Наша семья, вследствие долгов отца, жила посредственно, мать была вынуждена брать пансионерок, давать уроки и т.д. Я учился в 3-ей Петербургской гимназии. Основными интересами, определившими впоследствии мою современную деятельность, были естествознание и география. В это русло меня направил отец, прививший любовь к природе и умение разбираться в ней. Мне было 8 лет, когда он подарил мне книгу Козлова об одной из его экспедиций по Центральной Азии. С тех пор я стал интересоваться именно этим участком земного шара. Пржевальский, Козлов, С.Гедин стали моими героями. Учился я хорошо (отец строго следил за этим) и очень много читал. Товарищеская среда по гимназии была специфически буржуазной, интеллигентской. Там был ряд довольно известных аристократических фамилий (барон Нольде, кн. Трубецкой, кн. Голицин и т.д.), и мне приходилось бывать в некоторых из этих домов. Однако наиболее тесный кружок приятелей был связан интересом к естествознанию, и в него входили менее «знаменитые» фамилии рядовых интеллигентов. Готовясь к роли путешественника и исследователя я уже в 12 лет научился производить простейшую планшетную съемку, знал все виды птиц окрестностей Петрограда и писал «географические обзоры» дачной местности, где мы жили летом. Уже во время империалистической войны я поступил в бой-скауты (тогда эта организация приняла массовый характер). Летом 1917 г. я ездил с бой-

скаутами на полевые работы на Украину, и этим же летом наша семья впервые провела лето на родине отца, в деревне.

Грянул Октябрь. Мы отсиживались дома, отец принимал участие в массовом саботаже чиновничества, но затем, как и большинство, стал работать, отнюдь не симпатизируя соввласти. Прошла трудная зима 1917–18 г. Весной началась разгрузка Петрограда, и его учреждение эвакуировали в Нижний <Новгород>. Но и там обстановка стала быстро меняться, и родители решили вывезти семью в деревню и пропитаться там. Отец уехал служить в Москву, а мы с матерью – в деревню, садиться на землю. Раздел с братьями отца дал нам 10 дес. полузаброшенной и истощенной пашни и покоса, разваленный сарай и половину избы. Скота не было, инвентаря тоже. Все надо было начинать сначала, почти не имея средств. Мать учительствовала в соседней деревне и несла всю женскую работу по хозяйству, а я был единственным работником по мужской части. Брат и, особенно, сестра были еще детьми, да и мне было только 16 лет. Работать приходилось много и притом без помощи, неумелыми руками. Деревенскую премудрость я одолел быстро и уже на следующий год стал ходить на заработки по соседям (на косовицу). Первое время жилось весьма туго, тем не менее молодость брала свое, я быстро воспринимал новую обстановку и быстро вошел в нее. Надо сказать, что здоровая трудовая жизнь этого периода глубоко врезалась в сознание, вытеснив бедные воспоминания Петроградского детства.

Просидев зиму 1918–19 г. дома (у меня начинался туберкулез), я окончил в ближайшем городке⁵¹¹ последнюю группу второй ступени. Здесь же я впервые столкнулся с политической жизнью. Горячий доклад одного партработника (я до сих пор помню его фамилию) с поставленным в лоб городскому мещанству вопросом: «С кем вы – с нами или против нас? Середины нет!» в обстановке наступления поляков (последние были всего в 100 с лишним км) привел меня в комсомол. Дома отец ворчал (он уже уволился со службы и полубольной жил дома), мать поддерживала меня. К сожалению толку из моего порыва вышло немного. Городишко был мещанский, организация была без руля и без ветрил, никто мною не занимался, а у самого не хватило ума подвести под свое комсомольство какую-то твердую базу. Так следующим летом (1920 г.), когда была проведена добровольная мобилизация комсомольцев моего года, организация вызвала меня с товарищем из деревни и оставила на работе в городе, причем одно время я даже руководил организацией, совершенно не зная, что и как нужно собственно делать. Кончилось тем, что я отпросился домой, куда действительно звала летняя страда.

Надо было учиться дальше, и в конце 1920 г. с пудом муки за плечами я поехал в Москву, где жила тетка. Решив, что естествознанием заниматься не время, я начал толкаться в технические вузы. Один из преподавателей Ломоносовского института посоветовал мне поступить на Высшие военные авто-технические курсы⁵¹², занимавшиеся в том же помещении. Документы и знания были признаны достаточными, и я стал военным курсантом, хотя военного на этих курсах было немного. Я числился «добровольцем-допризывником» и, так как комсомольской организации на курсах не было, меня перевели в кандидаты ВКП(б). Я чувствовал себя «человеком от сохи» и, помню, нередко на собраниях задавал вопросы, как отзовется то или иное мероприятие соввласти на крестьянстве. Надо сказать, что и тут

мне никто не помог, а я сам не сумел войти в партработу, и мое кандидатство дало немного. Курсы просуществовали недолго, и в конце зимы их прикрыли, причем я, как доброволец-допризывник, получил бессрочный (до призыва) отпуск и уехал домой. Здесь я сделал глупость, которую до сих пор не могу себе простить – не встал на учет местной уездной организации и тем самым механически выбыл из своего кандидатства. Основным мотивом этого поступка была боязнь надолго засесть в уезде (вдобавок вдали от дома с его летней работой) по назначению организации и невозможности поэтому продолжать учебу. Примеров этому среди товарищей – комсомольцев и партийцев – было кругом много.

Отработав лето дома, я поехал снова в Москву (в лаптях и с пудом муки за плечами) и благодаря зачетной книжке <военных> курсов без экзамена поступил на первый курс Электро-механического института им. Ломоносова⁵¹³). С квартирой и питанием я устроился, поступив ночным сторожем в частную авторемонтную мастерскую. В начале 1922 г. я получил несколько уроков и оставил мастерскую, тем более, что один из её хозяев – бывший курсант тех же военных курсов – устроил мне комнату. Так пошла моя студенческая жизнь.

В начале 1923 г., когда я оканчивал второй курс института, меня как громом ударило объявление о лекции путешественника Козлова и газетное сообщение о подготовке им новой экспедиции. Все старые детские и юношеские мечты о Центральной Азии, о Тибете всплыли, я забросил институт, ходил сам не свой, отыскал Козлова и подал заявление об участии в экспедиции. Однако, надежды было мало, хотя я и постарался близко сойтись с принятыми ранее тремя молодыми людьми; заявлений было подано около 400, а требовалось 1–2 человека. Тогда я решил взять Козлова «на арапа», рассчитав, что он должен знать моего дядю Александра Миллера и, как человек дореволюционного склада, учесть это родство в мою пользу. Воспользовавшись хорошим настроением Козлова после одной из его лекций, я улучил момент, чтобы спросить, знает ли он Миллера; на радостный утвердительный ответ представился его племянником и наврал, что я писал дяде о новой экспедиции Козлова, и что дядя в ответе просил передать лучшие пожелания успеха. Нечего и говорить, что письма были моей фантазией. Но факт тот, что номер прошел, и через два-три дня Козлов уже рекомендовал меня кому-то, как будущего спутника.

Единственным из четырехсот, жаждавших путешествия в Тибет, оказался я. Поддержало меня в этой комбинации еще и то, что покойная бабушка переписывалась с сыном, и я мог ответить Козлову на вопросы о том, где живет, что делает и как чувствует себя А.Я.Миллер. Козлов попросил написать Миллеру письмо с просьбой сообщить о возможности достать какие-то бинокли. Дядя что-то ответил, помню лишь, что с биноклями не вышло, и на этом наша переписка закончилась.

26 сентября 1923 г. экспедиция П.К.Козлова перешла советско-монгольскую границу. Надо сказать, что действительно советского в ней было немного: паспорта участников, средства, снаряжение, марка и комиссар (Д.М.Убугунов), прикомандированный к ней уже в Кяхте. Козлов нарочито подобрал спутников безусловно беспартийных, без базы в смысле научной работы, заслуг и т.д., и все мы целиком зависели от него. Взаимоотношения начальника с подчиненными, внутренний режим, система подхалимства и слежки (он перлюстрировал наши письма) были целиком пересажены из старых экспедиций. Приходилось молчать, чтобы не быть

вышвырнутым на пороге долгожданной цели – путешествия. Прежний образ героя-путешественника П.К.Козлова потускнел в глазах его спутников самым основательным образом еще в самом начале работы.

Как известно, в Тибет экспедиция не пошла. В середине зимы встал даже вопрос о её полной ликвидации, но затем Козлову было разрешено развернуть работу в Монголии. Большинство участников (общее число доходило до 20) было уволено и возвратилось в Союз. Осталось всего человек 8, чуть не отправил обратно и меня, но его упростили мои ближайшие товарищи по экспедиции.

Весной 1924 г. началась работа по раскопкам Ноин-Ульских могил, причем в основном на этих раскопках работали Кондратьев, Даниленко и я. Мы жили оторванно от мира в лесу (100 км от Уланбатора), очень много и плодотворно работали, охотились. Практически, ставшие мировой известностью результаты Ноин-Ульских раскопок – дело рук нас троих.

В МНР я остался на временную работу из следующих соображений. За три года работы в экспедиции Козлова я очень полюбил страну и народ, особенно первую, т.к. народ я тогда знал еще мало. Перспектива возвращения в Союз под маркой Козлова с устройством на учебу под этой же маркой меня не устраивала.

Здесь же, в МНР, предстояло необозримое поле совершенно самостоятельной и по-серьезному любимой мной географической работы. Тогда я несколько презрительно относился к дипломам и к косной среде тогдашней Академии наук, желая заработать себе имя, вернувшись в Союз с рядом законченных научных трудов, хотя бы и написанных самоучкой-практиком.

Политически мне казалось, что всякая работа для МНР при условии правильной политической линии, является такой же советской работой, как и всякая другая на территории Союза.

Однако бесконечно сидеть в Монголии я не собирался. Заручившись обещанием поддержки со стороны ряда участников академической экспедиции 1931 года, я в начале 1932 года решил выехать в Союз и уже совсем было рассчитался с Ученым Комитетом, но был задержан мобилизовавшим меня на двухмесячную работу Штабом МНРА. После этого начались бесконечные задержки. Наконец в 1934 году я отправил в Союз семью (жену и дочку), рассчитывая, что наличие семьи в Союзе облегчит мне отъезд. Кроме того, похоронив в Уланбаторе сына, мы с женой боялись за дочку. В результате вот уже три года, как я и семья живем врозь на бивуачном положении, так как семья не имеет постоянной жилплощади и кочует под Москвой с дачи на дачу, а я живу от срока до срока назначаемых отъездов и кормлю семью завтраками. В результате жену можно считать нервнобольной⁵¹⁴.

Мне 35 лет. Четырнадцатилетняя практика научно-исследовательской работы должна быть закреплена теоретической учебой как по специальности, так и по линии марксистско-ленинского фундамента. Накопленные научные работы должны быть реализованы путем напечатания. Я считаю, что дошел до критической точки, за которой начнется постепенная потеря приобретенного, и вся моя жизнь и работа пойдут насмарку. Это равносильно самоубийству. Поэтому отъезд в Союз, хотя бы временный, и помощь по линии реализации накопленного мне жизненно необходимы, нужны, как воздух.

Заканчивая мой «*Curriculum vitae*» я хотел бы изложить вкратце свою «программу максимум» на оставшийся мне отрезок жизни.

Первым долгом необходимо в кратчайший срок реализовать то, что я получил в Монголии, т.е. напечатать написанное, написать еще несколько работ, полностью исчерпав собранный материал и опыт. Сюда входит и беллетристика, знакомящая широкие круги советских читателей с подлинной Монголией и её населением, в духе хотя бы Арсеньевских «Дебрей Уссурийского края». Одновременно необходима серьезнейшая учеба по марксизму-ленинизму и по теории специальности географа с экономическим уклоном. Все это было бы желательно закрепить получением ученой степени.

В дальнейшем моя мечта – стать специалистом не только по Монголии, в которой мне стало тесно, а по Центральной Азии в целом, включая советскую Среднюю Азию, Синьцзян, Внутреннюю Монголию, Куку и Тибет. Монгольский опыт несомненно поможет мне изучить любую из перечисленных стран в кратчайший срок, полностью. Кабинетным работником я стать теперь уже не в состоянии и в Москве мне долго не высидеть, но вместе с тем хотелось бы иметь в «столице нового мира» обеспеченный семейный угол и признание советской общественностью и наукой пользы моей работы.

Мои ближайшие родственники:

- Мать - Наталья Яковлевна Симукова, вышла на пенсию, но продолжает работать в библиотеке 1 МГУ. Москва 34, Хрущевский пер. 3, кв.1. Живет со своей сестрой (моей теткой) Ольгой Яковлевной Пейкер.
- Жена - Мелания Алексеевна Симукова⁵¹⁵), работает в Наркомфине, проживает под Москвой (вследствие неустроенности с квартирой и частых перемен адреса я пишу на адрес матери). Жена живет с четырехлетней дочкой.
- Брат - Алексей Дмитриевич Симуков⁵¹⁶), писатель из начинающих. Работал в журнале «Колхозник», написал неудачную комедию «Свадьба», удостоившуюся внушительного разноса в «Правде». Москва.
- Сестра - Александра Дмитриевна Ковалева⁵¹⁷), работала одно время секретарем Замнаркомфина. Замужем за А.Ковалевым⁵¹⁸) (я лично его не знаю), работавшим в Литературном Агентстве по обмену с границей (Наркоминдел – Междунар. книга). Несколько лет тому назад Ковалевы ездили в Англию (он был назначен в Торгпредство). Москва.

Уже давно переписываюсь с женой и матерью только телеграммами (в ожидании своего скорого отъезда), не знаю сейчас, что делают брат, сестра и её муж, а также их адресов.

11/IX-37 г.

А.Симуков
<Подпись>

IV 101 А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 16 октября 1937.

16/X/37

Телеграмма

из Урги

в Москву

Телеграфъ здоровье Наташи тчк Доверенность выслана <...> Через день два зайдет знакомый который может помочь квартирой деньгами прочим лучше меня тчк Сам выехать не могу надеюсь <на> хороший исход <во> всех отношениях⁵¹⁹⁾ жду ответа целую – Андрей.

IV 102 А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 22 октября 1937.

22/X/37

Телеграмма

из Урги

в Москву

Форменную доверенность также деньги высылаю немедленно тчк Срочно сообщите что Наташа тчк Молчал <из-за> неопределенности положения вследствие неприезда Воробьева⁵²⁰⁾ разрушившего планы <моего> отъезда тчк. Теперь <в> Учкоме один <с> вытекающими последствиями в ожидании специалистов тчк Независимо полпредством обеспечен выезд <в> январе зпт прошу немедленно компенсации квартирой Москве тчк Воробьевы выехали сходи <к> Китаеву⁵²¹⁾ телеграфъ крепко целую обеих всегда ваш – Андрей.

IV 103 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 4 ноября 1937 ⁵²²⁾

4/XI/37

Телеграмма

из Урги

в Москву

Сегодня выезжаю <в> худон⁵²³⁾ сроком месяц тчк Прошу срочно телеграфировать Цецерлик <до> востребования здоровье Наташи также твое тчк Подтверди получение обоих переводов и доверенности тчк здоров целую обеих – ваш Андрей.

IV 104 А.Д.Симуков - Н.Я.Симуковой. 29 декабря 1937.

29/XII/37

Телеграмма

из Цецерлика⁵²⁴⁾

в Москву

Поздравляю Милю <с> днем рождения зпт маму Наташу также всех <с> новым годом телеграфъте Улан-Батор здоровье привет – Андрей.

IV 105 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 18 <января – февраля> 1938.

18/I-II/38

Телеграмма

из Урги

в Москву

Закончился Пленум Учкома поздравьте <с> членством Учкома тчк по-прежнему один фактически положении советника с вытекающими последствиями тчк оклад <с> начала года повышен четыреста восемьдесят разницу получите марте тчк марте выезжаю Москву отпуск или командировку все устрою на месте тчк все письма фотографии получены спасибо целую маму Милю Наташу привет всем – Андрей.

IV 106 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <Март - апрель 1938>⁵²⁵.

<III-IV/38>

Телеграмма

из Улан-Батора

в Москву

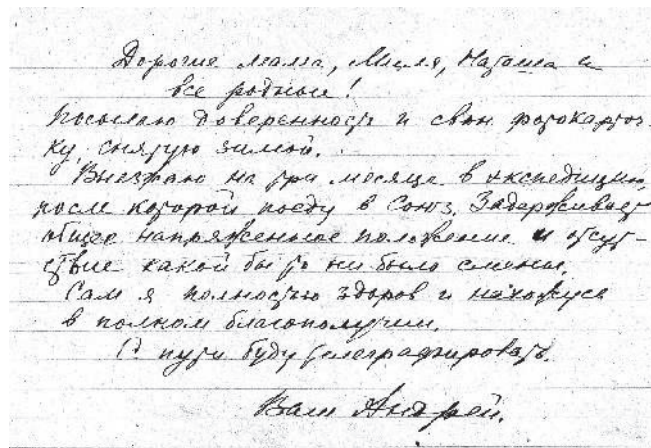
Подтвердите получение доверенности тчк получил три месяца отпуск плюс месяц командировки тчк дела сборы задерживают до первого июня ответьте немедленно подробным письмом целую всех благодарю за поздравления – Андрей.

IV 107 А.Д.Симуков - Н.Я., М.А., Н.А.Симуковым. <Август 1938>.

<VIII/38>

<из Улан-Батора>

<в Москву>

Дорогие мама, Миля, Наташа и
все родные!

Посылаю доверенность и свою фотокарточку снятую зимой.

Выезжаю на три месяца в экспедицию⁵²⁶⁾, после которой поеду в Союз. Задерживает общее напряженное положение⁵²⁷⁾ и отсутствие какой бы то ни было смены⁵²⁸⁾.

Сам я полностью здоров и нахожусь в полном благополучии.

С пути буду телеграфировать. Ваш Андрей.

IV 108 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 1сентября 1938.

1/IX/38

Телеграмма

из Цецерлика

в Москву

Поздравляю Наташу <с> первой пятилеткой тчк. Телеграфьте Кобдо <до> востребования получение второго перевода <и> доверенности также здоровье всех тчк Еду хорошо целую всех – Андрей Симуков.

IV 109 А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. <Сентябрь - октябрь> 1938⁵²⁹⁾.

<IX-X>38

Телеграмма

из Цаган нура

в Москву

Благодарю за телеграммы полученные <в> Кобдо тчк Еду хорошо здоров телеграфьте Улясутай <до> востребования – Андрей.

IV 110 А.Д.Симуков – Н.Я., М.А.Симуковым. <Январь - февраль> 1939⁵³⁰.

<I-II>39

из Улан-Батора

в Москву

Мои дорогие!
 С отъездом в СССР наладился окончательно.
 Приеду вместе с 2-3 монголами из Урхома
 для установления связи с Академией
 Наук. Перед отъездом я съезжу дней на
 10 в Гоби и дней на 5-6 в Хангай.
 Оформление и все прочее начал.
 Ждите в мае.
 Крепко целую всех
 Андрей.

Мои дорогие!

С отъездом в СССР наладился окончательно.
 Приеду с двумя-тремя монголами из Учкома
 для установления связи с Академией Наук⁵³¹.
 Перед отъездом съезжу дней на 10 в Гоби и
 дней на 5–6 в Хангай⁵³².
 Оформление и все прочее начал.
 Ждите в мае⁵³³.

Крепко целую всех. Андрей.

Москва 34
Кранохинская ул.
Хрущевский пер.
д. 3 кв. 1
Надпись Яковлевна
Симуковой.

от А. Симукова.
Монголия, Уланбаатор,
Чресный Коллежет ймн
2/III 39г.

Дорогая мамочка!

Подпись этой записки – мой старший друг –
Того, председатель одной из первых в
Монгрии сельскохозяйств, «заочный» членом Кабу-
рота союза и Я. Рассылал его к тебе, как
живого свидетеля моего существования.
Русского языка он не знает, но монскую речь
хорошо знает. Мила, или она сейчас в
Москве. Думаю, что она еще не совсем
забыла монгольский язык. М. Того – делег
делегатом на Всесоюзную сельско-хозяйствен-
ную выставку знакомился с делегацией
Советского Союза.

С моим отъездом пока не вошло и ты не
вероятно понимаешь, пока не. Трудно сказать,
когда изменился положение. Через 3-4 дня
я еду домой на 20 в Китай, затем приеду в
Уланбаатор и попытаюсь отдохнуть, как как чув-
ствую себя очень усталым, а в сентябре при-
едем с тобой еще раз в 1940. Если что-то может
быть видно что-нибудь видно и с отъездом.

Крепко целую тебя

твой Андрей

Привет и пожелай всем близким. Скажи
Лене, что видела с писателем Славинским,
Липинским и Хайревичем. Что пишет сейчас
Лена?

Москва 34
Крапоткинская ул.
Хрущевский пер.
д. 3 кв.1
Наталии Яковлевне
Симуковой

от А.Симукова.
Монголия, Уланбатор,
Ученый Комитет МНР
2/VIII 39 г.

Дорогая мамочка!

Податель этой записки – мой старый приятель Гочó, председатель одной из первых в МНР сельхозартелей, «заочным» членом которой состою и я. Посылаю его к тебе, как живого свидетеля моего существования.

Русского языка он не знает, но может быть тут поможет Миля, если она сейчас в Москве. Думаю, что она ещё не совсем забыла монгольский язык. Т. Гочó едет делегатом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку знакомиться с достижениями Советского Союза.

С моим отъездом пока не вышло, и вы все вероятно понимаете, почему⁵³⁴). Трудно сказать, когда изменится положение. Через 3–4 дня я уеду дней на 20 в Хангай, затем приеду в Уланбатор и попытаюсь отдохнуть, так как чувствую себя очень усталым, а в сентябре придется съездить еще раз в Гоби. После этого может быть будет что-нибудь видно с моим отъездом.

Крепко целую тебя.

Твой Андрей.

Привет и поцелуй всем близким. Скажи Леше, что виделся с писателями Славиным, Лапиным и Хацревиным⁵³⁵). Что пишет сейчас Леша?

<2 августа 1939>.

Москва.
 Мелании Алексеевне
 Симуковой и
 Наталье Вендреевне,
 Симуковой

г-р. А. Симуков, Москва,
 Уланбагур, Улан-Олгой Мн.

Дорогая Маша!

Записку эту составил с того, когда старшим
 приехал из Уха-Тамур сумбура Араханай-
 ского аймака, где он собрал председателем
 первой скардам, заочным членом которой
 являюсь и я. Он едет на Всесоюзную сельско-
 хозяйственную выставку в Крестове Зеленога,
 с. Мони отсюда отъезду много не было, а
 надеюсь я очень. Твоему же усталым и
 крайне бедным в паре на обжалован в
 оудке. Очень благодарен тебе за фото Зеленога.
 Она мне много помогла и показала, что
 я понималась повороте. На днях уезжаю
 на короткий срок в Араханай. Там в одном
 разе сумбура уфе и скардам. Задам попра-
 вку удокну в Уланбагуре (куда же Наврид не
 удасть), а к тебе приеду сейчас в Уба. Там
 тебе новости: в Далахуздате много поле,
 а в Баянжуниме косят тарисун на сено. Весной
 заезжал в Ниян вода. Многие знакомые уфа
 м, и обр. из родных Самарканд. В конце осени,
 возможно, с Мони отъезду что либо определит.
 Крепко целую тебе и Наталье

А.Д.С.

Москва.
Мелании Алексеевне Симуковой и
Наталии Андреевне Симуковой

отпр. А.Симуков, Монголия,
Уланбатор, Ученый Комитет МНР

Дорогая Миля!

Записку эту посылаю с Гочо́, моим старым приятелем из Ихэ-Тамир сумуна Арахангайского аймака, где он состоит председателем первой с/х артели, «заочным» членом которой являюсь и я. Он едет на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в качестве делегата.

С моим отъездом опять ничего не вышло, а надеялся я очень. Чувствую себя усталым и крайне нуждаюсь в перемене обстановки и отдыхе⁵³⁶. Очень благодарен тебе за твою телеграмму. Она мне много помогла и показала, что ты понимаешь положение.

На днях уезжаю на короткий срок в Арахангай. Там в одном только сумуне уже 4 с/х артели. Затем попробую отдохнуть в Уланбаторе (хотя это навряд ли удастся), а потом придется съездить в Гоби. Там тоже новости: в Даланцзадагае опытное поле, а в Баянтухуме косят дэрисун на сено⁵³⁷. Весной заезжал в Ноян богда. Многие знакомые умерли, главным образом из родных Санжачи⁵³⁸.

В конце осени, возможно, с моим отъездом что-либо определится.

Крепко целую тебя и Наташу.

Андрей.

IV 113 *А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 28 августа 1939⁵³⁹.*

28/VIII/39
из Цецерлика

Телеграмма

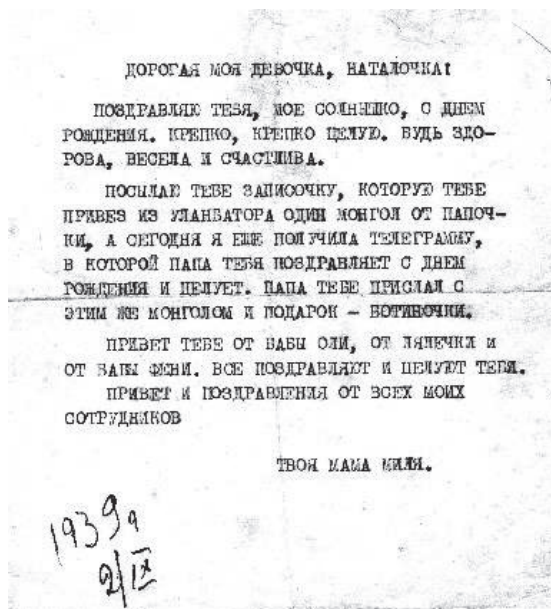
в Москву

Поздравляю Наташу днем рождения тчк Вторично прошу адрес Мили <для> новой доверенности тчк Улан-Баторе буду пятого здоров привет всем – Андрей.

IV 114 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 2 сентября 1939.

2/IX/39
из Москвы

<в Домодедово Московской обл.,
Детский сад Наркомфина СССР>

Дорогая моя девочка, Наталочка!

Поздравляю тебя, мое солнышко, с Днем рождения. Крепко, крепко целую.
Будь здорова, весела и счастлива.

Посылаю тебе записочку, которую тебе привез из Уланбатора один монгол от папочки⁵⁴⁰, а сегодня я еще получила телеграмму, в которой папа тебя поздравляет с Днем рождения и целует. Папа тебе прислал с этим же монголом и подарок – ботиночки.

Привет тебе от бабы Оли⁵⁴¹, от Лялечки⁵⁴² и от бабы Фени⁵⁴³. Все поздравляют и целуют тебя.

Привет и поздравления от всех моих сотрудников⁵⁴⁴.

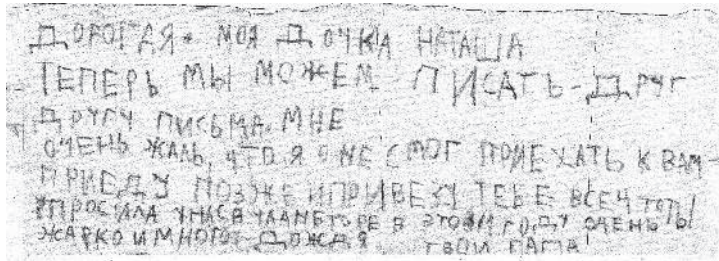
Твоя мама Миля.

1939 г.
2/IX

IV 115 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. Август 1939.⁵⁴⁵⁾

из Улан-Батора

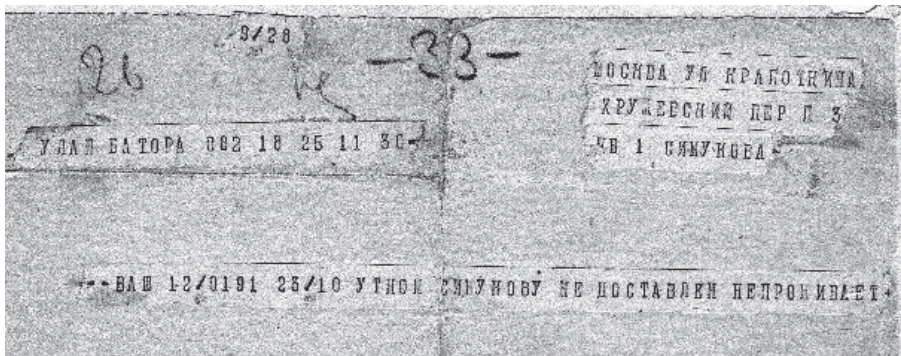
<в Москву>

Дорогая моя дочка Наташа,
 теперь мы можем писать друг другу письма.
 Мне очень жаль, что я не смог приехать к вам.
 Приеду позже и привезу тебе все, что ты
 просила. У нас в Уланбаторе в этом году очень
 жарко и много дождя.

Твой папа.

IV 116 НКСвязи СССР – Н.Я.Симуковой. <Октябрь - ноябрь> 1939.

Телеграмма

Москва ул Кратоткина
 Хрущевский пер д 3
 кв 1 Симукова

<из> Улан Батора 082 18 25 11 30 -

Ваш 12/0191 23/10 Учком Симукову не доставлен не проживает

1

Письма А.Д.Симукова, адресованные С.А.Кондратьеву, любезно переданы М.И.Клягиной-Кондратьевой в архив семьи А.Д.Симукова в 1970 г.

- 1) С.А.К о н д р а т ь е в – см. прим. 83 к гл. III.
- 2) Весной 1926 г. А.Д.Симуков получил от Ц.Жамцарано предложение работать в Ученом Комитете Монголии после окончания Монголо-Тибетской экспедиции (см. письмо № 4 от 22 января 1927 г. настоящей главы). Летом 1926 г. изменилась военно-политическая обстановка в Китае, Чан Кайши начал Северный поход, в Монголии была объявлена мобилизация. Бюджет Учкома резко сократился, принять А.Д.Симукова на работу осенью 1926 г. возможности не было.
- 3) М и н н а р х о з – Министерство Народного Хозяйства МНР.
- 4) В 1925–1926 г.г. монгольское правительство пригласило из Германии 26 специалистов по горному делу, механике и текстильному производству (*Лузянин*, 2003: 166). Владевший монгольским и немецким языками и методами топографической съемки А.Д.Симуков сопровождал от Миннархоза горного инженера F.Weiske (см. *Vaabar*, 1999: 277); в задачу поездки входило обследование золотоносного района в Хангае.
- 5) Летом и в начале осени 1926 г. С.А.Кондратьев находился в экспедиции в Кентэе. Об экспедиционной работе С.А.Кондратьева в Монголии см. *Симуков А.Д.* О работе Комитета Наук МНР. Исследование страны. // *Симуков*, 2008 б: 83–84.
- 6) По просьбе Ц.Жамцарано и договоренности его с П.К.Козловым (*Козлов*, 2003: 485). С.А.Кондратьев в 1925 г. был командирован в Учком Монголии, где работал до 1930 г., периодически выезжая в Россию для продления командировки (*Юсупова*, 2006: 50).
- 7) См. прим. 2.
- 8) Имеется в виду (*здесь*) П.К.Козлов.
- 9) На Эцзин-голе (река во Внутренней Монголии, вблизи Хара-хото) находился лагерь Южной (в «Дневниках» П.К.Козлова – Восточной) партии Монголо-Тибетской экспедиции; см. прим. 116 к гл. III.
- 10) Ч у х л о м и н П о р ф и р и й Ф р о л о в и ч (Фрольч) – забайкальский крестьянин, работал в Учкоме по хозяйственной части, участник экспедиций А.Д.Симукова и С.А.Кондратьева (возчик, охотник).
- 11) К о т я – К.К.Даниленко, см. прим. 93 к гл. III.
- 12) Е л и з а в е т а В л а д и м и р о в н а К о з л о в а (Пушкарева), см. прим. 52 к гл. III.
- 13) М о н ц е н к о п – Монгольский Народный Центральный Кооператив (заготовка и экспорт сырья и продуктов монгольского хозяйства, импорт потребительских товаров).
- 14) Х у р е (хурэ, монг. *хүрээ*) – крупный монастырь с поселениями.
- 15) О л о г о й (монг. *олгой*) – шланг, труба; *здесь* – аппендикс, отросток, ответвление дороги.

- 16) Имеются в виду: Всесвятский Петр Васильевич (1884–1938), окончил юридический факультет МГУ, советник при правительстве МНР, сотрудник полпредства СССР в МНР (1924–1930), Верховного Суда СССР (1930–1936), Наркомюста Казахской ССР (до марта 1938); арестован, расстрелян (1938), реабилитирован; его жена Елена Петровна Горбунова, участник Монголо-Тибетской экспедиции; см. прим. 53 к гл. III. В доме Всесвятских в Улан-Баторе осенью 1926 г. останавливался Н.К.Рерих с семьей и до весны 1927 г. жили сотрудники Центрально-Азиатской экспедиции Рериха. О них см. *Горбунов Алдар*. Соприкосновение с Николаем Рерихом // «Мысль» № 4. 2013. Республика Казахстан (<http://www.roerich.kz/shurnal/texts/Gorbunov.htm>).
- 17) Имеется в виду мексиканский серебряный доллар (янчан), единая финансовая и счетная единица, обращавшаяся в Китае и в Монголии до введения национальной монгольской валюты – тугрика.
- 18) Мелитина Ивановна Клягина - Кондратьева (1896–1971) – жена С.А.Кондратьева, ориенталист-индолог по образованию, зав. европейским отделом библиотеки Учкома (1926–1930), участник экспедиций Учкома 1926–1929 гг., исследователь монгольских монастырей (*Клягина-Кондратьева М.И.* Материалы к изучению буддийских монастырей. Опыт характеристики культовых и жилых построек в монастырях Кентея и Хангая. // Монгольская буддийская культура. Исследование храмов и монастырей в Хэнтее и Хангае. / Ред.- сост. Т.И.Юсупова, С.Чулуун./ *Senri Ethnological Reports* 113. National Museum of Ethnology. Osaka. 2013. С. 65–184); автор экспедиционных дневниковых записей (*Клягина-Кондратьева М.И.* 1-я Кентейская (Ононская) экспедиция / публ. и прим. К.Н.Яцковской // *Российское монголоведение*. Бюллетень. IV. М., 1996. С.125–142. *Она же*. Дневниковые записи. Хангайская экспедиция 1928 г. / публ. и прим. К.Н.Яцковской // *Mongolica* V. СПб., 2001. С. 125–151. *Она же*. Гобийская экспедиция 1929 г. / публ. и прим. К.Н.Яцковской // *Российское монголоведение*. Бюллетень. V. М., 2001. С. 412–435; впоследствии – член Союза писателей СССР (секция перевода), переводчик Р.Тагора, Р.Киплинга, фольклорных произведений.
- 19) Имеется в виду П.В.Всесвятский.
- 20) См. прим. 16.
- 21) мини монгол нырэ Даши (монг. *миний монгол нэр Даши*) – моё монгольское имя Даши.

2

- 22) У р т о н (монг. *өртөө*) – станция почтовой службы, расстояние между станциями, а также расстояние, равное приблизительно 30 км.
- 23) См. прим. 4.
- 24) Л и с о в с к и й В с е в о л о д И г н а т ь е в и ч - см. прим. 64 к гл. III.
- 25) Имеется в виду одно из направлений буддийской школы (секты) кармапа, ламы которого носили красные головные уборы.
- 26) Имеются в виду последователи Ц з о н х а в ы (Цзонхава Лобзангдракпа) (1357–1419) – тибетского религиозного деятеля, основателя буддийской школы гелугпа (*тиб.* – закон добродетели) («желтошапошники»), получившей широкое распространение в Тибете, Монголии и др. странах. Цзонхава - автор философского трактата «Ламрим Чхенмо» («Ступени великого пути»), основал

несколько монастырей, ввел строгий монашеский устав, впервые разрешил монахам иметь собственность, что кардинально изменило роль церкви. О нем см. *Цендина А.Д.* ...и страна зовется Тибетом.// М.: Восточная литература. РАН. 2006. С.128–131.

- 27) Я н г е р – сибирский горный козел (*Capra sibirica*).
- 28) А р г а л и – горный баран (*Ovis ammon*).
- 29) Г н а д е б е р г А. Г. – сотрудник Миннархоза МНР, лесничий.
- 30) Ж а м ц а р а н о Ц ы б е н Ж а м ц а р а н о в и ч – см. прим. 24 к гл. III.
- 31) Имеется в виду Академия наук СССР.
- 32) К а н а е в В а с и л и й М и х а й л о в и ч – см. прим. 78 к гл. III.
- 33) Г у с е в В а с и л и й А н д р е в и ч – препаратор, участник Монголо-Тибетской экспедиции. После ее окончания работал в Иркутском противочумном институте.
- 34) П р ж е в а л ь с к и й Н и к о л а й В л а д и м и р о в и ч (1908 - ?) - внучатый племянник Н.М. Пржевальского, участник Монголо-Тибетской экспедиции (1925–1926), впоследствии инженер - строитель автодорог (Прибайкалье, Север, Куба).
- 35) К о т я - см. прим. 93 к гл. III.
- 36) Ф у - ч и н – китаец, наемный рабочий, повар в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова, впоследствии друг, помощник и участник экспедиций А.Д.Симукова.
- 37) В т о р у ш и н Ф и л и п п - наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова.
- 38) Х а р а - х о т о (XI-XIV вв.) – был крупным торговым центром (в низовьях р. Эцин-гол) тангутского государства Си-ся (982–1226); завоеван монголами (1226), разрушен китайскими войсками (1372). Развалины Хара-хото впервые обнаружены и сфотографированы в 1907 г. Ц.Г.Бадмажаповым. Археологические раскопки Хара-хото Монголо-Сычуаньской экспедицией П.К.Козлова в 1908 и 1909 г.г. дали богатейший материал по древней тангутской письменности, истории и культуре Си-ся и сопредельных государств. Раскопки были продолжены Монголо-Тибетской экспедицией в 1925–1926 г.г.
- 39) Ш а с т и н ы - семья Ш а с т и н а П а в л а Н и к о л а е в и ч а (1872–1953) – врача, приглашенного из Иркутска монгольским правительством для организации системы здравоохранения (1923); в Урге он основал амбулаторию и больницу, названную впоследствии его именем, работал в Монголии до 1937 г., награжден монгольским орденом; с 1937 г. работал во Всесоюзном пионерском лагере Артек (см. *Шастина Н.П.* Из воспоминаний о Монголии // Книга братства / сост. *А.Гатов, С.Эрдэнэ.* Москва - Улан-Батор, 1971. С. 197–201). Жена П.Н.Шастина – Мария Игнагьевна, фельдшер; старший сын – Николай Павлович Шастин (врач, также работал в Монголии) с семьей; три других сына жили в это время в Ленинграде; дочь – Нина Павловна Шастина (1898–1980), впоследствии известный монголовед; вместе с ними жил брат П.Н.Шастина – Михаил Николаевич. (О них см. Из воспоминаний М.И.Клягиной-Кондратьевой / публ., введение и прим. *К.Н.Яцковской* // *Mongolica VII.* СПб., 2007. С 97).
- 40) Б а д м а ж а п о в ы - Бадмажапов Цогто Гармаевич (1879–1937) (см. прим. 63 к гл III.); его жена – Ида Павловна Эккель, из семьи обрусевших немцев, четверо её дочерей от первого брака (одна из них – Вера (1909–1995) впоследствии участвовала в Гобийской экспедиции А.Д.Симукова 1930 г., работала в

Государственной библиотеке) и трое общих детей: сын Гава и дочери Дэнсима и Дэви. (О них см. Из воспоминаний М.И.Клягиной-Кондратьевой / публ., введение и прим. К.Н.Яцковской // *Mongolica* VII. СПб., 2007. С. 96–97. Ломакина И.И. Монгольская столица, старая и новая (и участие России в её судьбе) / М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 134–135).

- 41) См. прим. 16 к данной главе.
- 42) К о з л о в а Е л и з а в е т а В л а д и м и р о в н а – см. прим. 52 к гл. III.
- 43) К о з л о в В л а д и м и р П е т р о в и ч (1897–1971) – сын П.К. Козлова от первого брака, ученый-почвовед.
- 44) К о з л о в а О л ь г а П е т р о в н а (в замужестве Мясоедова) (1903–1982) – дочь П.К. Козлова от первого брака, художник-иллюстратор.

3

Письма А.Д.Симукова, адресованные С.А.Кондратьеву, любезно переданы М.И.Клягиной-Кондратьевой в архив семьи А.Д.Симукова в 1970 г.

- 45) Имеется в виду домик в районе прииска Сузцуктэ в Хэнтее, в котором жили участники археологических раскопок курганов Ноин-улы.
- 46) См. прим. 24.
- 47) Имеются в виду мексиканские серебряные доллары; см. прим. 17.
- 48) *desiderata* (фр.) – желаемые.
- 49) Шара-хулусун («Желтый камыш») – богатое урочище (оазис) в районе северных склонов горной системы Цаган богдо (См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(1). С. 482).
- 50) Юм-бейсе – монастырь с поселением у южного подножья хр. Байбаян ундур. (См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(1). С.65–66).
- 51) Уйцзюн-Ван (позднее - Арбай хэрэ) – крупный монастырь и значительный торговый пункт Убурхангайского аймака. (См. *Симуков А.Д.* труды. Т. 1. С. 418).
- 52) *Salpingotus* – трехпалый карликовый тушканчик.
- 53) Видимо, имеется в виду *Capra sibirica* (см. прим. 27).
- 54) Имеется в виду дикая лошадь Пржевальского (монг. - *тахь адуу*).
- 55) *maxima* (фр.) – максимальная.
- 56) См. прим. 47.
- 57) М и л я – Мелания Алексеевна Симукова, жена А.Д.Симукова; см прим. 117 к гл. III.
- 58) Видимо, имеются в виду альбомы Ононской экспедиции 1926 г.
- 59) Ф е д я - Ф е д о р Ф е д о р о в и ч Б о л ь ш а к о в – топограф, сотрудник Ученого Комитета, участник экспедиций С.А.Кондратьева и А.Д.Симукова, заведующий кабинетом картографии (1931).
- 60) Имеется в виду Мелитина Ивановна Клягина-Кондратьева, жена С.А.Кондратьева; см. прим. 18.
- 61) Ф у ч и н - см. прим. 36.
- 62) Имеется в виду Цогто Гармаевич Бадмажапов; см. прим. 63 к гл. III.
- 63) *Sic* (фр.) – так.
- 64) Имеются в виду Всесвятские; см. прим. 16.
- 65) См. прим. 39.

4

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 209.

- 66) Наталья Яковлевна Симукова – мать А.Д.Симукова; см. прим. 3 к гл. II.
- 67) Возможно, имеются ввиду Москва и Ленинград.
- 68) См. прим. 2.
- 69) См. прим. 64 к гл. III.
- 70) имеется в виду месячная заработная плата - 125 мексиканских серебряных долларов, см. прим. 17.
- 71) По-видимому, первой родиной А.Д.Симуков считал – Россию (Петербург), где он родился и рос, второй – Белоруссию (Сигеевка), где прошла его юность.
- 72) Леша - брат А.Д.Симукова; см. прим. 11 к гл. I.
- 73) Аля - сестра А.Д.Симукова; см. прим. 10 к гл. I.
- 74) Анна Андреевна – сводная сестра Д.А.Симукова, отца А.Д.Симукова; см. прим. 32 к гл. II.
- 75) Семья Мили.
- 76) Феодосия (Федосья) Макаровна Алексеенко (ум. в 1942 г. в эвакуации) – крестьянка села Душатино, мать пятерых детей, в том числе Мили (М.А.Симуковой).
- 77) Маня – Мария Алексеевна Алексеенко (в замужестве Райхман) (1908–1999) – сестра М.А.Симуковой.

5

- 78) Козлова Елизавета Владимировна - см. прим. 52 к гл. III.
- 79) Бадмажаповы Вера и Марина - приемные дочери Ц.Г. Бадмажапова.
- 80) Синяя походная палатка.
- 81) Путешествовать «ургой» - нанимать верховых лошадей из ближайшего селения.
- 82) Станция почтово-пассажирской службы; см. прим. 22.
- 83) Заводная – запасная лошадь, которая походом идет в заводе, в запасе.
- 84) Имеются в виду мексиканские серебряные доллары; см. прим. 17.
- 85) Возможно, имеются в виду Алексей и Саша – сыновья Гавриила Мефодьевича Карчанова, старателя и охотника, работавшего при Учкоме по хозяйственной части.
- 86) Фу-чин – см. прим. 36.
- 87) Первая строфа песенки – из стихотворения, прочитанного Е.В.Козловой С.А.Кондратьеву в Суцзуктэ (см. Жизнь и научная деятельность С.А.Кондратьева (1896–1970) в Монголии и в России // подготовка к изданию, предисловие, введение, комментарий и указатели – И.В.Кульганек, В.Ю.Жукова / СПб., 2006. С. 163).
- 88) Насонов Николай Викторович (1855–1939) – биолог, зоолог, академик Петербургской академии наук. Возможно, речь идет о книге: *Насонов Н.В.* Географическое распространение диких баранов Старого Света / Петроград, 1923. 255 с.
- 89) Бялыницкий - Бируля Алексей Андреевич (1864–1937) – зоолог,

зоогеограф, полярный исследователь, член-корр. АН (1923), директор (1921–1929) Зоологического музея АН, профессор ЛГУ. Снят с должности директора в ноябре 1929 г. и до момента ареста временно исполнял обязанности старшего зоолога. Арестован в ноябре 1930 г. по «академическому делу», приговорен к 3 годам лагерей.

- 90) Сушкин Петр Петрович (1868–1928) – орнитолог, академик АН СССР (1925), научный руководитель Е.В. Козловой.
- 91) *Noblesse oblige* (фр.) – положение обязывает.
- 92) Сергей Александрович Кондратьев – см. прим. 83 к гл. III; о какой его работе пишет А.Д. Симуков выяснить не удалось.
- 93) *über* (нем.) – (здесь) – сверх, свыше.
- 94) Цаган-сар (монг. *Цагаан сар*) – дословно «Белый месяц», первый месяц нового года, а также название праздника Нового года по монгольскому лунному календарю.
- 95) Котик - К.К.Даниленко; см. прим. 93 к гл. III.
- 96) Кузнецовы – см. прим. 70 к гл. III.
- 97) Воробьевы – семья русских колонистов в Монголии (пос. Мандал), оказывали помощь экспедиции при проведении раскопок в Ноин-Уле. Вася – Васса Воробьева.

6

- 98) Помощник А.Д.Симукова по Музею – Джергал (монг. *Жаргал*).
- 99) Наемный рабочий Джамба (монг. *Жамба*), бывший лама.
- 100) В ноябре 1927 г. П.К. Козлов представил на рассмотрение правительства план новой трехлетней экспедиции в Тибет, к истокам Янцзы, с посещением Лхасы. Однако Наркоминдел и ОГПУ выступили резко против очередной центральноазиатской инициативы путешественника. Несмотря на активную поддержку со стороны Академии наук, Географического общества и др. П.К. Козлову в конце февраля 1928 г. было отказано в организации новой экспедиции.
- 101) Видимо, имеется в виду Василий Андреевич Гусев, см. прим. 33.

7

- 102) Блюмкин Яков Григорьевич (1898–1929) – левый эсэр, большевик (1921), сотрудник ВЧК (1918), ИНО ОГПУ (с 1923), учился на восточном факультете Военной академии (1920–1921), работал в секретариате председателя Реввоенсовета Л.Д.Троцкого, в 1926 г. направлен в Монголию как представитель ОГПУ и главный инструктор Государственной Внутренней Охраны, в ноябре 1927 г. по настоянию руководства Монголии отозван в Москву; работал в Закавказье, на Ближнем Востоке (1928); арестован и расстрелян в 1929 г.

8

- 103) Жения – Евгений Андреевич Миллер, кузен А.Д.Симукова; см. прим. 25 к гл. II.
- 104) Суйда – дачное место под Петроградом; см. прим. 8 к гл. I.
- 105) Леша и Аля – брат и сестра А.Д.Симукова; см. прим. 11 и прим. 10 к гл. I.

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 209–210.

- 106) *А.Симуков.* Очерк работ Гобийской партии Ученого Комитета МНР (июль-ноябрь 1927 года). // *Хозяйство Монголии.* 1927. № 1 (81). С. 86–99; см. также: *А.Д.Симуков.* Труды. Т. 3(1). С. 52–73.
- 107) *С в е н Г е д и н (Hedin von, Sven Anders)* (1865–1952) – известный шведский путешественник, исследователь Центральной, Средней и Передней Азии (Тибет, Синьцзян, Монголия, Китай, Памир, Кавказ, Персия, Ирак); Симуковы встретили Китайско-Шведскую экспедицию Свен Гедина (1927–1932); о ней см. *Sven Hedin. Auf Großer Fahrt. Meine Expedition mit Schweden, Deutschen und Chinesen durch die Wüste Gobi 1927–1928.* // Leipzig: F.A.Brockhaus, 1929. *Sven Hedin. Across The Gobi Desert.* // NY: E.P.Dutton & Co, 1932.
- 108) *С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч К о н д р а т ь е в* – см. прим. 83 к гл. III.
- 109) *Л е ш а* – брат А.Д.Симукова; см. прим. 11 к гл. I.
- 110) *А л я* – сестра А.Д.Симукова; см. прим. 10 к гл. I.
- 111) *т е т я О л я* – сестра Н.Я.Симуковой; см. прим. 18 к гл. I.

10

- 112) *П.К. Козлов* посетил Пунцук-обо (Пунцэн-обо) 6 июля 1926 г. См. *Козлов П.К.* Дневники. С. 877–879.
- 113) *К а з н а к о в А л е к с а н д р Н и к о л а е в и ч* (1871–1933) – выпускник Пажеского корпуса, натуралист, географ, путешественник; участник Монголо-Камской экспедиции П.К.Козлова (1899–1901); директор Кавказского музея естественной истории и Публичной библиотеки в Тифлисе; участник I-ой Мировой (полковник) и Гражданской войн; умер в эмиграции (Париж). Описание маршрута А.Н. Казнакова см. *Казнаков А.Н.* Мои пути по Монголии и Каму / Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1907. Т. II. Вып. I. 136 с.
- 114) *Л а д ы г и н В е н и а м и н Ф е д о р о в и ч* (1860–1923) – участник Тибетской экспедиции (1893–1895) В.И. Роборовского, начальник дунганской школы в Семиречье, сотрудник Монголо-Камской экспедиции (1899–1901) П.К. Козлова; ботаник, этнограф, свободно владел китайским языком. С 1912 г. старший коммерческий агент КВЖД в Харбине. Описание маршрутов В.Ф. Ладыгина см. *Ладыгин В.Ф.* О пересечении Гоби от Далин-туру в Су-чжоу. Вести из экспедиции П.К. Козлова // Изв. ИРГО. 1900. Т. XXXVI. Вып. II. С. 169–197. *Он же.* Поездка на верховья реки Урунгу (Булугун). Вести из экспедиции П.К. Козлова // Изв. ИРГО. 1900. Т. XXXVI. Вып. I. С. 47–66. См. также: Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1907. Т. II. Вып. II.
- 115) Имеется в виду Третье Ганьсуйское путешествие (1884–1886) Г.Н. Потанина.
- 116) *У л а р* - горная индейка.
- 117) *К о л я* - см. прим. 34.
- 118) Еще во время Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова 1907–1909 гг. недалеко от Хара-хото удалось поймать редкий экземпляр тушканчика. Позднее,

- обрабатывая коллекции экспедиции, зоолог В.С. Виноградов установил, что тушканчик представляет новый вид и род. Он назвал его именем П.К. Козлова (*Salpingotus Kozlowi*).
- 119) Б у р (монг. *буур*) – верблюд-самец.
- 120) Ц и н д э (Цэндэ) в мае-июле 1926 г. был проводником в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова.
- 121) С в е н Г е д и н - см. прим. 107.
- 122) 8 немецких сотрудников экспедиции Свена Гедина изучали по заданию фирмы *Lufthansa* атмосферные условия с целью выяснения возможности использования авиации для преодоления недоступных пустынных областей; см. *Sven Hedin. Auf Großer Fahrt. / Leipzig, 1929. S. V-VII.*
- 123) Так в тексте. Имеется в виду «препарирование».
- 124) См. прим. 38.
- 125) Обширные выдержки из экспедиционного дневника А.Д.Симукова 1927 г. приведены в авторском послесловии к книге *М.В.Колесникова, М.С.Колесников. Экспедиция идет к цели. М.: Детская литература, 1977. С. 261–270.* Авторы работали в Монголии с весны 1939 г. до осени 1945 г. В архивах Монголии дневник экспедиции 1927 г. до настоящего времени не найден.
- 126) Р е р и х Н и к о л а й К о н с т а н т и н о в и ч (1874–1947) – художник, путешественник, инициатор движения в защиту памятников культуры. С 1916 г. жил в Финляндии, США, с 1927 г. в Индии. В сентябре 1926 г. во главе Центральноазиатской экспедиции прибыл в Ургу, где пробыл до апреля 1927 г. См. также: Рерихи и Монголия /отв. ред. Ш.Бира, сост. Е. Бондаренко, Ч. Нарантуя / Улан-Батор, 2008.
- 127) Д о н и р (*dhonir*, тиб. *mgron gnyer*) – распорядитель церемоний; *здесь* – лама, представитель Далай-ламы XIII в Монголии.
- 128) Имеются в виду члены Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова: Василий Андреевич Гусев, Василий Михайлович Канаев, Константин Константинович Даниленко, Николай Владимирович Пржевальский.

11

- 129) А.Д., А н д р е й – имеется в виду А.Д.Симуков.
- 130) Д з а м б а – мука из поджаренных зерен пшеницы или ячменя.
- 131) И р б и с (монг. *цоохор ирвэс*) – снежный барс.

13

- 132) Е л е н а Э д у а р д о в н а Б у д о в с к а я - внучка А.Д.Симукова и М.А.Симуковой, славист, выпускница МГУ, работала в Институте славяноведения и балканистики РАН, ряде университетов США: Stony Brook, UCLA (Ph.D), Columbia, сотрудник Georgetown University.

14

- 133) Н а т а л и я А н д р е е в н а С и м у к о в а (1933 г.р.) – дочь М.А.Симуковой и А.Д.Симукова, окончила МГУ, к.х.н., работала в Институте биоорганической химии РАН, ряде университетов США (John Hopkins University, Boston University, Northeastern University).

- 134) См. прим. 125.
- 135) А.Д.Симукову и М.А.Симуковой довелось прожить вместе неполных восемь лет (май 1927- июль 1934).
- 136) *Надам* (монг. *наадам*) – национальное празднество, включающее традиционные три вида состязаний: борьбу, скачки и стрельбу из лука; самый большой надом, посвященный годовщине революции 1921 года, проходит в июле.

15

- 137) Имеется в виду больница, организованная и возглавляемая доктором П.Н.Шастиным; см. прим. 39.
- 138) А.Симуков. Очерк работ Гобийской партии Ученого Комитета М.Н.Р. Июль-Ноябрь 1927 г./ Хозяйство Монголии. 1928. № 1(8). С. 86–99. См. также: А.Д.Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. / Сост.: Юки Конагая, Санжаасурэнгийн Баяраа, Ичинхорлоогийн Лхагвасурэн. / Государственный музей этнологии, Осака. 2008 (далее «Труды»). Т. 3 (1). С. 61–73.
- 139) А.Д.Симуков. Очерки природы и быта Кентэя. / Хозяйство Монголии. 1928. № 2 (9). С. 93–103./ См. также: А.Д.Симуков. Труды. Осака. 2007. Т. 2. С. 561–571.
- 140) А.Симуков. О работе Гобийской экспедиции 1927 года. / Партийный журнал (*на монгольском яз.*). 1928.
- 141) О какой статье идет речь, установить не удалось.
- 142) День рождения А.Д.Симукова - 29 апреля (по новому стилю).

16

- 143) О л ь г а Я к о в л е в н а П е й к е р (урожденная Миллер) – см. прим. 18 к гл. I.
- 144) Имеется в виду дом № 3 в Хрущевском переулке Москвы (близ Пречистенки), где жили родственники А.Д.Симукова; см. прим. 108 к гл. III.

17

Фрагмент письма опубликован; см. Симуков А.Д. Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 210.

- 145) А л е к с е й Д м и т р и е в и ч С и м у к о в (1904–1995) – брат А.Д.Симукова; в юности увлекался живописью, окончил художественные курсы, впоследствии – драматург, киносценарист, писатель.
- 146) Имеется ввиду П.К.Козлов.
- 147) См. фото №113: А.Д.Симуков. Труды. Осака, 2008. Т. 3 (1). С. 578.
- 148) *et cetera* (лат.) - и так далее.
- 149) *en trois* (фр.) - втроем.
- 150) Имеется в виду С.А.Кондратьев.
- 151) Ал.Д.Симуков жил в то время в Хрущевском переулке Москвы; см. прим. 144.
- 152) Оформление нового загранпаспорта стоило около 500 руб. и включало ряд организационных сложностей – от получения характеристики в трудовом коллективе до разрешения НКВД на выезд за границу; см. также: Юсунова Т.И. Монгольская комиссия Академии Наук. История создания и деятельности 1925–1953. СПб: «Нестор-История», 2006. С. 148.
- 153) Возможно, речь идет о С.Д.Васильеве; см. прим. 31 к гл. I.

- 154) Л е в А р о н о в и ч А г р а н о в с к и й (1902–1938) – суражский друг Андрея Симукова, учился в Институте журналистики в Москве; арестован, расстрелян 1/III/38 г. в районе пос. Воркута (Ухто-Печорский ИТЛ), реабилитирован; см. *Дойков*, 2010: 341.
- 155) *Vale* (лат.) – будь здоров.

18

- 156) Хангайская экспедиция Ученого Комитета 1928 г.
- 157) В третьем номере опубликована работа: *А.Д.Симуков*. Очерки природы и быта. II. Гобийский Алтай и Центральная Гоби. / *Хозяйство Монголии*. 1928. № 3 (10). С. 79–92. См. также: *Симуков*, 2007б: 572–583.
- 158) П а в л и к (Павел Николаевич) Ш а с т и н – сын Н.П.Шастина, внук доктора П.Н.Шастина, племянник Н.П.Шастиной, впоследствии детский врач, хирург.
- 159) Имеется в виду Москва.

19

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // *Книга братства* / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 211.

- 160) *Mon frère* (фр.) – мой брат.
- 161) *Адрес и дата* (старомонг.) – Улан-Батор хото 6 декабря 1928.
couleur locale (фр.) – местный колорит.
- 162) Имеется в виду Хангайская экспедиция Ученого Комитета МНР 1928 г.
- 163) Видимо, речь идет об Ихэ-богдо.
- 164) *fili mi* (лат.) – сын мой.
- 165) Путеводители немецкого издателя Карла Бедекера по разным странам отличались точностью и полнотой информации.
- 166) Т у а п с е – морской порт и курорт на Кавказском побережье Черного моря.
- 167) Р е р и х – см. прим. 126.
- 168) Видимо, речь идет о работе: *А.Д.Симуков*. Хангайская экспедиция Ученого Комитета М.Н.Р. в 1928 году. (Путевые впечатления). / *Хозяйство Монголии*. 1929. № 1 (14). С. 78–96. См. также: *А.Д.Симуков*. Труды. Осака. 2008. Т. 3 (1). С. 178–195.
- 169) См. фото №122: *А.Д.Симуков*. Труды. Осака 2008. Т. 3 (1). С.583.

20

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // *Книга братства* / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 211–212.

- 170) См. прим. 162.
- 171) Неурожай зерновых (Украина, Сев. Кавказ) в 1927 и 1928, введение государством твердой цены на хлеб в 1927 г. и рост индустриальных центров при отсутствии хлебных запасов привели к голоду в ряде регионов СССР (Украина), введению карточной системы снабжения в городах и росту рабочих волнений в некоторых промышленных центрах (г. Шахты, Донбасс - 1927 г.). Весной 1928 г. начался широко освещаемый печатью «Шахтинский процесс» («Дело об экономической

контрреволюции в Донбассе», по которому было арестовано более 100 руководителей и специалистов угольной промышленности из ВСНХ, треста Донуголь, рудоуправлений и шахт, обвиняемых в саботаже, вредительстве, создании подпольной организации, связи с зарубежными антисоветскими центрами; пятеро расстреляны, многие отправлены в лагеря. В 2000 г. все осужденные реабилитированы «за отсутствием вины и фальсификаций доказательных материалов»).

21

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 212.

172) Имеется в виду крестьянское хозяйство в белорусской деревне Сигеевка, родине Д.А.Симукова – отца Андрея Симукова ; см. гл. I (записи 24 июля 1917 г., 5 июля 1918 г. и прим. ²⁸).

22

173) Воду (в бочке) привозил на лошади водовоз.

23

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 212.

174) Имеется в виду семья Ц.Г.Бадмажапова.

175) Очевидно, имеются в виду последствия осуждения на VII съезде МНРП (октябрь 1928 г.) так называемого «правого уклона», отстранения от управления страной причисленных к нему национал-демократов – сторонников постепенного политического и экономического развития Монголии с учетом национальных особенностей и использованием опыта не только СССР, но и наиболее развитых стран мира, и прихода к власти «левых» - сторонников ускоренного строительства социализма по примеру СССР, где в 1929 г. были осуждены за «правый уклон» и сняты с постов Н.И.Бухарин, А.И.Рыков и М.П.Томский, выступившие против свертывания НЭПа и форсирования индустриализации и коллективизации, начата ускоренная индустриализация (за счет перекачки средств из аграрного сектора в промышленный) и сплошная коллективизация, см. *Роцин*, 1999: 210–212.

Смена руководства МНР была спланирована и реализована при непосредственном участии представителей Коминтерна, см. *Лузянин*, 2003: 175–177;

176) Имеется в виду штаб МНРА; возможно, речь идет, как и в других случаях об унификации названий на картах разного происхождения, см. прим. 369, 438. Летом 1929 г. обострились отношения с Китаем, в июле Пекин объявил экономическую блокаду МНР, следствие – товарный голод в Монголии; в начале августа Китай захватил КВЖД, находившуюся в совместном управлении, что привело к советско-китайскому вооруженному конфликту и разрыву отношений, см. *Лузянин*, 2003: 190.

177) См. *А.Д.Симуков.* Маршрут Уланбатор – Удэ – Байшинту (Гурбан-Сайхан) –

- Уланбатор. (Путевые заметки Гобийской экспедиции 1929 года.) //Хозяйство Монголии, 1929. № 4 (17). С.72–83. *То же* (исправлено и дополнено примечаниями в январе 1935 года): Симуков, 2008а: 196–209. С.А.Кондратьев. Гобийская экспедиция Ученого Комитета МНР в 1929 году.// Хозяйство Монголии, 1929. № 4(17). С. 66–71.
- 178) Пучковский Леонид Сергеевич (1899–1970) – закончил факультет общественных наук ЛГУ (1925) и ЛГИЛИ (1932), учился в ЛИЖВЯ, впоследствии монголовед, специалист по истории Монголии и монгольским рукописям, к.ф.н., сотрудник ИВ АН СССР, преподаватель восточного факультета ЛГУ О нём см.: *Яхонтова Н.С., Кульганек И.В., Зорин А.В., Носов Д.А.* Леонид Сергеевич Пучковский – жизненный путь и научное наследие //Mongolica XXII, № 1. СПб. 2019. С. 6–31.
- 179) Хлебозаготовительный кризис (1927), запрещение свободной продажи хлеба (1928), сопротивление крестьян силовой коллективизации (1929) привели к сокращению производства зерна и его экспорта, т.е. к снижению валютных поступлений и сокращению вследствие этого промышленных программ, занятости и продовольственного снабжения городского населения; см. напр.: *Васюк Н.Д.* Правовые реформы в аграрном секторе России и их влияние на экономику сельского хозяйства. // Право и экономика, 2008. № 5.
- В 1929 г. введена карточная система снабжения городского населения продуктами и промышленными товарами; рабочие получали 800 г хлеба в день, служащие – 300, безработные, пенсионеры и инвалиды – 200; не выдавали карточек «нетрудовым элементам» (священникам, торговцам, домохозяйкам моложе 56 лет). Снабжение было дифференцированным в зависимости от города и предприятия. Карточная система не охватывала крестьян. Поставки промтоваров на село зависели от выполнения плана заготовок, на практике же часто не выполнялись.
- 180) Относительно перемен в Учкоме его создатель и ученый секретарь Ц.Жамцарано в эти же дни (13 июля 1929) писал г. Б.Я.Владимирцову: «В настоящее время Учком переживает такое же кризисное состояние, какое испытала и Академия Наук. Что останется в конце концов от Учкома – Аллах ведает. Останемся ли я лично и Жамьян-гун, неизвестно. Есть надежда, что Учком как научно-исследовательское учреждение будет сохранен, но будет подвергнут радикальной организации в личном составе и в смысле сближения с революционной общественностью» (Цит. по: *А.М.Решетов / О переписке Ц.Ж.Жамцарано с С.Ф.Ольденбургом и Б.Я.Владимирцовым // Orient. Вып. 2–3, 1998. С. 86).*
- Ц.Жамцарано, ошельмованный как один из лидеров «правых», был вынужден покинуть пост ученого секретаря в конце 1929 г. Об упомянутой реорганизации Академии Наук в 1929 г. см. напр.: *Яншина Ф.Т.* Неизвестный Вернадский // Вестник Российской Академии Наук. 1993. Т.63. № 9. С. 822–829.
- 181) Алексей Яковлевич Алексеев - отец Милицы; см. прим. 42 к гл. I.
- 182) Алексей Симуков, брат Андрея, учился на Высших художественных курсах; см. прим. 11 к гл. I.
- 183) Имеется в виду Академия Наук СССР.

- 184) Д а ш д о р д ж и й н Н а ц а г д о р д ж (*Дашдоржийн Нацагдорж*) (1906–1937) – поэт, писатель, драматург, переводчик, историк, общественный деятель; учился в домашней школе, на одногодичных курсах при Военно-политической академии (Ленинград, 1925), в школе журналистики и в семинаре Э.Хэниша (Берлин, Лейпциг, 1926–1929), владел русским, немецким и китайским языками, работал писарем в Военном министерстве, помощником Главкома МНА Сухэ-Батора, секретарем Военного совета, Правительства (при премьер-министре Балигийн Цэрэндордже) и ЦК партии; член МНП (с 1922 г.), делегат II и III съездов партии, сотрудник газеты ЦК союза молодежи, организатор пионерского движения в Монголии; принимал активное участие в создании Монгольской ассоциации революционных писателей (1930) и становлении Монгольского национального театра, где в 1934 г. впервые была поставлена опера «Три печальных холма» по либретто Д.Нацагдорджа; участник экспедиции В.А.Казакевича (1923), переводчик, позднее сотрудник и зав. кабинетом истории Комитета Наук Монголии (1930–1936), написал краткую историю Монголии, читал лекции по истории Монголии в Педагогическом училище. Первым браком (1923) был женат на Дамдины Пагдадулам (1907–1938), активистке женского движения, учившейся также в Германии; дочь – Цэрэндулам (1923 г.р.). В начале 30-х годов женой стала Нина Николаевна Чистякова; дочь – Ананда Шри (1934 г.р.). В мае 1932 г. Д.Нацагдорж был арестован по ложному доносу, провел в тюрьме 5 месяцев, был исключен из партии; впоследствии «не единожды изгонялся из своей эпохи и снова возвращался в нее» (*Яцковская*, 2007: 14.); после отъезда жены с дочерью в Россию (зима 1935/1936) безуспешно пытался получить разрешение на поездку к семье в Ленинград. 8 февраля 1937 г. снова арестован, приговорен к 5 месяцам принудительных работ. Умер скоропостижно 13 июля 1937 г. по одной версии – от инсульта, на улице у Дома профсоюзов, по другой – в результате отравления после посещения харчевни. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован в 1989 г. Архив Д.Нацагдорджа был спасен и передан в Комитет Наук Монголии историком Ш.Нацагдоржем. Изучение архива и поиск разрозненных прижизненных публикаций и неопубликованных работ (Цэндийн Дамдинсүрэн, Б.Содном и др.) выявило к 1960 г. около 140 единиц художественных текстов – стихи, рассказы, пьесы, либретто оперы, переводы Пушкина, Чехова, Эдгара По. Все найденные произведения Д.Нацагдорджа изданы, многие переведены на другие языки мира. (О нём см. *Яцковская* Дашдоржийн Нацагдорж / Улаанбаатар, 1974. *Она же*. Дашдоржийн, 2002: 14–94). *Sanders*, 2010: 631–633).
- 185) Г о м б о - сотрудник Комитета Наук МНР, заведующий Музеем (1930–1934) (*Чулуун С.,Тордалай Р.* Онходын Жамьян и Ученый комитет Монголии: от традиции к науке (1921–1930) // Монголо-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / ред.-сост. С.Чулуун, Т.И.Юсупова / Уланбаатар, 2012. С. 60.); участник животноводческого отряда экспедиции Монгольской Комиссии АН СССР в 1931 г.
- 186) Н и н а Н и к о л а е в н а Ч и с т я к о в а (1909 – ?) – приехала в Монголию в 1930 г. с мужем О.Намнандоржем, работала секретарем юриста Клопова; в

начале 30-х годов стала женой Дашдоржийн Нацагдоржа; в 1932 г. провела месяц в заключении; в 1934 г. родила дочь Ананда Шри; зимой 1935/1936 г. не добившись официального разрешения на отъезд в СССР, уехала с дочерью тайком к сестре в Ленинград, где работала медсестрой. О ней см. *Яцковская К.Н.*, 2002: 34, 40–41, 89–90. *Ломакина И.И.* Монгольская столица, старая и новая / М., 2006. С. 175–176.

- 187) А н а н д а Ш р и (*Нацагдоржийн Ананда Шри*) (1934–1994) – дочь Д.Нацагдорджа и Н.Н.Чистяковой, родилась в Улаанбаатаре, жила в Ленинграде (1936–1965), во время войны была эвакуирована с матерью на Алтай (1942–1945); вышла замуж (1953) за Леонида Григорьевича Кондратьева (1906 г.р.); окончила Ленинградский Политехнический институт (1958), работала в Гидроэнергопроекте (до 1963 г.), в Ленинградском Строительном институте; с 1966 г. жила в Эстонии, преподавала инженерную механику в Таллинском Политехническом институте (1966–1979), параллельно работала (1976–1979) в Таллинском институте силикатов и цемента; приезжала в Монголию на празднование 60-летия Дашдоржийн Нацагдорджа (1966); с ноября 1986 г. жила в Улаанбаатаре, получила монгольское гражданство. Ананда Шри была талантливым ученым и художественно одаренным человеком – рисовала, писала стихи, рассказы (см. *Нацагдоржийн Ананда Шри*. Хонгорхон хүмүүс / Улаанбаатар. 1997). Трагически погибла в Улаанбаатаре в канун 1995 года. О ней см. *Яцковская*, 2002: 90–92. *Sanders*, 2010: 633).

27

- 188) Имеются в виду младшие Симуковы: Аля и Алексей.
 189) А н а т о л ь Ф р а н с (*Anatole France*)(1844–1924) – французский писатель, литературный критик и общественный деятель; лауреат Нобелевской премии по литературе (1921), деньги которой он пожертвовал голодающим России.

29

- 190) Имеются в виду две экспедиции и участие на местах в работе по районированию МНР; см. *А.Симуков* / Заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1930 года / Труды. Осака, 2008. Т. 3(1). С. 242–273. *А.Симуков* / Материалы Гобийской экспедиции 1930 года / Труды. Осака, 2008. Т. 3(1). С. 274–281. *А.Симуков* / Путевые заметки Хангайской экспедиции 1930 года / Труды. Осака, 2008. Т. 3(1). С. 212–231. *А.Симуков* / Материалы Хангайской экспедиции 1930 года / Труды. Осака, 2008. Т. 3(1). С. 232–240. *А.Симуков* / Доклад о районировании бывшего Цэцэрлиг-Мандальского аймага МНР / Труды. Осака, 2008. Т. 3(2). С. 7–12.
 191) *Kinder – Küche* – часть известного выражения “*Kinder-Küche-Kirche*” (нем.) – «Дети-Кухня-Церковь», очерчивающего «идеальный» круг интересов женщины; фраза, якобы принесенная императором Вильгельмом II, появилась в печати Германии в конце XIX в.

31

- 192) Машинопись.
 193) Алтай Симуков умер 23 марта 1931 г. в Улан-Баторе от скарлатины.

- 194) М и х а и л И з р а и л е в и ч Т у б я н с к и й (1893–1937) – индолог, тибетолог, буддолог, монголовед. Окончил СПб университет (1919), ученик Ф.И.Щербатского; изучал латынь, древнегреческий, иврит, санскрит, тибетский, китайский и монгольский языки, преподаватель ПИЖВЯ/ЛИЖВЯ/ЛВИ и сотрудник АМ/ИВ АН СССР (1920–27, 1937), основоположник отечественной бенгалистики, исследователь и переводчик Р.Тагора. Работал в Монголии в 1927–1936 г.г., сотрудник полпредства СССР, ученый секретарь Комитета наук МНР (1930–1936); составил индексы к словарю философских буддийских терминов, подготовил перевод, комментарии и словарный указатель философского трактата основателя желтошапочного ламаизма Цзонхавы «Ламрим-чхенмо» (Ступени пути к просветлению), вел курс санскрита с группой лам, обнаружил в монастырских библиотеках ранее неизвестные мировой буддологии санскритские книги и рукописи и исследовал их, готовил к печати (с индексами имен) труд Самбохамбо «История буддизма в Индии, Тибете и Монголии» и перевод и комментарии к труду Чжедорин-хамбо «Реформаторское движение в ламаизме»; автор около 20 печатных работ; в период борьбы с «излишним академизмом» в СССР и в МНР (1929–1930-е г.г.) подготовил «Словарь-справочник по индо-тибетской медицине», опубликовал статьи о монгольском календаре, материалы о практических аспектах монгольского скотоводства. В 1936 г. - сотрудник ИВ АН СССР. Арестован в августе 1937 г., расстрелян 24 ноября 1937 г.; реабилитирован. Большинство подготовленных к печати трудов и архивы М.И.Тубянского бесследно исчезли. О нем см. Люди и судьбы, 2004: сетевая версия; *Кожевникова*, 2012: 64–80; Письма М.И.Тубянского к Ф.И.Щербатскому, 2012: 166–177.; см. также: М.И.Тубянский. Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода / Предисловие, подготовка переиздания, примечания, приложение Т.Е.Ермаковой и Е.П.Островской // *Mongolica XXII*, № 1. СПб. 2019. С. 64–86.
- 195) Имеется в виду делопроизводство.
- 196) М.А.Симукова обрабатывала свои данные по сборам укосных площадок в экспедиции 1931 года, составляла сводные таблицы и графики данных сети метеорологических станций и выполняла ряд других работ.
- 197) День рождения А.Д.Симукова – 29 апреля (16 апреля по старому стилю).
- 198) Алтай Симуков родился 18 апреля 1928 года в Улан-Баторе.

- 199) Имеется в виду Гобийская экспедиция 1932 г. Научно-исследовательского Комитета МНР (далее «НИК»); см. *Симуков А.* Краткий предварительный отчет о работах Гобийской экспедиции 1932 года // *Симуков А.Д.Труды.* / Осака, 2008. Т. 3(1). С. 388–400. *Он же.* Путевые заметки по маршруту экспедиции 1932 года. // *Труды.* Осака, 2008. Т. 3(1). С. 401–452.
- 200) Имеются в виду геологические сборы (коллектор – М.А.Симукова).
- 201) Г а г р ы (Гагра) – курортный город на черноморском побережье Кавказа (Абхазия).
- 202) А л е к с е й Д м и т р и е в и ч С и м у к о в работал в то время в Кронштадте; см. *Алексей Симуков / Чертов мост, или моя жизнь как пылинка истории / М.:*

Аграф, 2008. С. 173–181.

34

- 203) В выписке из метрической книги (село Душатын Суражского уезда Черниговской епархии) указана дата рождения 3 января, а крещения - 4 января 1904 г.
- 204) Т о р г с и н (1931–1936) (*здесь*) – «торговля с иностранцами» - сеть магазинов, где за валюту, золото или серебро можно было приобрести дефицитные товары: продукты, одежду и пр. (См. также: <http://rusplt.ru/fact/Torgsin-dragmetalli-8713.html>).
- 205) Ш у р а – А л е к с а н д р а А л е к с е е в н а А л е к с е е н к о (в замужестве Бендрикова) – младшая сестра Мили (М.А.Симуковой).

35

- 206) *Mea culpa!* (лат.) – моя вина!
- 207) В сентябре 1931 г. Н.Я.Симукову приняли на работу в Фундаментальную библиотеку Московского Механико-Машиностроительного Института им. Баумана (позднее МВТУ) помощником библиотекаря, через 4 месяца перевели на должность каталогизатора, затем – предметизатора.
- 208) 27 декабря 1932 г. по постановлению ВЦИК и СНК в СССР была введена единая паспортная система с обязательной пропиской паспортов. Сельское население страны, за небольшими исключениями, паспортами не обеспечивалось. Была создана паспортно-визовая служба, вошедшая в структуру НКВД, которой поручался «учет населения городов, рабочих поселков и новостроек, разгрузка этих мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов».
- 209) *Мили вспоминает:* Обедали как-то у нас Рачковские (см. прим. 381). Я смотрю, их Катенька откладывает кусочки повкуснее в сторонку, говорю ей: «Катя, кушай всё. Если захочешь, я тебе с собой ещё дам». А ребенок в ответ: «Это не мне, это – бабушке послать. Ей там голодно...».
- В 1932 г. в СССР разразился голод, охвативший территорию в 1,5 млн. кв. км с населением свыше 65 млн человек (УССР, БССР, Сев. Кавказ, Поволжье, Южн. Урал, Зап. Сибирь, Казахстан). Газеты клеймили за «срывы темпов индустриализации и коллективизации» «саботаж» крестьян и «вредительство» инженеров, ученых, аграрников, экономистов, видных деятелей хозяйственных органов, проходивших в качестве обвиняемых по сфабрикованным ОГПУ в 1930–1931 г.г. делам «Промпартии», «Трудовой Крестьянской партии» и «Союзного бюро меньшевиков». В действительности причины крылись в форсированной индустриализации, и сплошной коллективизации, что привело к массовому оттоку крестьян (главным образом молодежи) в города, а также высылке «раскулаченных», что лишило деревню еще 2,5 миллионов эффективных работников; в результате потери зерна при уборке урожая 1932 г. достигли 35–40 %. Хлебозаготовки, проводимые силовыми методами, зачастую превращались в полное изъятие у крестьян всего собранного хлеба, включая посевной материал; сопротивление подавлялось жесткими репрессиями вплоть до депортации целых станиц на Сев. Кавказе. Из Казахстана около 200 тыс. человек бежало от голода за рубеж (Китай, Монголия, Афганистан). Начался массовый исход из деревни в

города. В январе 1933 г. правительство СССР предписало ОГПУ запретить «всеми возможными средствами массовое передвижение крестьянства Украины и Сев. Кавказа в города». В пораженных голодом областях прекратили продажу ж/д билетов, создали сеть заградительных кордонов ОГПУ. За 1932–1933 г.г. от голода и лишений пострадало около 40 миллионов человек, погибло до 7 миллионов. См. *Полян*, 2001: 62–81.

- 210) *Fi donc!* (фр.) – междометие, выражающее пренебрежительное, презрительное отношение или возмущенное отрицание.
- 211) Л ю б о в ь В л а д и м и р о в н а С и м у к о в а (до замужества Аронова) (1913–2002) - жена Алексея Дмитриевича Симукова, в юности – участница самодеятельности агитбригад, выпускница МГПИ, школьный учитель, сотрудник лаб. физиологии ТашГУ и АН СССР, самоотверженная мать двоих детей.
- 212) А н а т о л и й П е т р о в и ч К о в а л е в (1902–1978) – муж Александры Дмитриевны Ковалевой (в девичестве Симуковой); член РКП(б) с 1918 г., окончил общественное отделение рабфака 2-го МГУ (1925), работал на руководящих постах в Ин-те Советского строительства (позднее Ин-т Государства и права), АРКОС'е (1932), газете «Известия», Главлите, был директором Госкультгиздата, зам. директора Издательства АН СССР; во время Великой Отечественной войны – замполит военно-санитарного эшелона.
- 213) *et cetera* (лат.) – и так далее.
- 214) М.А.Симукова работала в экспедиции коллектором и фотографом.
- 215) *Feci, quod potui, faciant meliora potentes!* (лат.) – Я сделал все, что мог; пусть, кто может, сделает лучше! (Слова Цицерона в средневековой переработке).
- 216) Из записей М.А.Симуковой (1979 г.): «Друзья моей юности – суражане, девочки из Холмской гимназии: Ева Шубова, Хана Фридендер, Беньковичи, Хая и Люба Карасик, суражские мальчишки - Мишка Кронгауз, Цитрины, Абрам Резников... Чистые сердца и души, смелые глаза. Верные друзья. Помню, как суражская молодежь «украла» Наташу Шубабко – помогли уехать в Москву, поступать в медвуз. Многие из них погибли от руки фашистов, горчайшая участь! Наташу Шубабко, работавшую врачом, расстреляли за сына-комсомольца, Хану и всех Фридендеров... Это мне рассказала тетя Поля, когда я гостила у нее в 63-м, примерно, году».
- 217) Возможно, имеется в виду В.А.Казакевич (см. прим. 54 к гл. III).

36

- 218) Речь идет о поездке сестры Андрея Али в Лондон с мужем А.П.Ковалевым, командированным на работу в АРКОС.

37

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д. Письма родным / публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 213.*

- 219) *Fili mi!* (лат.) – Сын мой!
- 220) Географический Атлас Монгольской Народной Республики / Составлен по новейшим материалам сотрудником Научно-Исследовательского Комитета МНР А.Д.Симуковым / Монголия, Уланбатор: Изд. Клуба им. Ленина, 1934. *То же*: на

монгольском языке. См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(2). С. 296. Приложение (компакт диск). Атлас содержит 18 карт, схем и картограмм, в том числе: физическую карту и карту географических провинций Монголии, административную и этнографическую карты МНР, картограмму плотности населения, карту растительности (пастбищных типов) и картограммы удельного веса отдельных видов скота в общем стаде по районам, картограмму распространения важнейших видов промысловых животных и расположения земельных районов и др., а также индексы названий по физической географии, названий сумунов и населенных пунктов.

- 221) Видимо, имеется в виду карта, известная в Монголии, как «Ногоон карт» («Зеленая карта»), изданная на монгольском и на русском языках: *Симуков А.* Физическая и административная настенная карта МНР // Улан-Батор: Монголпресс, 1937. См. *Симуков А.Д.* Труды. Т.3(2). С. 297. Приложение (компакт-диск).
- 222) Имеется в виду «Географический очерк Монгольской Народной Республики. Часть I. Физическая география. Часть II. Население, его хозяйство и государственное устройство страны. Часть III. Комплексное описание аймагов МНР». См. *Симуков А.Д.* Труды. Осака, 2007. Т. 1. С. 137–641.
- 223) *couleur locale* (фр.) – местный колорит.
- 224) *ergo* (лат.) – вследствие этого, поэтому, итак, вывод.
- 225) Имеется в виду (*здесь*) начало 20-х годов.
- 226) *a propos* (фр.) – кстати, к случаю, между прочим.

39

- 227) См. прим 212.

41

- 228) См. документ IV 39.
- 229) Б о р и с о в С е р г е й С т е п а н о в и ч (1889–1937) – сотрудник Дальневосточного секретариата ИККИ, представитель Коминтерна при ЦК МНРП и зам. уполномоченного НКВД в Монголии (1921–1922), сотрудник Восточного отдела НКВД (1922–1933, 1935–1937), секретарь Монгольской комиссии ЦК ВКП(б) (1933–1934), начальник Тибетской экспедиции НКВД (1923–1925) (о ней см. *Андреев А.И.* Время Шамбалы: 2-е изд. СПб: Изд. Дом «Нева», 2004); репрессирован, расстрелян (1937), реабилитирован (1956).

43

- 230) См. прим. 211.
- 231) Ж е б р а к А н т о н Р о м а н о в и ч (1901–1965) – генетик и селекционер, член ВКП(б) с 1918 г., участник Гражданской войны, окончил МСХА им. К.А.Тимирязева (1925) и Институт красной профессуры (1929), сотрудник кафедры зоотехники МСХА (коневодство и крупный рогатый скот), стажировался в США у Л.Данна и Т.Х.Моргана (1930–1931), сотрудник Учкома МНР (1933), зав. кафедрой генетики растений МСХА (1934 – август 1948), академик АН БССР (1940), президент АН БССР (май – октябрь 1947), сотрудник Агитпропа ЦК ВКП(б) (1945–1946), зав. Отделом науки ЦК ВКП(б) (1946); в период разгрома генетики в СССР (1947–1948) подвергался гонениям, лишился всех

постов; с 1949 г. – профессор кафедры ботаники Московского фармацевтического института, с 1953 г. работал в научно-исследовательских учреждениях АН БССР; основные труды по гибридизации, полиплоидии и иммунитету растений, биологическим основам селекции пшеницы и гречихи. (О нём см. *Шноль*, 2001: 506–531).

- 232) Желание увезти дочь из Монголии диктовалось боязнью за её жизнь: первый ребенок Симуковых – сын Алтай умер весной 1931 г. во время эпидемии скарлатины.
- 233) Возможно, А.П.Ковалева (см. прим. 212), достаточно осведомленного о внутриполитическом положении в СССР и имеющего опыт работы за рубежом, беспокоило отсутствие сведений о командировании А.Д.Симукова из СССР на работу в Монголию после окончания Монголо-Тибетской экспедиции.

45

- 234) См. прим. 220.
- 235) См. прим. 222.
- 236) См. прим. 112 к гл. III.
- 237) К а т я (см. прим. 96 к гл. III) попала в Москве под трамвай в утренней толпе, штурмовавшей редкий транспорт (опоздание на работу грозило серьезными неприятностями).
- 238) В е р а И в а н о в н а М и л л е р (см. прим. 16 к гл. I.) – мать Кати.
- 239) Очевидно имеется в виду добывание из архивов Ленинграда необходимых для оформления пенсии справок о преподавательской работе до революции.
- 240) Имеется в виду детский горшок.

47

- 241) Датируется по содержанию.
- 242) С у р а ж - уездный город в Гомельской губернии (с 1919 г.), районный центр в составе Клинцовского округа Западной области (с 1929 г.), районный центр в Брянской области (с 1944 г.); в Сураже жили в это время родители Мили – Феодосия Макаровна и Алексей Яковлевич Алексеенко (см. прим. 76 к данной гл. и прим. 42 к гл. I.).
- 243) Очевидно, имеется в виду: *Симуков А.Д.* Краткая география Монгольской Народной республики. Учебник <на монгольском яз.>. 300 стр. <указано автором> и, возможно, *Симуков А.Д.* Краткая география мира <на монгольском яз.>. 80 стр. <указано автором>; см. *Симуков*, 2008б: 230. Детальный поиск работ А.Д.Симукова на монгольском яз. в архивах Монголии не проводился.
- 244) См. прим. 220.

48

- 245) Г о м б о – см. прим. 185.
- 246) П а п а М и ш а – Михаил Израилевич Тубянский – см. прим. 194.
- 247) М а м а – Нина Аркадьевна Тубянская (урожденная Бухарина) (1902–1985) - жена М.И.Тубянского, индолог, сотрудник Комитета Наук МНР. Арестована (1941), 10 лет в ИТЛ Казахстана, до 1957 г. в ссылке (Алтай), реабилитирована.
- 248) Е ф р е м о в Андрей Андреевич (1900–1968) – театральный режиссер и педагог,

- ученик и сподвижник К.С.Станиславского; создал в Уланбаторе студию обучения актеров для Национального театра Монголии (1929–1934); см. *Ефремов А.* Творческий путь театра МНР // Современная Монголия. 1933. № 1. С. 47–54. *Он же.* Три года // Современная Монголия. 1933. № 1. С. 55–60.
- 249) *Ефремовская американка* – Margaret Wettlin (1907–2003) – жена А.А.Ефремова, писатель, переводчик, автор книги “Fifty Russian Winters, an American Woman’s Life in the Soviet Union”. John Wiley & Sons. Inc., New York. 1992.
- 250) *Тона* – верхняя часть остова крыши юрты – «массивный деревянный обруч с гнездами для уни на периферии и с выгнутыми сводом, перекрещивающимися перекладинами».
- 251) *Эрдэницзу* – монастырь, основанный Абатай ханом в 1586 г. на берегу Орхона, на месте древней столицы – Каракорума.
- 252) *Дэндуб* – Дэндэв Лхамсурэнгийн (1895–1956) – сын арата, чиновник Министерства внутренних дел (1911–1919, 1921–1925), министр юстиции МНР (1925–1930), член Малого Хурала до 1929 г., смещен с поста министра (1930) и исключен из МНРП (1931) за работу в правительстве Богдо-хана; заместитель, затем исполняющий обязанности председателя Комитета наук МНР (1932–1933), председатель Комитета наук МНР (1934–1940), автор книг «Древнейшие и современные правовые уложения Монголии» (1927), «Краткая история Монголии» (1934); репрессирован (1941), освобожден в 1946 г. О нем см. *Чулуун С.* Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / ред.-сост. С.Чулуун, Т.И.Юсупова / Уланбатор, 2012. С. 9–29.
- 253) *Амор* – Анандын Амар (1886–1941) – монгольский государственный деятель, ученый; премьер-министр МНР (1928–1930, 1936–1939), председатель Президиума Малого Хурала (1934–1936), председатель (1930–1932) и сотрудник Комитета наук МНР (1933–1934); автор ряда книг. Арестован в марте 1939 г., расстрелян в СССР в 1941 г., реабилитирован. О нём см. *Роцин*, 1999: 175–176, 208, 275, 291–294; *Лузянин*, 2003: 230.
- 254) *Байдол* (монг. *байдал*) – ситуация, обстановка, положение, вид.
- 255) *Стулов Е. А.* – ответственный секретарь (до 1935 г.) редколлегии журнала «Современная Монголия».
- 256) *Монгольский атлас* – см. прим. 220
- 257) *Русский атлас* – см. прим. 220.
- 258) Возможно, имеется в виду преподавание географии в средней школе, куда А.Д.Симуков добирался на автобусе.
- 259) См. прим. 242, 280.
- 260) *Гава* – сотрудник Комитета наук МНР.
- 261) *Дурдун* (монг. *дурдан*) – материал для летнего монгольского халата.
- 262) *Тэриг* (монг. *тэрлэг*) – легкий летний монгольский халат.
- 263) *Гутулы* (монг. *гутал*) – монгольские «широкие сапоги с острыми загнутыми сверху носками и толстой негнущейся подошвой».
- 264) *Гомбожбаб* – имеется в виду *Мөнх-Очирын Гомбожав (Мэргэн гүн)* (1906–1940) – лингвист, филолог, историк; получил образование в России (КУТВ),

- ЛИЖВЯ), Германии, Франции (в Сорбонне, у П.Пеллио); свободно владел русским, французским, немецким языками, знал китайский, тибетский, манчжурский и др.; работал в Комитете Наук МНР, в Ленинграде (ИВ), в Бурятии (с Барадийном и Н.Поппе); арестован (1937) осужден (1940) на 8 лет лагерей, погиб (по официальным данным) в Сев-Восток-лаге в 1940 г.
О нем см. «Мэргэн гүн Гомбожав», 2016; *Хишигт*, 2016: 6; *Кульганек*, 2016:11-23; *Носов*, 2016:20-26.
- 265) Р и н ч и н – Ринчен Бямбын (1905–1977) – лингвист, филолог, историк, писатель, учился в ЛИЖВЯ (1924–1927), сотрудник Комитета наук МНР (зав. лингвистическим кабинетом), участвовал в организации Госиздательства; арестован (1937), освобожден в 1942 г. в связи с необходимостью выпуска в Монголии русскоязычной газеты, сотрудник газеты «Унэн»; за сценарий фильма «Цогто тайджи» получил Государственную премию МНР (1946), которую полностью передал детям Ленинграда; директор Института языка и литературы АН МНР (с 1958 г.), академик АН МНР (1961); удостоен Золотой медали РАС (1965), Серебряной медали Союза писателей Польши (1970), награжден орденами и медалями МНР. В 2005 г. в Улаанбаатаре поставлен памятник Б Ринчену на средства Правительства Монголии (скульптор Дэнзэн Барсболд). О нем см. *Atwood Ch.P. Rinchen, Vyambyn // Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. New York: Facts On File, Inc., 2004; *Ринчен-Хабеева*, 2001: 12–13; *Britannica Монгол хурангуй толь* (далее “Britannica Монгол”), 2012: V. 2 - 478; см. также: *Modern World History Online*. Facts On File, Inc. <http://www.fofweb.com/activelink2.asp?ItemID=WE53&iPin=EME442&SingleRecord=True> (accessed December 5, 2014).
- 266) Т о н с а г (монг. *Тунсагт*) – сотрудник Комитета наук МНР.
- 267) Н. П. – Нина Павловна Шастина (1898–1980) – сотрудник Комитета наук МНР (1928–1936), библиотеки АН СССР (1937–1942), ИВ АН СССР (1946–1980), монголовед, филолог, историк; см также прим. 39.
- 268) В е р а – Вера Викторовна Бадмажапова (Балашова, Хурлат) (1909–1995) – приемная дочь Ц.Г.Бадмажапова; сотрудник Комитета наук МНР, участник Гобийской экспедиции Комитета Наук МНР 1930 г. (рук. А.Д.Симуков), впоследствии – сотрудник Государственной библиотеки Монголии.
- 269) Ц э б э н Ж. – Жамцарано Цэбэн Жамцаранович (см. прим. 24 к гл. III); почетная грамота и ценный подарок были посланы ему в Ленинград (*Чулун С.* 2012: 27).
- 270) «С т а д о с л о н о в» - кому принадлежало это прозвище, установить не удалось.
- 271) Г е о г р а ф и я м о я – см. прим. 222.
- 272) Н и н а Н и к о л а е в н а – Нина Николаевна Чистякова, см. прим. 186.
- 273) Н о с о в ы – семья врача В.Н.Носова.
- 274) Ч ж и р г а л (Жаргал) – помощник А.Д.Симукова по Музею, участник Гобийской экспедиции Ученого Комитета Монголии 1927 г. (рук. А.Д.Симуков).
- 275) А л и к – Алтай Андреевич Симуков (1928–1931), сын М.А. и А.Д.Симуковых.
- 276) А б д р а х м а н – Абдурахман Абдуллоевич Вагапов, участник экспедиций А.Д.Симукова (шофер).
- 277) А н а н д а ш и р и – Ананда Шри, см. прим. 187.
- 278) Н. Н. – Нина Николаевна Чистякова, см. прим. 186.
- 279) В переводе с «подцензурного» три последние фразы означают, что Д.Нацагдорж

снова «изолирован», Андрей навещал его жену и дочь, обе здоровы.

- 280) Приехав из Монголии летом 1934 г. М.А.Симукова с дочерью жила в Москве вместе с матерью и тетей Андрея Дмитриевича, позднее перебралась в г. Сураж, где жили родители М.А.Симуковой. Своего жилья в России у А.Д. и М.А. Симуковых не было, т.к. оба уехали в Монголию со студенческой скамьи.
- 281) Имеются в виду мать А.Д.Симукова – Наталья Яковлевна Симукова (1875–1962) и её сестра Ольга Яковлевна Пейкер (урожденная Миллер) (1873–1944).

49

- 282) Письма жены к А.Д.Симукову пропали при его аресте; для частичного восполнения утерянной информации здесь и далее приведены фрагменты писем М.А.Симуковой к матери мужа – Н.Я.Симуковой.
- 283) Полный адрес отправителя: Сураж, Западной обл., фабричный поселок, кв. Алексеенко.
- 284) П е т я - Петр Алексеевич Алексеенко (1912 г.р.), брат М.А.Симуковой, учащийся Мурманского морского техникума; арестован (1935), этапирован на Колыму (прииск «Красный партизан»), с 1941 г. на фронте в составе штрафбата, тяжело ранен; после войны работал на Московском автозаводе; реабилитирован (1963).
- 285) П а п а – Алексей Яковлевич Алексеенко, см. прим. 42 к гл. I.
- 286) Т о р г с и н – см. прим. 204.
- 287) Имеются в виду денежные переводы (тугрики в бонах Торгсина), посылаемые А.Д.Симуковым для содержания семьи и материальной поддержки матери.

50

- 288) С ы п н я к – сыпной тиф.
- 289) Р ы ж и к Я.Л. – экономист, сотрудник Научно-исследовательской ассоциации по изучению социально-экономических проблем советского и зарубежного Востока и национальных и колониальных проблем при КУТВ (Коммунистическом Университете трудящихся Востока), член подкомиссии Ученого комитета ЦИК СССР по рассмотрению плана экспедиции Монгольской комиссии 1930 г. (см. *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии Наук. С.122).
- 290) См. прим. 220.
- 291) Н о ч о в к а – неглубокое корытце, лоток, на котором сеют муку, катают хлеб, полют крупу и зерно от половы, на него выкладывают готовые печености.
- 292) В связи с массовым голодом, поразившем значительную часть СССР в 1932–1933 г.г. (см. прим. 209) в 1934 г. сохранялась карточная система снабжения населения товарами первой необходимости, введенная в 1929 г.; карточки на хлеб отменили с 1 января 1935 г., на мясо, рыбу, жиры, сахар, картофель – с 1 октября, на промышленные товары – с 1 января 1936 г.
- 293) Обмен валюты на советские деньги осуществляли обменные пункты по официальному курсу Госбанка; в 1934 г. стоимость доллара по этому курсу составляла 1,2 рубля, его реальная стоимость (на «черном» рынке) равнялась 55 рублям.

51

- 294) Средний заработок интеллигента в Москве 1934 г. – 200 червонных рублей, что

равноценно 4 рублям бонами Торгсина (реальная ценность червонного рубля – 2 золотых копейки). Продуктов, которые можно было купить по карточкам, нехватало. На рынке: стакан молока – 1 рубль, одна картофелина (зимой) – до 50 коп., фунт мяса – 12–15 руб., свинины – 40 руб. (см. *kapuchin.livejournal.com*).

52

295) М а р у с я – сестра М.А.Симуковой; см. прим. 77.

54

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 214.

296) имеется в виду контора Торгсина.

297) М.И.Тубянский, см. прим. 194.

298) Б у к и н и ч Д м и т р и й Д е м ь я н о в и ч (1882–1939) – антрополог, археолог, этнограф, инженер-мелиоратор; окончил Инженерно-агрономическое отделение Петровской (совр. Тимирязевской) Сельскохозяйственной Академии (ТСХА) (1907), Петроградский Археологический Институт (1917), Институт рыборазведения при ТСХА (1920), 3 курса Антропологического Института им. Анучина; начальник изысканий на Памире, в Горной Бухаре, Кара-Кумах, Северной Персии (от Отдела Земельных Улучшений, до 1917 г.); участник двух экспедиций в Афганистан (в 1924 г. - в составе экспедиции Н.И.Вавилова); начальник и участник ряда экспедиций в Средней Азии (1920–1932); первооткрыватель анауского поселения Ак-тепе, создатель принятой и сейчас схемы истории ирригации в Средней Азии и карты почв Афганистана; соавтор Н.И.Вавилова (*Вавилов Н.И., Букиннич Д.Д.* Земледельческий Афганистан /Л. 1929); труды по археологии, антропологии, этнографии, географии, мелиорации и ирригации; сотрудник Комитета Наук Монголии (1933–1934) – руководитель Орхонской экспедиции (гидротехническая и археологическая партии) – раскопки в Каракоруме, Хара-Балгасуне, Хадасане, Хушо-Цайдаме, обследование района Цайдамских озер, этнографические сборы. Отчеты хранятся в архиве Института истории АН Монголии. После Монголии работал в Средней Азии. Окончил жизнь самоубийством вследствие террора 30-х годов (см. напр., *Формозов А.А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская археология. 1998. № 3. С.191–206). О нём см. *Вавилов Н.И.* Дмитрий Демьянович Букиннич // Изв. Всесоюзн. Геогр. о-ва (ВГО). 1939. Т. 71. №5. С. 758–759.

299) Имеется в виду крупозное воспаление легких.

300) В 1918 г. Андрей Симуков заболел туберкулезом.

301) См. прим. 222; монография закончена в 1934 г., переведена автором на монгольский яз. (1936), издана (на русском яз.) в 2007 г.: *Симуков А.Д.* Географический очерк Монгольской Народной Республики // *Симуков А.Д.* Труды / Осака, 2007. Т. I. С. 137–641.

302) З л а т к и н И л ь я Я к о в л е в и ч (1898–1990) – участник Гражданской войны, генеральный консул СССР в Зап. Китае (1930–1934), советник посольства СССР в МНР (1934–1938), сотрудник МИД СССР (1938–1941), участник Великой Отечественной войны, окончил истфак МГУ (1947), к. и. н. (1948), д. и. н. (1962),

- научн. сотр. ИВ АН СССР (с 1950 г.)
- 303) См. прим. 289.
- 304) См. прим. 220.
- 305) Х у д о н (монг. *хөдөө*) – сельская местность, провинция; Симуков добивался решения Комитета Наук об организации экспедиции.
- 306) Имеется в виду полпредство СССР в МНР, расположенное в восточной части Улан-Батора.
- 307) Видимо, имеется в виду клуб при Комбинате им. Соднома (первое крупное промышленное предприятие по переработке шерсти и кож, спроектировано советскими инженерами, пущено в строй в 1934 г.; см. напр.: *Симуков А.Д.* Труды. Т.1. С. 391).
- 308) Ц з а н д р а (Зандраа Цэвэнийн, 1919 г.р.) – сотрудник Комитета Наук; впоследствии кинорежиссер и сценарист; окончил ВГИК (1948), своим учителем считал А.В.Шнейдерова (фильм «Великий перелет» 1925 г. и др.); работал на студии Монголкино (1948–1991). Фильмы: «Новый Год» (1961), «Ошибка» (1955), «Наши мелодии» (1956), «Два друга» (1963) и др. Соавтор книг «Основы творчества» (1949), «Основы киноискусства». О нём см. Britannica Монгол, 2012: V.1 - 282.
- 309) В августе 1933 г. дом, где Симуковы занимали две комнаты, ремонтировался, отец семейства был в экспедиции, и М.А.Симукова жила у друзей.
- 310) К и р о в (Костриков) С е р г е й М и р о н о в и ч (1886–1934) – советский государственный и партийный деятель, первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) (1927–1934), член Политбюро ЦК ВКП(б) (с 1930), секретарь ЦК ВКП(б) (с 1934), был убит 1 декабря 1934 г. в здании обкома. Официально было заявлено, что Киров стал жертвой заговорщиков – врагов СССР. Последовали массовые аресты, в первую очередь бывших сторонников зиновьевской оппозиции, арестованы Г.Е. Зиновьев (бывший руководитель партийной организации Ленинграда) и Л.Б.Каменев. На процессе (28–29 декабря 1934 г.) в организации убийства С.М.Кирова обвинили (и расстреляли) 14 человек (главным образом комсомольских руководителей Ленинграда), являвшихся якобы участниками «зиновьевской антисоветской группы в Ленинграде» и «подпольной террористической контрреволюционной группы» под руководством «Ленинградского центра». Затем последовал процесс «Московского центра». Убийство С.М.Кирова стало началом новой волны массовых репрессий. Только за 1935 год из Ленинграда и Ленинградской области было выслано около 40 тыс. человек, более 24 тыс. приговорены к разным наказаниям. Действительные причины убийства С.М.Кирова и последующих репрессий (борьба Сталина за неограниченную власть в партии и государстве) были впервые озвучены в закрытом докладе Н.С.Хрущева XX съезду партии (25 февраля 1956 г.); публикации (в советской печати) появились в конце 80-х годов. Вкратце: на XVII съезде партии (26 янв.-10 февр. 1934 г.) выявилось растущее недовольство Сталиным среди старых партийцев; в кулуарах съезда шли переговоры о замене его Кировым на посту ген. секретаря (Киров отказался); при выборах Центрального Комитета около 25% делегатов проголосовали против Сталина; итоги тайного голосования были фальсифицированы, Сталин остался ген. секретарем. В ближайшие годы более 56% делегатов съезда, названного

«Съездом победителей», были арестованы по обвинениям в контрреволюционных преступлениях, около 70% членов и кандидатов в члены ЦК, избранного съездом, репрессированы и уничтожены; 5 человек покончили жизнь самоубийством. См. напр.: *Роговин В.* Сталинский неонэп //Была ли альтернатива (серия). Т. 3. Главы V, IX. М., 1994.

- 311) См. прим. 276.
- 312) *A propos* (франц.) – кстати, к случаю, между прочим.
- 313) К о л и к о в - участник (практикант при В.Д.Якимове) Гобийской экспедиции Комитета Наук 1931 г. (рук. А.Д.Симуков).
- 314) Я к и м о в В а с и л и й Д м и т р и е в и ч – из семьи забайкальских казаков, с 1921 г. – в Красной Армии (ЧОН), окончил Военно-политическую школу Сибирского Военного округа (1924), политработник кавалерийской бригады (1924–1928); 1925–1927 – на политработе в МНР; студент ЛВИ (1928–1932); командирован в МНР (1930); участник (от Экономсовета МНР) Гобийской экспедиции 1931 г. Комитета Наук (рук. А.Д.Симуков); аспирант ЛВИ (1933–1935); преподаватель ЛВИ и ЛГУ (экономика и новейшая история Монголии); сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1937–1941); погиб на Ленинградском фронте в 1941 г.
- 315) Имеется в виду Московский Институт Востоковедения (МИВ) (1920–1954), некоторое время институт носил имя Н.Н.Нариманова.
- 316) См. прим. 289.
- 317) К У Т В – Коммунистический университет трудящихся Востока (1921–1938, с 1923 г. им. Сталина) – учебное заведение Коминтерна (в Москве) для студентов азиатских национальностей (в разное время – до 73-х) из СССР и других стран; студентами КУТВ были Дэн Сяопин, Хо Ши Мин, Лю Цаоци, Назым Хикмет, Уржигийн Ядамсурэн (народный художник МНР), Элдэв-Очир (член Президиума РСМ), Лувсаншарав (секретарь ЦК МНРП), в 1929 г. в КУТВ обучались 38 студентов из МНР; в 1927 г. при КУТВ создана Научно-исследовательская ассоциация по изучению социально-экономических проблем советского и зарубежного Востока и национальных и колониальных проблем. В КУТВ издавался журнал «Революционный Восток». См. в: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> ; см. также: *Rupen Robert A. Mongols of the Twentieth Century /Indiana University Publication. Uralic and Altaic Series, Vol.37. Part 1. 1964. P. 222, 235.* (Далее: *Rupen R.A. Mongols of the Twentieth Century. 1964.*)
- 318) Видимо, имеются в виду сотрудники востоковедных учебных и научных центров Ленинграда.

55

- 319) Имеются в виду родственники А.Д.Симукова, обитавшие с семьями в доме по Хрущевскому переулку.
- 320) Федосью Макаровну обследовали в клинике в Москве, где жила её дочь Мария с детьми и мужем – Р.С.Райхманом, нейро-хиругом, сотрудником Н.Н.Бурденко.
- 321) Речь идет о первой пьесе Алексея Симукова «Весна» в соавторстве с его другом Ефимом Гольдбергом (впоследствии писатель Ефим Дорош): *Симуков А., Гольдберг Е.* Весна / М.: Художественная литература, 1934.

57

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 214.

- 322) Л у т к а (укр.) – притолока, дверной или оконный косяк.
- 323) М а р и н а – приемная дочь Ц.Г.Бадмажапова, её муж Э л ь м а р К е й в - шофер, участник Гобийской экспедиции Учкома 1929 г. (см. *Клягина-Кондратьева М.И.* Гобийская экспедиция 1929 г. / публ. и прим. К.Н.Яцковской // Российское монголоведение. Бюллетень V. М., 2001. С.412–435.
- 324) Возможно, имеется в виду Нина Артуровна Тиханова.
- 325) См. прим. 289.
- 326) См. прим. 222.
- 327) Имеется в виду Великий Народный Хурал (совр. Великий Государственный Хурал) – высший законодательный орган (парламент) Монголии.
- 328) С о д б о - практикант в Хангайской экспедиции Комитета Наук и МСЗ МНР 1933 г. (рук. А.Д.Симуков), сотрудник кабинета картографии Комитета Наук.
- 329) Б у к и н и ч Д. Д. – (см. прим. 298) был соседом А.Д.Симукова по домику во дворе Комитета Наук.
- 330) Ц з о л и к (дзоллик, монг. – *золиг*) – фигурка человека, обычно из теста, выставляемая духам как жертва-замена больного человека, чтобы откупиться от них.
- 331) См. прим. 220.
- 332) Имеется в виду Р а д н а О ч и р (1900–1978) – жена Б. Ринчена (см. прим. 265), мать Нямы, Шинцзы, Индры и Барсболда; владела четырьмя языками, работала в газете «Унэн».
- 333) Имеется в виду жена сотрудника Комитета Наук Г а в ы.
- 334) Д а н д а р - участник работ геологического отряда экспедиции АН СССР 1931 г.

59

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 214–216.

- 335) См. прим. 110 к гл. III.
- 336) См. прим. 93 к гл. III.
- 337) См. прим. 220.
- 338) *Dixi* (лат.) – я сказал.
- 339) Предполагаемый аванс в случае публикации «Географического очерка МНР».
- 340) См. прим. 289.
- 341) См. прим. 222.
- 342) См. прим. 220.
- 343) См. прим. 212.
- 344) Л а п и н Б о р и с М а т в е е в и ч (1905–1941) – поэт, прозаик, журналист, владел несколькими европейскими и восточными языками, автор книг: «Повесть о стране Памир», «Тихоокеанский дневник», «Двадцать дней в Индии» и др., в соавторстве с З.Хацревиным и Л. Славиным – «Лето в Монголии» (1939), военный корреспондент на Халхин-голе (1939); погиб на фронте Великой

Отечественной войны.

- 345) Х а ц р е в и н З а х а р Л ь в о в и ч (1903–1941) – писатель, киносценарист, окончил экстерном Институт восточных языков (1925), автор книги «Тегеран», в соавторстве с Б. Лапиным – «Америка граничит с нами», «Сталинабадский архив», «Путешествие» и др., военный корреспондент на Халхин-голе (1939), погиб на фронте Великой Отечественной войны.
- 346) С л а в и н Л е в И с а е в и ч (1896–1984) – писатель, драматург, киносценарист, участник I-ой Мировой, Гражданской и Великой Отечественной войны; автор романа «Наследник», повести «Мои земляки» (фильм «Два бойца»), пьесы «Интервенция», сценариев фильмов «Сын Монголии» (1936) в соавторстве с Б.Лапиным и З.Хацревиным, «Возвращение Максима»; военный корреспондент на Халхин-голе (1939).
- 347) См. *Симуков А.Д.* Краткая география Монгольской Народной Республики [Учебник]// *Симуков А.Д.* Труды. Осака, 2007. Т. I. С. 642–772.
- 348) А р с е н ь е в В л а д и м и р К л а в д и е в и ч (1872–1930) – путешественник, географ, этнограф, исследователь Дальнего Востока, писатель; окончил Петербургское юнкерское пехотное училище (1895); на Дальнем Востоке с 1900 г., описал рельеф Приморья, впервые детально изучил горную систему Сихотэ-Алиня, обнаружил истоки и исследовал крупные реки Приморья, впервые выделил и изучил две резко различные климатические зоны Приморья, изучал флору и фауну Приморья, инициатор создания на Дальнем Востоке природных заповедников; описал быт и нравы коренного населения Дальнего Востока; член ИРГО (с 1909 г.); автор книг «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу», «Китайцы в Уссурийском крае», «Быт и характер народностей Уссурийского края» и др.
- 349) См. прим. 339.

61

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 216.

- 350) Местонахождение остатков ископаемой фауны к северу от хребта Гильбэнту, обнаруженное в 1931 г. по указаниям местного населения писателем Б. Чудиновым в поездке от Хубсугула до Южно-Гобийского аймака. См. *Симуков А.* Остатки ископаемой фауны в Ширэгин-Гашунской впадине// *Симуков А.Д.* Труды. Т. I. С. 837–850.
- 351) Имеется в виду Дондог Юмцунов – аспирант Комитета Наук, сопровождавший Б.Чудинова в поездке 1931 г.
- 352) Видимо, имеется в виду В л а д и м и р Х р и с т о ф о р о в и ч Т а и р о в (Рубен Артемьевич Тер-Григорян) (1894–1938) – военный советник в Китае (1924–1927), работал на разных должностях в РККА (1927–1935), полпред СССР в МНР (июль 1935 - апрель 1937); арестован в августе 1937 г., расстрелян.
- 353) Ч у ц к а е в С е р г е й Е г о р о в и ч (1876–1944) – зам. пред. Сибревкома (1921–1922), председатель Дальневосточного крайисполкома (1927–1929), член президиума ЦИК (1929–1933, 1935–1938), полпред СССР в МНР (февраль 1933 - июль 1935); исключен из ВКП(б) (1938), уехал из Москвы, работал в

- Камышлове, Свердловске.
- 354) Ш а с т и н Н и к о л а й П а в л о в и ч – врач, сын доктора П.Н.Шастина (см. прим. 39), работал в Монголии с 1926 г., один из создателей и преподаватель курсов медсестер в Улан-Баторе; его сын (Павел Николаевич Шастин мл., детский хирург) и внук (Николай Павлович Шастин мл., детский хирург-ортопед) продолжая традиции семьи, также работали в Монголии.
- 355) См. прим. 267.
- 356) Семья М.И.Тубянского (см. прим. 194).
- 357) См. прим. 273.
- 358) См. прим. 94.
- 359) Ц э ц э н х а н – (монг. *Сэцэн хан*) – повидимому, имеется в виду Цэрэндондовын Навааннэрэн (монашеское имя Юндэнбазар) – зам. председателя НИК МНР Юндунбацзар («Мэргэн гүн Гомбожав», 2016: 244); о нем см.: Britannica Монгол, 2012: V. 2. - 397.
- 360) См. прим. 252.
- 361) Б а д м а ж а б Ц е д е н о в н а – жена Цэбэна Жамцарано (см. прим. 24 к гл. III); при вынужденном отъезде Ц.Жамцарано в СССР осталась в Монголии, умерла в Улаанбаатаре в 1938 г.
- 362) Г р у ш а (А г р и п п и н а Н и к о л а е в н а Б о р ж о н о в а, Оюун Билиг) – жена Мэргэн Гомбочжаба (см. прим. 264), монголовед, окончила Иркутский университет, сотрудник Буручкама, ассистентка Н.Н.Поппе в экспедиции 1930 г. в Вост. Бурятию, участвовала в составлении словаря аларских говоров. В 1935 г. уехала с детьми к мужу в Ленинград. После ареста Гомбочжаба его семья была выселена из квартиры, имущество конфисковано, жена с детьми выслана на Урал, где она преподавала в сельских школах русский язык и литературу. С 1948 г. ло 1958 г. жила и работала в Ташкенте; в 1958 г. получила разрешение вернуться с дочерью в Улан-Батор. Сын Зоригт (1931–1982) окончил Военно-медицинскую академию в Ленинграде, гл. врач Центральной больницы г. Сызрань (1966–1981), Заслуженный врач СССР (1978). Дочь Билэгт (1933–2013) окончила педвуз в Ташкенте (1955), преподавала русский язык и литературу, работала в системе образования 54 года. Её дети, внуки Гомбочжаба и А.Н.Боржоновой, окончили Медицинский университет Монголии. Т.Тамир – Заслуженный врач Монголии (2009). Т.Аира получила степень доктора медицины в Японии. Именно на их долю выпало рассказать миру о Мэргэн-гуне Гомбочжабе и истории его рода в замечательной документальной книге, изданной Институтом истории и археологии АН Монголии к 110-летию ученого (Мэргэн гүн Гомбожав, 2016). См. также: *Ripen*, 1964: 253; Люди и судьбы, 2004 (сетевая версия). после ареста Гомбочжаба (1937) выслана с сыном Зоригту (6 лет) и дочерью Биликту (3 года) в Башкирию, преподавала в сельской школе (до 1940 г.); в 1958 г. получила разрешение вернуться с дочерью в Улаанбаатар. О ней см. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / подг. изд. Я.В.Васильков, М.Ю.Сорокина /СПб.: Петербургское востоковедение; сетевая версия, 2004; см. также: *Ripen*, 1964: 253; Люди и судьбы, 2004 (сетевая версия).
- 363) «соломенная вдова» – замужняя женщина, временно живущая отдельно от супруга; женатый мужчина в таком положении – «соломенный вдовец».

- 364) См. прим. 264, см. также: *Кульганек*, 2016: 11.
- 365) См. прим. 328.
- 366) ТЭЖЭ – торговая марка от сокращенного названия Треста Жир-кость (Государственный трест высшей парфюмерии жировой и костеобрабатывающей промышленности), возродившего парфюмерное производство в России, в том числе на базе знаменитой до революции фабрики Брокара (впоследствии «Новая Заря»); руководила трестом (1932–1936) Полина Жемчужина – жена В.М.Молотова.
- 367) Фильм о герое Гражданской войны В.И.Чапаеве, созданный Г.Н.Васильевым и С.Д.Васильевым (литературный псевдоним «братья Васильевы») в 1934 г. (по материалам Д.Фурманова и А.Н.Фурмановой). С.Д.Васильев – друг юности А.Д.Симукова, скаут-мастер Петроградской дружины в 1917–1918 гг.; см. прим. 31 к гл. I.
- 368) Имеются в виду конфликты между монгольскими и японо-манчжурскими пограничными отрядами в районе монголо-манчжурской границы в начале и в конце января 1935 г.; переговоры о демаркации границы между Монголией и Манчжоу Го (июнь–ноябрь 1935 г.) к успеху не привели (см. *Лузянин*, 2003: 200–204; *Шишов*, 2005: 97; *Воронов, Крушельницкий*, 2019а: 3; *Чуров*, 2019: 10).
- 369) В начале 1932 г. А.Д.Симуков был мобилизован Штабом МНРА на двухмесячную работу (см. также прим. 438), возможно, в связи с событиями в Манчжурии: после захвата большей части Манчжурию Манчжурии (сентябрь 1931 г.) в феврале 1932 г. Япония провозгласила независимость Манчжурии от Китая, а в марте – создание государства Манчжоу Го (часть Внутренней Монголии, Барга и Манчжурия), правительство которого полностью контролировалось штабом Квантунской армии Японии, расквартированной на его территории; одновременно японские войска взяли Шанхай; см. *Лузянин*, 2003: 192.
- 16 марта 1932 г. была организована Монгольская комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством К.Е.Ворошилова «для разрешения всех вопросов, касающихся Монголии», ликвидирована 17 марта 1939 г. (*Лузянин*, 2003: 238, 258). В 1932–1933 гг. на пленумах МНРП обсуждалась японская угроза МНР и СССР, в Монголию приглашены (направлены?) советские военачальники К.К.Рокоссовский, Я.З.Прокус, В.А.Судец и др., СССР предоставил МНР кредиты оборонного значения, проводилась модернизация монгольской армии (*Лузянин*, 2003: 197). Летом 1935 г. Советский Союз направляет в Монголию технику, вооружение и подразделения РККА, включая авиаотряды, бронемашину, зенитные установки и др. (*Воронов, Крушельницкий*, 2019а: 3; *Чуров*, 2019: 10).
- 370) Г а в р и л М е ф о д ъ е в и ч К а р ч а н о в – охотник, старатель, работал по хозяйственной части при Комитете Наук МНР.
- 371) Имеется в виду «рекомендация» (фактически, приказ) советских официальных инстанций вернуться в СССР.
- 372) См. прим. 70 к гл. III.
- 373) Имеется в виду примета.
- 374) Т у р т а н о в А л е к с е й А л е к с е в и ч – шофер, работал в Монголо-Тибетской экспедиции П.К.Козлова, в Ученом Комитете МНР, участник многих поездок А.Д.Симукова по Монголии, ветеран Монголтранса. О нем см. *Ломакина Инна*. О том, как «пробивался след»... (рассказ шофера) // Книга братства / сост.

- А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 485–489.
- 375) Имеется в виду Союзнефтеэкспорт – Всесоюзное государственное объединение по продаже продуктов газовой и нефтяной промышленности Наркомвнешторга СССР, прежде – Нефтесиндикат (1923–1929) при ВСНХ; в 1934 г. имел нефтебазы в Улан-Баторе, Алтанбулаке, Турте, Баянтумэне, агентства в трех и склады в семи населенных пунктах МНР.
- 376) См. прим. 59.
- 377) Д а р г а (монг. *дарга*) – начальник.
- 378) См. прим. 252.
- 379) Имеется в виду М.И.Тубянский (см. прим. 194).
- 380) Возможно, имеется в виду окончание работы над учебником географии, см. *Симуков А.Д.* Краткая география Монгольской Народной Республики // *Симуков А.Д.* Труды. Т. I. С. 642–771.
- 381) Р а ч к о в с к и й И в а н П е т р о в и ч (1878–1961) – геолог (геология и тектоника Центральной Азии), участник экспедиций в Монголию Минералогического общества (1903), Геологического комитета (1916–1917, 1920), руководитель Монголо-Урянхайской экспедиции Геологического и минералогического музея (1922–1923), экспедиций Монгольской комиссии АН СССР (1927, 1928, 1930, 1931, 1933); ученый секретарь (1931–1945), зам. председателя (1930, 1946–1948) Монгольской комиссии АН СССР. О нем см. *Мандрик М.В.* К биографии исследователя Центральной Азии геолога И.П.Рачковского // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К.Козлова) / ред.-сост. Т.И.Юсупова / СПб: Политехника-сервис, 2014. С 122–137.
- 382) Л у с (Л у с и с) Я н и с Я н о в и ч (1897–1979) – генетик, сотрудник ЛГУ, Института генетики, Института эволюционной морфологии АН СССР (1942–1948), профессор Латвийского государственного университета, чл.-корр. АН Латвийской ССР (1958). начальник животноводческого отряда экспедиции Монгольской комиссии АН СССР (1931).
- 383) Планируемая на 1935 г. комплексная экспедиция Монгольской комиссии АН СССР была отменена решением Политбюро ЦК ВКП(б) в июне 1935 г. возможно, в связи с расширяющейся на Дальнем Востоке военной напряженностью и «малой проверенностью состава участников» (см. *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. С.156. См. прим. 6).
- 384) Имеется в виду Ф и ш е в Д а в и д М о и с е е в и ч – фотограф, работал в Монголии в 1930–1932 г.г., в том числе в фотокабинете Комитета Наук МНР, уезжая продал свой увеличитель Симуковым.
- 385) Г о м б о ч ж а б - ш и л ь т э – имеется в виду сотрудник, затем заведующий фотокабинетом Комитета Наук МНР.

62

- 386) Ц ё т к а (белор.) – тетка.

65

- 387) Имеется в виду Далан цзадагай (см. письмо IV 60 от 22 февраля 35 г.)
- 388) Летом 1934 г. Ал.Д.Симуков с женой и новорожденной дочерью жили в Москве в

полуподвальной комнате площадью 4½ кв. м в доме № 3 по Хрущевскому пер.; см. *Симуков Алексей*. Чертов мост, или Моя жизнь как пылинка Истории (Записки неунывающего) / М.: Аграф, 2008. С. 186.

66

- 389) Г у р б а н - С а й х а н - гобийский хребет, у подножия которого в урочище (район ключа) Далан цзадагад был основан город Далан цзадагад (монг. *Даланзадгад*), столица Южно-Гобийского аймака; место для города выбрал А.Д.Симуков (1931) по заданию правительства Монголии; в 1935 г. в Далан цзадагад провели телеграф.

67

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 216.

- 390) См. прим. 351.
391) См. прим. 36.
392) Семья врача.
393) См. прим. 350.
394) См. *Симуков А.* Заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1931 года // *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(1). С. 337–340.
395) П е р в и ч к а - первичное отделение Монгольского Народного Центрального кооператива (МНЦК, Монценкооп) – заготовка и экспорт сырья и продуктов монгольского хозяйства, импорт потребительских товаров.
396) Б а ц з а р (монг. *Базар*) – рабочий Гобийской экспедиции Комитета Наук 1931 г. (рук. А.Д.Симуков).
397) Имеется в виду аймачный центр – Далан цзадагад.
398) Д у г а р – семилетняя Дугар была первой учительницей монгольского языка М.А.Симуковой в экспедиции 1927 г. (см. документ IV 11).
399) С а н ч ж а ч а - участник разезда А.Д.Симукова в Цаган богдо (1927).
400) Т е м е н (монг. *тэмэн*) – верблюды.
401) См. прим. 220.
402) Имеется в виду сомонный центр.
403) Возможно, имеется в виду курение опиума.
404) Н о с о в В.Н. – врач в Улан-Баторе.
405) Р а ч к о в с к и й – см. прим. 381.
406) Имеется в виду денежный перевод (в бонах Торгсина).
407) М е р л о к (*здесь*) – берлога, убежище.
408) В архивах не найдена.
409) См. *Симуков А.Д.* Западная Гоби (географический очерк) // *Симуков А.Д.* Труды. Т. 1. С. 774–814.
410) См. *Симуков А.* Материалы по кочевому быту населения МНР. II. Кочевки Убур-Хангайского аймага МНР // Современная Монголия, 1936. № 2 (15). С. 49–56. *То же*: *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 470–479.

68

411) См прим. 6 к гл. I.

69

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 216–217.

412) Х р у щ и – см. прим. 144.

413) Курсы были организованы с целью подготовки национальных кадров. Из объяснительной записки М.И.Тубянского к программе курсов: «Преподавать будут Цзандра, Симуков, Шагчжа, Дондог». См. Нац. Архив Монголии. Ф. 23. Д. 2. № 172. С. 32 (по состоянию на 1992 г.).

414) ГВО – Государственная внутренняя охрана МНР; создана в 1922 г., с 1936 г. – Министерство внутренних дел.

415) Н.П.Ш. – Н и н а П а в л о в н а Ш а с т и н а, см. прим. 267.

416) Н и н а Н и к. – Нина Николаевна Чистякова, см. прим. 186.

417) Н а ц о к – Дашдоржийн Нацагдорж, см. прим. 184.

418) Имеется в виду Б а р с б о л д Р и н ч е н, впоследствии палеонтолог, геолог, академик, директор Института геологии АН Монголии, директор Палеонтологического центра Монголии.

419) Имеется в виду М.И.Тубянский, см. прим. 194.

420) См. прим. 264.

421) Ц и н д э - см. прим. 120.

422) Имеются в виду эпизоды разезда А.Д. и М.А. Симуковых на Эцзин гол в экспедиции 1927 г. (см. письмо IV 16, май-июнь 1928 г.)

423) Б а ц з а р – см. прим. 396.

70

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 217.

424) См. прим. 381.

425) Б а р а н о в В л а д и м и р И с а а к о в и ч (1889–1967) – геоботаник, профессор Пермского (1929–1932) и Казанского (с 1933 г.) университетов; участник экспедиций Монгольской комиссии АН СССР 1930 и 1931 г. г.

426) В Монголии (как и в СССР) набирает обороты машина репрессий под прямым давлением советского руководства и при непосредственном участии его советников и инструкторов. На фоне периодических конфликтов на монголо-маньчжурской границе нагнетается истерия шпиономании, поисков внутренних врагов, прежде всего среди высшего ламства: «Внутренние феодалы, высшие ламы и др. контрреволюционные элементы продолжают открытую борьбу против народно-революционной власти.... Необходимо зорко следить за происками внутренних врагов, усилить с ними борьбу, своевременно выявлять их преступную деятельность и беспощадно наказывать их, как изменников родины и врагов национальной независимости, не дожидаясь, когда они будут открыто выступать против народной власти» (О монастырях и ламстве. *По материалам*

7-го Великого хурала. Перевод с монгольского / Современная Монголия (далее СМ), 1935. № 2 (9). С. 37. В крупные монастыри назначаются уполномоченные правительства для контроля за выполнением администрацией монастырей законов государства (СМ, 1935. № 2(9). С. 29). Несмотря на «новый курс», принятый монгольским правительством после подавления восстания, охватившего значительную часть страны в 1932 г. (см. *Роцин*, 1999: 258, 268; *Баабар*, 2010: 321–325, 330) принимаются, под жестким давлением Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б), законы и постановления, направленные на разрушение ламаистской церкви. Нарушение законов о запрещении строительства новых монастырей, в том числе «под видом ремонта старых», принятия в ламы лиц моложе 18 лет карается лишением свободы до 3-х лет, штрафами и конфискацией имущества; присвоение или принятие титула «хутухта», «хубилган» и др. религиозных титулов – лишением свободы до 5 лет с конфискацией имущества (Уголовное уложение МНР. Особенная часть (октябрь 1934 г.), статьи 114, 115, 116. Цитируется по: *Ripen* 1964: 248). Публикуются новые варианты законов о военном налоге, о государственном налоге с джас (монастырские хозяйства), постановления о мероприятиях, стимулирующих привлечение лам к производственному труду и о использовании их на работе в торговых, промышленных и прочих организациях (СМ 1935. № 2(9). С. 133–138). Выявлена «контрреволюционная организация», созданная Жамьянтиб ламой в 1935 г. в Восточном аймаке (см. *Дамдин*. Ламаистская церковь в МНР // СМ, 1936. № 1. С. 88). В число «внутренних врагов» кроме лам и феодалов попадает все больше партийных и государственных деятелей. В марте 1934 г. объявлено о раскрытии в 1933 г. «контрреволюционных группировок» в Кентейском, Восточном и Центральном аймаках – «дело Лхумбэ», арестованы сотни людей, осуждены 317, из них около половины – ответственные сотрудники партийного и государственного аппарата, казнено 56 человек. (См. *Баабар*, 2010: 335–339; *Роцин*, 1999: 272; *Ripen*, 1964: 237, 253). Это первое крупное политическое «дело» после «заговора» Бодо и Данзана в 1922 г. Случившийся летом 1935 г. пожар в текстильном цехе Промкомбината стал «делом о поджоге Промкомбината»: 3 человека – к расстрелу, 4 – к лишению свободы (СМ, 1936. № 1. С. 106–111).

- 427) В 1934 г. монгольское правительство издало постановление об уменьшении количества советских инструкторов и специалистов с целью замены их монгольскими (см. *Boikova*, 1999: 112–113).
- 428) См. прим. 359.
- 429) г а л ч и (монг. *галч*) – истопник.
- 430) В январе 1934 г. председатель Комитета наук МНР Л.Дэндэв направил письмо неперемому секретарю АН СССР В.П.Волгину с просьбой о возобновлении договора (срок которого истек в 1934 г.) между АН СССР и НИК'ом, о продолжении деятельности комплексных экспедиций и предложением присылать экспедиционные отряды на 2–3 года вместо 2–3х месяцев. Поддержанная полпредом С.Е.Чуцкаевым просьба была передана в СНК СССР вместе с согласием Академии организовать эти работы и взять на себя подготовку научных кадров для Монголии. Однако необходимого финансирования АН СССР не получила. Кроме того в 1934 г. была создана специальная комиссия ЦК

ВКП(б) по командировкам за границу, которая рассматривала вопрос «не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения деловой целесообразности», последнюю определяли теперь не ученые и специалисты, а партийные руководители. В конце 1934 г. председателем этой комиссии стал будущий нарком внутренних дел СССР Н.И.Ежов. (Юсупова, 2006: 146–148). Последующие неоднократные просьбы Л.Дэндэва все чаще наталкивались на кадровые проблемы. При планировании комплексной экспедиции АН СССР в 1935 г. Институт генетики не смог выделить двух сотрудников, необходимых для работы в Монголии, а Институт географии – ни одного. (Юсупова, 2006: 153–154). В конечном счете Политбюро ВКП(б) отменило экспедицию, как «несвоевременную и нецелесообразную» (см. прим. 383).

431) н ө х ө р (монг. *нөхөр*) – муж.

71

432) См. прим. 204.

72

433) См. прим. 426.

434) С т о р м о н г – акционерное общество по торговле СССР с Монголией.

435) См. прим. 413.

436) См. прим. 306.

437) МСЗ – Министерство скотоводства и земледелия МНР.

438) По-видимому имеется в виду согласование данных, в том числе унификация названий, на географических картах разного происхождения. В конфликтах на монголо-маньчжурской границе монгольская сторона ссылалась на древние китайские карты, маньчжурская – на более поздние цинские карты. НКВД СССР и Генштаб РККА пользовались картой Генштаба российской армии 1906 г. и советским вариантом этой же версии, изданным в январе 1934 г. Управлением военной топографии РККА, эта последняя версия в начале 1936 г. была передана правительству МНР для нанесения ориентиров на свои карты (Лузянин, 2003: 219, 226). См. также прим. 369.

439) Н.П.Ш. – Нина Павловна Шастина (см. прим. 267).

440) См. прим. 381.

441) НИК – Научно-исследовательский Комитет МНР (см. прим. 61 к гл. III).

442) З.А. – Зоя Александровна Лебедева (1893–1975) – геолог-морфолог, сотрудник Геологического Музея и Геологического института АН СССР, исследователь геологии Монголии и Тувы с 1920 г., участник экспедиций Монгольской комиссии 1925–1931 и 1933 гг.

443) Н а ц о к – Дашдоржийн Нацагдордж (см. прим. 184).

444) См. прим. 36.

445) См. прим. 403.

446) Р а д н а - см. прим. 332.

447) Имеется в виду Нина Аркадьевна Тубьянская (см. прим. 247).

448) В о с т в а г - Западно-Восточно-Европейское товарообменное акционерное общество.

449) Имеется в виду М.И.Тубьянский (см. прим. 194).

- 450) См. прим. 211.
- 451) О л е ч к а - Ольга Алексеевна Симукова (1934–2018), в замужестве Кузнецова, позднее Градова – племянница Андрея Симукова, дочь Алексея и Любови Симуковых; окончила театроведческий факультет ГИТИС’а, работала в издательстве «Искусство», журнале «Советская эстрада и цирк», ст. н. сотр. ГИИ; чл. ред. и автор около 200 статей изданий «Эстрада России, XX век. Лексикон» (2000) и «Эстрада России, XX век. Энциклопедия» (2004), отв. ред.-составитель и автор статей сборника «Эстрада сегодня и вчера» (2010).

- 452) У Ж е н и М и л л е р а (см. прим. 25 к гл. II) была новогодняя вечеринка.

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 217–218.

- 453) Датируется по содержанию.
- 454) М и х а л е в с к а я А.М. – геоботаник, участник Хангайской экспедиции Комитета Наук и МСЗ МНР 1933 г. (рук. А.Д.Симуков).
- 455) См. прим. 125.
- 456) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(1). С. 80–177, 196–209, 212–240, 242–273, 298–378, 401–452.
- 457) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 1. С. 137–641.
- 458) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 1. С. 642–771.
- 459) См. прим. 220.
- 460) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 1. С. 774–814.
- 461) См. *Симуков А.Д.* Т. 2. С. 283–340.
- 462) См. прим. 425.
- 463) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 5–202.
- 464) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 203–282.
- 465) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 480–492.
- 466) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 452–469.
- 467) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 470–479.
- 468) Оригинал карты до настоящего времени в архивах не найден. См. Схематическая карта монастырей Монголии по состоянию 1937 года / составили: Д.Майдар, Очирын Ина, Р.Равжир, Н.Балдорж, С.Доржсүрэн // *Майдар Д.* Три карты городов и поселений Монголии (Древние, средневековые и начало XX века) / ред. Н.Сэр-Оджав / Улан-батор: Изд. АН МНР, 1970 <на монгольском и русском языках>.
- 469) До настоящего времени в архивах не найдена.
- 470) См. *Симуков А.Д.* Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и её результатах // *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(2). С. 176–183.
- 471) Имеется в виду Дэндэв Лхамсүрэнгийн (см. прим. 252).
- 472) См. прим. 374.
- 473) Видимо, имеется в виду Алтан-Булак (монг. *Алтанбулаг*) – населенный пункт у

границы Монголии и России напротив Кяхты.

474) Очевидно, кроме одиночества вследствие оторванности от семьи, имеется в виду ряд внешних факторов, неизбежно влиявших на жизнь и профессиональную деятельность в Монголии той поры (подоплека их стала частично известна лишь в конце XX века).

1) Усилилось напряжение на восточной границе МНР. 25.XI.35 г. Прекратила работу Монголо-маньчжурская конференция на станции Манчжурия; созданная в июле 1935 г. для урегулирования пограничных конфликтов. Японо-маньчжурская сторона предлагала установление дипломатических отношений. Монгольская делегация ограничивала задачу переговоров только вопросами о границах (Лузянин, 2003: 202–204). Участились вооруженные столкновения монгольских и японо-маньчжурских погранотрядов (СМ. 1936, № 1. С.111; Лузянин, 2003: 205).

2) После восстания 1932 г. и активизации пограничных конфликтов внимание Сталина к Монголии резко повысилось: за период 1934–1936 г. вопросы о Монголии обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) около 50 раз (Юсупова, 2006: 156). 30 декабря 1935 г. в Москве состоялась очередная встреча премьер-министра и министра иностранных дел МНР П.Гэндэна с И.Сталиным, В.Молотовым и К.Ворошиловым о сотрудничестве. П.Гэндэна сопровождали военный министр, главком МНР Г. Дэмид и начальник ГВО МНР Д.Намсрай. Сталин поднял вопрос о ламах, требовал их уничтожения. Гэндэн возражал, спорил (Роцин, 1999: 287–288).

По просьбе ЦК МНРП 1 февраля в Монголию введены регулярные части Красной Армии, дислоцированы, в основном, вдоль восточных и юго-восточных границ МНР (Лузянин, 2003: 230). В первом квартале 1936 г. произошло более 10 пограничных конфликтов, в том числе особо крупное столкновение у заставы Адык-Долон 30 марта с участием авиации, танков, бронемашин (Лузянин, 2003: 209; Шишов, 2005: 97).

В конце февраля 1936 г. под настойчивым давлением Москвы ГВО МНР реорганизуется в МВД, главой которого назначается первый зам. премьер-министра Х.Чойбалсан, ему присвоено звание маршала. (Роцин, 1999: 287–290) 12 (по другим данным 14) марта 1936 г. Подписан протокол о взаимопомощи между СССР и МНР. На II пленуме ЦК МНРП (11–22 марта 1936 г.) П.Гэндэн выведен из состава ЦК и на 20-ой сессии Малого Хурала освобожден от обязанностей премьер-министра и министра иностранных дел «по болезни», на той же сессии на эти должности избран А.Амар (о нем см. прим. 253 к данной главе). (Роцин, 1999: 288–290; Лузянин, 2003: 208).

3) Повышенное внимание Политбюро ЦК ВКП(б) к Монголии отразилось и на деятельности Монгольской комиссии АН СССР. С 1933 года Комиссия не смогла организовать ни одной экспедиции в Монголию «по не зависящим от неё обстоятельствам» - вследствие решений Политбюро или «недостаточной проверки» участников экспедиций. (Юсупова, 2006: 156–158, 166). Это практически прекратило профессиональное и дружеское общение А.Д.Симукова с коллегами – геологами, гидрографами, зоологами, ботаниками, поскольку национальные кадры ещё только получали образование по этим специальностям.

4) Публикуя большое количество статей в журналах на монгольском и русском

языках А.Д.Симуков в то же время не имел возможности издать свои уже накопившиеся фундаментальные работы. Председатель Малого Хурала МНР А.Амар, выступая на пленуме НИК'а (5–7 августа 1935 г.) отметил: «Мы не издали до сих пор географию МНР» (СМ, 1935. № 5. С. 122).

5) Наконец, кроме редких гостей-друзей из худона, к середине 30-х годов почти истаял круг постоянного дружеского общения в уланбаторских семейных домах: Кондратьевы и Н.П.Шастин с семьей уехали, Ц.Бадмажапов выслан и арестован, М.Гомбочжаб (см. прим. 264) направлен на работу в Ленинград, уехал врач Носов с семьей.

79

- 475) Имеется в виду книжный магазин ОГИЗ'а (Объединения государственных книжно-журнальных издательств при Наркомпросе РСФСР (с 1930), с 1946 г. – при СМ СССР).

80

- 476) В угловых скобках здесь и далее указаны даты писем по почтовому штемпелю.

85

- 477) При отсутствии даты телеграммы датируются по содержанию и по письмам М.А. Симуковой.

88

- 478) Ж е н я – Е.А.Миллер (см. прим. 25 к гл. II), двоюродный брат Андрея Симукова; Тата, жена Е.А.Миллера, покончила жизнь самоубийством.

90

- 479) См. прим. 136.
480) В 1936 г. А.Д.Симуков был награжден орденом Полярная Звезда за работу по исследованию Монголии и вклад в развитие хозяйства страны (см. *Симуков А.* Итоги работы Географического отделения Научно-исследовательского Комитета МНР за 15 лет // СМ, 1936. № 4(17) – 5(18). С. 67–86; *то же*: *Mongolica* III, 1994. С. 64–71; *то же*: Труды. Т. 1. С. 109–133. 2007; *то же*: Шинэ толи, 1936. № 3–4. С.109–155 /на монгольском языке/.

91

- 481) А.Д.Симуков предполагал завершить работу в Монголии 1936 годом. « Истекший год является десятым и последним годом моей непрерывной работы в Ученом Комитете». (*Симуков А.Д.* Краткий отчет о работе сотрудника Ученого Комитета А.Симукова за 1936 год // *Симуков А.Д.* Труды, 2008. Т. 3(2). С. 169–172).
482) Экспедиция направлялась в район Цаган богдо - стратегический узел обширного (около 50 тыс. кв. км) практически ненаселенного района вдоль южной и юго-западной границы МНР. Задача экспедиции «закключалась главным образом в критической проверке полученных ранее <экспедиции 1927 и 1935 г.г.> сведений и наметке пунктов освоения района» (*Воробьев П.И., Симуков А.Д.* Докладная записка о необходимости освоения района Цаган богдо на юго-западной границе

МНР // *Симуков*, 2008б: 119–122). Необходимость экспедиции вызвана обострением положения у южной границы МНР: изменение политической ситуации и активизация действий Японии во Внутренней Монголии, в том числе строительство военных объектов: аэродромов, укрепленных пунктов, оружейных складов, дорог, радиостанций и пр. в районе Долоннора (*Лузянин*, 2003: 198, 222–223) и проникновение вглубь Западного Китая (*Симуков*, 2008б: 120).

92

- 483) Осенью 1936 г. М.А.Симукова приехала с дочерью из Суража в Москву, поступила на работу в Наркомфин СССР (где работала сестра Андрея, А.Д.Ковалева), жила в дачке наркомфиновского поселка в подмосковном Томилино (в каждой комнате по семье, колодец и «удобства» во дворе, отопление печное), до станции 3 км проселочной дороги без транспорта, в глубоких сугробах зимой. Поезда ходили не регулярно, за опоздание можно было получить «срок» (приравнялось к саботажу). «Выходили мы затемно (меня надо было до работы отвести в детский сад). Заслышав гудок поезда, мама ускоряла ход и буквально тащила меня волоком пробиваясь сквозь снежные заносы к станции» <Н.С.>

93

- 484) Имеется в виду экспедиция в район Цаган Богдо с П.И.Воробьевым, Дашидорджи, кинооператором Монголкино А.А.Лебедевым, рабочим (Ван-Фучин) и шофером осенью 1936 г. (см. *Воробьев П.И. и Симуков А.Д.* Экспедиция в Цаган-Богдо / СМ, 1937. № 4 (23). С. 85–92; № 5 (24). С. 85–94. *То же*: *Симуков*, 2008а: 504–527). В числе результатов экспедиции: детальная карта района в масштабе 1:500,000 на основе топографических работ экспедиций 1935 и 1936 годов, общая карта Западной Гоби (включая зарубежную часть), географическая монография о Западной Гоби, фотоальбом, документальный фильм о Западной Гоби. Экспедицией предложен наиболее целесообразный вариант фактически отсутствующей линии государственной границы МНР с Китаем в районе между Эцин голом и Синьзяном и мероприятия, необходимые для осуществления этого варианта (*Воробьев П.И., Симуков А.Д.* Докладная записка о необходимости освоения района Цаган богдо на юго-западной границе МНР // *Симуков*, 2008б: 119–122).

94

- 485) Телеграммы на имя жены после переезда её в Подмосковье (см. прим. 483) А.Д.Симуков отправлял в адрес матери (Москва 34, Хрущевский пер. 3, кв.1).
- 486) В о р о б ъ е в П а в е л И в а н о в и ч (1892–1937) – манчжуровед, китаист, монголовед; окончил ФВЯ Петербургского университета по японо-китайскому и китайско-манчжуро-монгольскому разряду (1915), командирован в Китай (1914), студент Практической Восточной академии (1912–1916); член РКП(б) с 1917 г., мобилизован в Красную Армию (март 1918); управляющий делами ПИЖВЯ (1921), научный сотрудник, пом. ректора (1922), ректор ПИЖВЯ/ЛИЖВЯ (с 1927 г. ЛВИ им. А.С.Енукидзе) (1923–1930), по совместительству – директор ГРМ (1926–1930), директор ГИМ в Москве (1932–1933), директор Музея этнографии народов СССР и зам. директора ИВ АН СССР (с 1934), командирован в МНР

(лето 1936 г.), где работал советником Комитета Наук МНР; вызван в СССР (июнь 1937) якобы для обсуждения вопроса об открытии в Улан-Баторе университета, арестован в Ленинграде 11 августа (по другим данным 11 сентября) 1937 г., обвинен в шпионаже и к/р деятельности, расстрелян (24/XI/37); реабилитирован (1957). О нем см. Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я.В.Васильков и М.Ю.Сорокина / СПб.: Петербургское Востоковедение, сетевая версия, 2004; *Решетов*, 2012: 160–161.

487) Адрес М.А.Симуковой в подмосковном Томилино несколько раз менялся.

96

488) См. прим. 481.

489) Имеется в виду поездка, предпринятая «по предложению МВД для ознакомления с районом работников погранохраны и наметки новых мест расположения погранпостов» (*Симуков А.* Отчет о зимней поездке 1937 г. (январь) в район Западной Гоби // *Симуков*, 2008а: 528–540). В отчете изложены географические дополнения к описанию района, сделанному автором по результатам его экспедиций 1927, 1935 и 1936 г.г.). Видимо, поездка была следствием обострения ситуации на южной границе МНР (см. прим. 482), результатов, полученных экспедицией 1936 г. в Цаган богдо (см. прим. 484) и докладной записки П.И.Воробьева и А.Д.Симукова (октябрь 1936 г.) руководству НИКа (далее – в правительство МНР), с предложением «зафиксировать фактически отсутствующую линию государственной границы МНР с Китаем в районе между Эцзин голом и Синьцзяном» и представлением «наиболее целесообразного её варианта» (*Воробьев П.И., Симуков А.Д.* Докладная записка о необходимости освоения района Цаган богда на юго-западной границе МНР // *Симуков*, 2008б: 119–124). Поездка оказалась более чем своевременной: в мае 1937 г., воспользовавшись волнениями в Синьцзяне, Япония начала спешную переброску войск в Чахар и в район Эцзин гола и Алашани; опасаясь удара с юга Монголия усиленно укрепляла погранзаставы на южной государственной границе. В 1936 г. СССР выделил монгольской армии дотацию 8 млн. руб. (*Лузянин*, 2003: 230, 234).

97

490) В публикуемой переписке нет доступных составителям документов с 6 января по 1 июня 1937 г. Между тем именно в этот период произошло важное событие: в феврале 1937 года в Улан-Баторе родилась младшая дочь А.Д.Симукова Доржпалам (см. гл. VII).

491) Очевидно, имеется в виду непредсказуемость событий и возможность ареста, как и для любого другого гражданина СССР или Монголии в ту пору.

98

492) Датируется по содержанию документа IV 97. Письмо отправлено не почтой, а с П.И.Воробьевым.

493) Указанный период характеризуется следующими событиями в Монголии и в Советском Союзе.

В МНР ширились репрессии. Осенью 1936 г. арестованы 23 представителя высшего духовенства Монголии: Ёнзон хамбо Лувсанхаймчиг, Дэд хамбо Дамдин, Манзуширский хутухту Цэрэндорж и др. (через год 19 из них расстреляют). В декабре 1936 – январе 1937 г.г. во время официального визита премьер-министра и министра иностранных дел МНР А.Амора в СССР Сталин настаивал на «скорейшем решении ламского вопроса», «убрать лам». (Роуцин, 1999: 292). За 1936 г. в Монголии прошло 5 открытых процессов над ламами (kamsha.ru/journal/analytys/Mongolia.html). В январе 1937 издан указ МВД о переписи лам и феодалов, регистрации монастырей, руководил операцией советский чекист Кичиков (Баабар, 2010: 363–364).

8 февраля арестован и приговорен к 5 месяцам принудительных работ Д.Нацагдорж (Sanders, 2010: 632).

Комитет Наук МНР планировал на 1937 г. комплексную экспедицию по изучению истории, культуры и естественных, в частности сельскохозяйственных, ресурсов страны. В письме от 17 февраля 1937 г. на имя полпреда СССР премьер-министр МНР А.Амар обратился к советской стороне с просьбой прислать для помощи специалистов и ученых АН СССР. В ответной телеграмме от 15 апреля 1937 г. президент АН СССР В.Л.Комаров обещал приезд в мае лингвиста, археолога, специалистов по животноводству, кормовой отряд, геологов, топографа и руководителя экспедиции. Однако экспедиция АН СССР в Монголию в 1937 г. не состоялась. В апреле решением Политбюро снова ужесточены правила командирования за границу: «все разрешения на выезд за границу предварительно рассматриваются комиссией ЦК ВКП(б) по личному докладу соответствующего наркома с обязательным заключением НКВД СССР», после чего утверждаются на Политбюро. (Юсупова, 2006: 158–159).

Главной же причиной отмены экспедиции, как и многих других полезных начинаний, стал небывалый размах репрессий в СССР.

Идет разгром руководящего состава РККА. В конце мая арестованы маршал М.Н.Тухачевский, командармы И.П.Уборевич, А.И.Корк, комкоры Б.М.Фельдман, Р.П.Эйдеман; ранее (1936) были арестованы комкоры В.М.Примаков и В.К.Путна. 31 мая «Правда» сообщает о самоубийстве начальника Политуправления РККА, снятого с поста 20 мая, Я.Б.Гамарника.

11 июня 1937 г. в «Правде» информация о закрытом суде над арестованными, на следующий день – об их расстреле.

- 494) Очевидно, что речь идет не о стране, а о той непредставимой сегодня обстановке, в которой оказалась Монголия и её население (в том числе и А.Д.Симуков), о той чугунной плите репрессий, давившей все живое, уничтожавшей культуру, религию, исторические памятники, хозяйство, разрушавшей страну, несмотря на спешное повышение её обороноспособности. Возможно, весной 1937 г. аналогичная ситуация в Советском Союзе, где счет репрессированных шел уже на миллионы, виделась из Монголии ещё не так ясно.
- 495) Очевидно имеется в виду Полпредство СССР, без разрешения которого гражданин Советского Союза не мог выехать в СССР. В конце 30-х годов НКВД отодвинут от монгольских дел. Арестованы и впоследствии расстреляны бывший торгпред А.И.Биркенгоф (1936), С.С.Борисов (1937), многие годы возглавлявший монгольское направление Второго Восточного отдела НКВД, бывшие полпреды

А.Н.Васильев (1937) и А.Я.Охтин (1937), в августе 1937 арестован В.Х.Таиров. Полпредами в Монголию с этого времени Политбюро направляет выходцев из НКВД. С августа 1937 это – С.Н.Миронов (1892–1940), комиссар 3-го ранга ГБ, чекист с 20-летним стажем, до Монголии – начальник УНКВД Западносибирского края, руководивший там масштабной «кулацкой операцией» и сфабриковавший огромный «заговор РОВСа» ; с 1938 г. до весны 1939 г. – М.И.Голубчик (1906–1940), ранее главный советник при МВД МНР; о них см. также <https://karagodin.org/?p=35075>; с осени 1939 г. – майор ГБ И.А.Иванов (1906–1948). См. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2. С.222–226; *Тепляков*, 2015: гл. 3; www.hrono.ru/.

99

496) Для характеристики обстановки приведем события с начала июня по начало сентября 1937 г., поскольку обмен реальной информацией в письмах и телеграммах из-за рубежа стал в то время практически невозможным.

8/VI/37 – арест сотрудника восточного отдела НКВД С.С.Борисова (см. прим. 229).

19/VI/37 – арест Э.Д.Ринчино (см. прим. 45 к гл. III).

7/VII/37 – начало Японо-Китайской войны. Помощь СССР Китаю во время войны: финансы, военная техника, специалисты; часть помощи идет через территорию Монголии, позднее – через Синьцзян. См.: *Баабар*, 2010: 394; *Владимиров П.П.* Особый район Китая; 1942–1945 / М., 1973. С.506; *Huffman J.L.* Japan and Imperialism, 1853–1945 / Ann Arbor, 2010. С. 57; *Батурин*, 2014: 323–329.

21/VIII/37 заключен договор о ненападении между СССР и Китаем (*Лузянин*, 2003: 221).

13/VII/37 – в Уланбаторе скончался Д.Нацагдорж (см. прим. 184).

17/VII/37 – в СССР арестован бывший премьер-министр МНР П.Гэндэн (*Tserendulam G. P. Genden. To the Memory of My Father / Ulaanbaatar*, 2000. P. 71–72).

11–12/VIII/37 в Ленинграде арестованы Ц.Жамцарано (см. прим. 24 к гл. III), М.Гомбочжав (см. прим. 264), М.И.Тубянский (см. прим. 194), П.И.Воробьев (см. прим. 486) (по другой версии арест - 11/IX/37), 30/VIII/37 – В.А.Казакевич (см. прим. 54 к гл. III) и др.

НКВД фабрикует «дело японо-бурятского шпионского центра».

Помимо этого «дела» в разные периоды были репрессированы многие ученые, проводившие исследования в Монголии или связанные с работой Монгольской комиссии АН СССР (среди них А.В.Бурдуков, А.Н.Самойлович, Б.Б.Полинов, В.И.Крыжановский, А.И.Руднев, Г.И.Боровка, С.А.Теплоухов, С.И.Руднев) и обширный круг востоковедов других направлений, в том числе Д.М.Позднеев, Н.А.Невский и многие другие. См. напр.: *Люди и судьбы*, 2004; *Юсунова*, 2006: 160; *Решетов*, 1994; *Алматов*, 1990: 110–121.

22/VIII/37 (по другой версии 23/VIII) – маршал Г.Дэмид, министр обороны и главком МНР умер от отравления в поезде на Москву, в районе станции Тайга. (*Баабар*, 2010: 365; *Роцин*, 1999: 292).

24/VIII/37 – в Уланбатор прибыли зам. наркома обороны СССР Д.И.Смирнов, зам. наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновский, новый полпред С.Н.Миронов. (*Баабар*, 2010: 366).

25–26/VIII/37 – решение Малого Хурала обратиться к СССР с просьбой о вводе войск. (*Баабар*, 2010: 366).

Конец августа– начало сентября 1937 г. – ввод советских войск в Монголию (30 тыс. человек): пехотная дивизия, 280 бронемашин, 265 танков, 107 самолетов, артиллерия, саперная, инженерно-строительная бригады, связисты. (*Баабар*, 2010: 367; *Широкорад А.* Япония. Незавершенное соперничество. Гл. 26 (сетевая версия).

2/IX/37 – зам. премьер-министра и министр внутренних дел маршал Х.Чойбалсан становится также министром обороны и главкомом МНР. Фриновский и Чойбалсан работают над «списком 115-ти», включающим руководителей партии, государства, армии, хозяйственных и общественных организаций МНР. Фабрикуется «дело к/р организации Гэндэна-Дэмиды». В сентябре на Монголию обрушивается волна обширных арестов, затронувшая также культурную и научную элиту. См. *Баабар*, 2010: 369–372; *Роцин*, 1999: 292–293;

4/IX/37 – приказом наркома обороны СССР Ворошилова все соединения и части РККА в Монголии были сведены в 57-й Особый корпус (ОК) под командованием комкора И.Конева (*Чуров*, 2019: 08.02; *Воронов, Крушельницкий*, 2019: 06.29).

7/IX/37 – прекратила работу монголо-японо-манчжурская конференция по уточнению границ; обостряется обстановка на монголо-манчжурской границе (*Лузянин*, 2003: 228).

10/IX/37 – арестован Б.Ринчен (см. прим. 265); репрессированы многие сотрудники Комитета Наук, среди них: Шагжа, Буянчулуун, Хухтэ, Ю.Бацзар (Цецэн-хан), Бат-Тумур, Лото-Бачир (*Ломакина*, 2006: 189; *Ripen*, 1964: 234).

100

497) «Автобиография Симукова» - один из документов, полученных зав. отделом этнографии народов зарубежной Азии Института этнографии АН СССР А. М.Решетовым из Управления КГБ по Читинской обл. в 1990 г. в ответ на запрос о судьбе А.Д.Симукова.

Документ представляет собой 9 страниц частично фрагментированного машинописного текста, набранного машинисткой. 8 страниц пронумерованы машинописно. На странице без номера (сведения о родственниках) имеется подпись А.Д.Симукова и машинописная дата. В правом верхнем углу каждой страницы есть рукописный номер, отличный от машинописного (возможно,

нумерация листов «дела»). В тексте и на полях страниц имеются подчеркивания, очевидно, должностных лиц, по требованию которых была написана автобиография. Рукописные вставки для усиления слабо пропечатанных фрагментов текста и букв принадлежат А.М.Решетову, любезно передавшему ксерокопию документа в архив семьи А.Д.Симукова в 1992 г. Ниже приведены образцы отдельных страниц ксерокопии и напечатанный текст документа.

Судя по содержанию, стилю и дате (см. прим. 496) «Автобиография» написана по требованию и в присутствии сотрудников НКВД, видимо, при Полпредстве СССР (полпред с 19/VIII/37 по 3/V/38 комиссар ГБ 3 ранга С.Н.Миронов, см. прим. 495; о нем см. http://vk.com/wall211983592_16381). Написание документа сопровождалась допросом или «беседой» (см. первые строки). При чтении «Автобиографии» нельзя забывать, что это – документ «поднадзорный». Видимо поэтому в нем сочетаются подробные достоверные сведения о жизни и работе семьи в Петербурге и в деревне, об умерших родственниках (им это уже не вредит) и «незнание» адресов живущих, кроме матери, адрес которой был известен Полпредству ранее. Факт переписки с дядей-эмигрантом А.Я.Миллером (см. гл. II и гл. III) должен был быть безусловно скрыт (на дворе 1937 год!). Поэтому поворотный момент своей жизни – эпизод поступления в экспедицию П.К.Козлова – А.Д.Симуков излагает как удачный трюк, переходя при этом на язык комсомольской ячейки 1919–20 г.г. («взять на арапа», «наврал», «номер прошел»). Элементы этого языка встречаются в тексте не однажды, например, «идя по прогрессивному течению», «толкаться в вузы» и др. Возможно, автор полагал, что так – ближе, а значит и достоверней для данного контингента читателей. Отдельные негативные замечания о П.К.Козлове, умершем в 1935 г., не представляли для него опасности в 1937 г.

- 498) Судя по содержанию, основным вопросом мог быть: «Почему вы остались в Монголии и не вернулись в СССР с экспедицией П.К.Козлова?» Возможен также вопрос о беспартийности А.Д.Симукова.
- 499) *Curriculum vitae* (лат.) – бег жизни (букв.), автобиография.
- 500) См. прим. 12 к гл. II.
- 501) Яков Михайлович Миллер (20-е годы XIX в. – 1903) – родился на о. Эзель, входившем в состав Лифляндской губ. России (ныне – о. Сааремаа, Эстония), в 6 лет осиротел. Работал с детства – пас свиней на хуторе под Ригой. Лютеранский пастор, учивший тамошних детей, обратил внимание на его способности и дал ему возможность учиться до 15 лет. Родовую фамилию (по семейной легенде – Хаан) сменили на немецкую фамилию его крестного отца – Миллер. В 15 лет Яков Миллер отправился пешком в Петербург, где поступил учеником в аптеку. Через несколько лет упорной работы и самообразования он сдал экзамен на степень магистра по фармации, что дало ему возможность поступить вольнослушателем в Императорскую Медико-хирургическую (с 1881 г. – Военно-медицинская) академию; первое время студенчества питался бесплатным хлебом в общественных столовых. По окончании академии служил в Камчатском полку, в войсках, расквартированных в Придунайских княжествах, под руководством Н.И.Пирогова принимал участие в Крымской кампании 1853–1856 г.г., участвовал в обороне Севастополя. С 1857 г. – ординатор Маринской больницы для бедных в СПб, с 1862 г. «определен на вакансию лекаря при

Правительствующем Сенате», с 1875 г. – врач при Государственной канцелярии (с сохранением должности при больнице). За выслугу лет пожалован дворянством. Вышел в отставку в 1889 г. Первым браком был женат на Эмилии Лесгафт из семьи П.Ф.Лесгафта – врача, анатома и педагога, создателя научной системы физического воспитания и ряда учебных заведений, одно из которых стало современной Государственной Академией физической культуры им. П.Ф.Лесгафта. Через 3 года овдовел. Сын – Виталий Яковлевич Миллер, впоследствии главный врач Надеждинского родовспомогательного заведения в СПб, рос вместе с девятью детьми Якова Михайловича от второго брака с Александрой Федоровной Егер, родом из Риги. (Источники: *Симукова Н.Я.*, , 1953; Архивная справка №10058 от 12/VIII/1931 Ленинградского областного архивного бюро; устные сообщения Андрея, Александры и Нины Витальевны Миллер и Милены Андреевны Миллер).

- 502) См. прим. 9 к гл. II.
- 503) Имеются в виду конституционные демократы (партия), или «кадеты».
- 504) Михаил Яковлевич Миллер.
- 505) См. прим. 26 к гл. I.
- 506) Андрей Яковлевич Миллер – окончил Военно-медицинскую академию им. Витте, служил врачом на Тихоокеанском флоте, в частности, на канонерке «Кореец»; в 1914 г. был чиновником для особых поручений при кавказском наместнике, умер накануне I-ой Мировой войны.
- 507) См. прим. 51 к гл. II
- 508) См. прим. 9 к гл. I.
- 509) См. прим. 3 к гл. II.
- 510) См. прим. 18 к гл. I.
- 511) г. Сураж Гомельской губернии.
- 512) См. прим. 2 к гл. II.
- 513) Имеется в виду Московский Механико-Электротехнический институт им. М.В.Ломоносова (Благовещенский пер. д.1).
- 514) Видимо, это – на случай, если и жену, с её решительным характером и острым языком, вызовут «для беседы».
- 515) См. прим. 95, 117 к гл. III.
- 516) См. прим. 11 к гл. I.
- 517) См. прим. 10 к гл. I.
- 518) См. прим. 212, 218.

101

- 519) Возможно, имеется в виду надежда остаться на свободе и получить разрешение на выезд.

102

- 520) См. прим. 486.
- 521) Очевидно речь идет о выезде семьи П.И.Воробьева из Улан-Батора в СССР, см. также телеграмму (№ 96) от 6 июня 1937 г.

522) Для характеристики обстановки в Монголии и в СССР в октябре-декабре 1937 г. необходимо упомянуть следующие события (май – сентябрь 1937 г. - см. прим. 496).

2/Х/37 – в МНР создана Чрезвычайная комиссия («тройка») в составе министра внутренних дел Чойбалсана, секретаря ЦК МНРП Лувсаншарава, министра юстиции Цэрэндоржа, видимо по образцу Особой тройки НКВД, созданной в СССР 30 июля 1937 г. Комиссия вела и следствие, и судебный процесс. За одно заседание «рассматривалось» от десятков до нескольких сотен дел. За время существования (упразднена 27/IV/39) только эта комиссия осудила около 26 тыс. человек, приговорив к расстрелу более 20 тыс. (*Баабар*, 2010: 370).

4–7/Х/37 – открытый процесс над 23 высшими представителями буддийского духовенства Монголии (см. прим. 493), 19 из них расстреляны (*Баабар*, 2010: 364).

18–20/Х/37 – публичный судебный процесс над 14 партийно-государственными руководителями МНР, в их числе: вице-премьер Г.Самбу, член Президиума малого хурала Ламжав, член Президиума ЦК МНРП, председатель Центральной ревизионной комиссии МНРП Д.Яндаг, зам. главкома Л.Дарьзав, начальник Генштаба Ж.Малж, гос. прокурор М.Ядамсурэн, министр просвещения Ц. Баттумур и др.; 13 из них приговорены к расстрелу.

В 1937 г. были репрессированы многие крупные деятели руководства государства, партии, армии, экономики, культуры Монголии. среди них член Президиума ЦК МНРП Х.Лувсандорж, Р.Мэнд, Н Элээ, бывш. начальник ГВО Д.Намсрай, писатель и политический деятель С Буяннэмэх, члены правительства Д.Улцзийбат и Ч .Чойдогсурэн и др. (*Баабар*, 2010: 369–370; *Роцин*, 1999: 292–293).

22–26/Х/37 – на III Пленуме ЦК МНРП Чойбалсан назвал национальные группы населения, являющиеся, по его мнению, «социальной базой японского империализма» - китайцы, баргуты, буряты (в СССР репрессии по национальной линии - немцы, поляки, латыши, эстонцы, финны, иранцы, греки, корейцы и др. - начаты летом 1937 г. (<http://ru.wikipedia.org/Репрессии>)). Репрессии бурят (*Rurip*, 1964: 236–239) и антибурятская кампания в МНР также связана с «бурятской проблемой» в СССР, где осенью 1937 г. руководство БМ АССР объявлено «буржуазными националистами, панмонголистами и японской агентурой» и расстреляно. Была изменена административная структура БМ АССР, почти половина её территории передана в ведение Иркутской и Читинской обл. (*Лузянин*, 2003: 232–233). Несколькими годами ранее начались погромы и закрытие буддийских монастырей, незаконные аресты и судебное преследование буддийского духовенства в Бурят-Монголии и Калмыцкой обл. В 1937 г. в Ленинграде ликвидирована Тибетско-Монгольская миссия Агвана Доржиева, арестованы обитатели ламского общежития при Буддийском храме. В конце октября 1937 г. 85-летний А.Доржиев выехал в Бурятию, где был арестован 13/

XI/37 г., обвинен в руководстве «контрреволюционной, панмонголистской, террористической, повстанческо-диверсионной шпионской группой» и скончался в тюрьме 29 /I/38 г. (*Андреев*, 1998: 93–105).

24/XI/37 – в Ленинграде расстреляны П.И.Воробьев, М.И.Тубянский, Н.А.Невский,
20/XII/37 – В.А.Казакевич (Люди и судьбы, 2004; *Решетов*, 2012: 160–161).

- 523) Имеется в виду зимняя экспедиция Комитета наук МНР по Хангаю и Гоби (4/XI – 29/XII 1937 г.) с участием сотрудника с/х кабинета Санчжа, практиканта и сотрудника Музея (Дэндуб и Идамсурун). Задачи и результаты см. *Симуков А.* Отчет о работе экспедиции 1937 года // *Симуков*, 2008а: 541–548. Ход и условия экспедиции см. *Симуков А.* Путевые заметки по Хангаю и Гоби зимой 1937 года // Современная Монголия. 1938. № 2 (27). С. 69–75; то же: *Симуков*, 2008а: 549–557.

104

- 524) На пути возвращения экспедиции в Улан Батор; экспедиция продлилась более 2 месяцев отчасти вследствие снежных заносов и частых поломок машины.

106

- 525) Для характеристики обстановки в Монголии и в СССР в первой половине 1938 года необходимо упомянуть следующие события в указанных странах и в мире.

Монголия.

20/I/38 – по решению Монгольской комиссии при Политбюро ВКП(б) смета на строительство узкоколейки Улан Батор – Налайха (47 км) увеличена до 20 млн. руб. (В январе 1937 г. СНК СССР принял решение о строительстве ж/д, выделив дотацию 2,8 млн руб.). Движение открыто в 1938 г.

В 1938 г. продолжалась реализация программы экономической помощи Советского Союза МНР, в которую входило строительство кирпичного, известкового, цементного, механо-ремонтного заводов, научно-изыскательские проекты и др. Советские дотации МНР в 1938 г. составили 10 млн. тгр., не считая кредитования промышленных объектов. (*Лузянин*, 2003: 230–231). В 30-х г.г. СССР поставлял в МНР (под контролем наркома обороны СССР К.Е.Ворошилова) военную технику, вооружение, средства связи, обмундирование. В 1938 г. из СССР в Монголию отправлены боевые самолеты, артиллерийские боеприпасы, летнее обмундирование (Российский гос. военный архив, переписка, документы №21–23, сетевая версия (cikrf.ru/guns/docs/o-rgva.doc)).

Продолжается разгром монастырей и уничтожение буддийского духовенства. Из отчета советского полпреда в МНР М.И.Голубчика Москве в августе 1938 г.: «Высшая прослойка лам почти полностью истреблена... Из 771 храма и монастыря, существовавших ранее, по состоянию на 20 июля с.г. 615 превращены в прах. Ныне действуют 26 монастырей. Из 85,800 лам насчитывается на сегодня лишь 17,338. Избежавшие ареста ламы стали

мирянами...» (*Баабар*, 2010: 372). Закрыт Гандантэгченлин, объявленный в 1926 г. центром буддийской веры в МНР; исчезла статуя Мэгжид Жанрайсэг.

Ц.Дамдинсүрэн писал: «Две вины лежат на партийном и государственном руководстве, оторвавшемся от народа и пользовавшемся большими, чем в свое время феодалы, правами: 1) в 1937–1938 г.г. они истребили монгольскую интеллигенцию; 2) уничтожили традиционную монгольскую культуру – памятники и книги» (цит. по: *Яцковская*, 2002: 158).

Расширяются репрессии по национальному признаку, прежде всего антибурятская кампания, и не только. В послании отделу внутренней обороны Кобдосского аймака летом 1938 г. маршал Чойбалсан требует «подвергнуть аресту феодалов-казахов и всех казахов, бежавших из Советского союза». В ходе операции убито около 2 тыс. мужчин из 21 тысячи казахов в двух хошунах Западной Монголии. (*Баабар*, 2010: 374).

СССР – Китай.

Построена основная часть автотрассы («трасса Z») из СССР в Китай через Синьцзян (более 3000 км) для поставок Китаю советской военной техники, вооружения и боеприпасов (в т. ч. авиации, артиллерии и др.) по военным кредитам (250 млн. долларов в 1938–1939 г.г.) в рамках Договора о ненападении. В 1937–1938 г.г. по трассе было перевезено около 11 тыс. тонн различного вида вооружений. (*Батурин*, 2014: 323, 327–329).

Европа – Азия.

4/II/38 – Гитлер объявил себя верховным главнокомандующим Германии, Риббентроп стал министром иностранных дел.

12/III/38 – гитлеровские войска входят в Австрию («Аншлюс»).

12/V/38 – правительство Гитлера признало Манчжоу Го.

26/III/38 – в Японии принят закон о всеобщей мобилизации.

28/III/38 – Япония создает в Наньцзине марионеточное правительство Китайской республики.

СССР.

Продолжается шквал репрессий.

19/II/38 – в Ленинграде арестован Н.П.Горбунов (см. прим. 53, 113 к гл. III), расстрелян 7/IX/38, реабилитирован.

3/III/38 – в Алма-Ата арестован П.В.Всесвятский (см. прим. 16), расстрелян в октябре 1938, реабилитирован.

2–13/III/38 – в Москве прошел открытый судебный «процесс 21-го» над «участниками правотроцкистского антисоветского блока» (Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, Н.Крестинский, Х.Г.Раковский и др.). Н.И.Бухарин – член ЦК ВКП(б) (1917–1934), один из ведущих идеологов и экономистов-теоретиков партии, выступавший против ускоренной коллективизации за эволюционный путь развития, был исключен из партии, арестован и обвинен в «заговоре» в 1937 г., расстрелян вместе с другими подсудимыми «процесса 21-го» 15/III/38;

реабилитирован.

Активизируются репрессии по «национальным линиям» (см. прим. 522), количество жертв исчисляется уже сотнями тысяч. Идут аресты политэмигрантов, бежавших в Советский Союз после поражения революций в своих странах; к «подозрительным контингентам», подлежащим аресту, причислены перебежчики, бывшие военнопленные, получатели писем и посылок из-за рубежа, посетители иностранных посольств, участники эмигрантских и культурно-национальных движений и др.

Ширятся репрессии в РККА, направленные в первую очередь против командного состава высшего звена: зам. наркома обороны, командующих военными округами (ВО), флотами, комкоров, комдивов, комбригов, командного звена штабов и военно-учебных заведений. Идет усиленная чистка РККА по национальной линии.

8/VI – 24/VI/38 – Главный Военный Совет (ГВС) РККА постановил уволить командиров и политработников ряда национальностей (немцев, поляков, латышей и др.) из ОКДВА, затем из ЛВО и, наконец, «из приграничных военных округов», а также «передать всех офицеров этих национальностей, если на них имеются компрометирующие материалы, органам НКВД». В соответствии с этим постановлением был арестован (1941) и приговорен к расстрелу двоюродный брат А.Д.Симукова – Андрей Витальевич Миллер (1895–1979) – начальник отделения Ленинградского Красноармейского военного госпиталя, военврач I ранга (окончил Военно-медицинскую академию в 1917 г.). Расстрел заменен десятью годами лагеря (срочно и успешно прооперировал сына одного из тюремных начальников). Наказание отбывал в Норильлаге. С декабря 1941 г. работал по специальности, позднее заведывал инфекционным отделением в ЦБЛ. Реабилитирован (1957).

107

- 526) Имеется в виду экспедиция Ученого Комитета в западные аймаки (18/VIII – 31/XII/38) под научным руководством А.Д.Симукова, с участием Санча и Цэвэна (с/х кабинет), Гомбочжаба (фотокабинет), Дамбарабжа (Музей), Чулуна (МСЗ), Дэмбэрэла (Монголкино), художника Померанцева, шофера и повара. Полевая работа не входила в план работы Географического кабинета на 1938 год, однако «общая деятельность Ученого Комитета потребовала организации научной экспедиции», возможно, это было связано с «казахским вопросом» и обострением положения у западной и юго-западной границы МНР. Основные результаты экспедиции: «полное площадное освещение трех западных аймаков страны по всем вопросам сельского хозяйства» (кочевки, зимовки, хотоны, методы скотоводства и земледелия, хашаны, сенокосение, водоснабжение, машино-сенокосные станции (МСС), артели и др.). «Посещены все без исключения национальности и племена запада, причем изучение хозяйства проведено по каждой национальности, каждому племени отдельно», изучены их основные нужды и даны предложения по решению ряда национальных проблем, и по мероприятиям, необходимым для улучшения хозяйства и быта. Собраны важные для урегулирования межнациональных отношений сведения о родовом составе казахов и, частично, урянхов, дюрбетов и байтов, значительный этнографический

материал. Экспедиция предложила «иметь при аймачном управлении в Чжиргаланту письменного переводчика казахского языка и отвечать на письма и запросы из казахских сумунов по-казахски», а также «уделить особое внимание снабжению казахов товарами национального потребления».

Географически освещен «совершенно неизвестный до сего времени в литературе южный пограничный район Хобдосского аймака», «вчера закончено изучение малоизвестной юго-западной приграничной полосы, начатое в 1935 году».

«Получена полная картина распространения всех крупных и важнейших млекопитающих Западной Монголии», даны предложения по сохранению редких и вымирающих видов (лошадь Пржевальского, сайга) и рационализации охотничье-промыслового хозяйства, в том числе путем широкой организации заповедников и заказников.

На основании собранных в Хангае и в западных аймаках материалов по метеорологии экспедиция отметила медленное увлажнение климата за последнее десятилетие и предложила установить в Улангоме метеостанцию и организовать сеть снегомерных пунктов в Убсунурском аймаке.

Собраны сведения по уточнению границы между МНР и Синьцзяном, по положению на тувинской границе, по географии приграничной полосы.

«В течение всей экспедиции мною <А.Д.> велся общий дневник, куда записывались по возможности все наблюдения в пути. Дополнением к этому будут специальные заметки и записи товарищей, что в целом составит около 25 печатных листов». Дневник экспедиции 1938 г. до настоящего времени в архивах Монголии не обнаружен. Об экспедиции см. *Симуков А.* Краткий отчет о работе экспедиции Ученого Комитета в западные аймаки в 1938 году // *Симуков, 2008а: 558–560; Симуков А.Д.* Тезисы доклада о работах экспедиции Ученого Комитета 1938 года // *Симуков, 2008а: 561–573; Симуков А.Д.* Краткий отчет о работе Географического кабинета Ученого Комитета МНР за 1938 год // *Симуков, 2008б: 189–190.*

- 527) Имеется в виду обострение положения на восточной и южной границе Монголии и усиление конфликтов (более 30 крупных боевых столкновений) на советско-манчжурской границе после начала войны Японии с Китаем. Приказом наркома обороны СССР с 1/VII/38 ОКДВА (Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия) была реорганизована в ОКДФ (Особый Краснознаменный Дальневосточный Фронт) «в связи с возрастанием военной опасности».

12/VII/38 начался советско-японский конфликт в р-не оз. Хасан (на стыке границ СССР, Манчжурии и Кореи) (hrono.ru/1938/). После короткого периода ограниченного доступа к архивам в ряде публикаций поводом для конфликта назван один из этапов многоходовой провокации Сталина, осуществленный спецслужбами СССР. См. например: *Воронов, 2019: 06.14; Воронов, 2019: 06.15.*

19/VII/38 совершен налет на советское посольство в Токио. В начале августа закрыты все советские консульства в Японии и японские консульства в СССР (Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2. С. 222–226 (сетевая версия).

29/VII/38 в районе оз. Хасан начались тяжелые бои между японскими и советскими (под командованием маршала В.К.Блюхера (1889–1938) и комкора

Г.М.Штерна (1900–1941) войсками с участием пехотных дивизий, кавалерийских бригад, авиации, артиллерии, танковых частей. 11/VIII/38 по предложению японской стороны заключено перемирие; граница установлена по соглашению 1886 г.

- 528) В 1938 году Монгольская комиссия АН СССР не планировала экспедиций и направления специалистов в МНР в связи с активными военными действиями у восточных границ (*Юсупова*, 2006: 162) и обширными репрессиями, в том числе среди ученых разных профилей, исследовавших Монголию; см. также прим. 493.

109

- 529) Нижеперечисленные события могут дать представление о ситуации во второй половине 1938 года в Монголии, СССР и мире.

VIII/38 – полпредом СССР в МНР назначен М.И.Голубчик (см. прим. 495). В отчете Москве он высказался «за принятие решения о полном разгроме активной контрреволюционной части средней прослойки лам». Аресты и уничтожение лам пошли ускоренным темпом (*Баабар*, 2010: 372–373).

7/VIII/38 – М.И.Голубчик в письме к М.М.Литвинову (нарком иностранных дел СССР) доказывает необходимость удаления А.Амара из руководства МНР за «панмонголизм и враждебность делу социализма» и назначения премьер-министром маршала Чойбалсана (*Лузянин*, 2003: 235).

21/VIII/38 – на пост зам. наркома НКВД СССР назначен вместо М.П.Фриновского Л.П.Берия (ранее 1-ый секретарь ЦК ВКП(б) Грузии).

7/IX/38 – маршал Чойбалсан отбыл в Москву, где находился до конца января 1939 г.

25/XI/38 – Н.И.Ежов снят с поста наркома НКВД СССР.

Наркомом НКВД СССР стал Л.П.Берия.

Маршал Чойбалсан получил поддержку И.Сталина и Л.Берия по вопросу устранения А.Амара из руководства (*Лузянин*, 2003: 236); консультации с Берия, уточнение тактики по линии МВД (*Роцин*, 1999: 293).

11/XII/38 – переговоры маршала Чойбалсана в НКИД о дальнейшем развитии сотрудничества, по торгово-экономическим вопросам, в том числе о дотациях. Одновременно маршал заручился поддержкой советского руководства для утверждения «своих» людей на ключевых должностях (Минторгпром, Минкоопсоюз, Госторг и др.) (*Роцин*, 1999: 293; *Лузянин*, 2003: 236).

В конце 1938 г. Президиум АН СССР утвердил новый состав Монгольской Комиссии АН СССР. В него вошли: академики В.А.Обручев, В.В.Струве, А.А.Борисяк, С.Г.Струмилин, чл.-корр. Н.Н.Поппе, а также А.Я.Тугаринов, И.П.Рачковский, З.А.Лебедева, Я.Я.Лус, А.Амар, Л.Дэндэв, Г.И.Вайнштейн (*Юсупова*, 2006: 162).

В 1938 году в Монголии и в Советском Союзе сталинский террор продолжал сметать многие тысячи самых активных и работающих, самых способных и талантливых, запытывал, затапывал, пытался превратить в ничтожество, расстреливал, морил голодом и жаждой, вшами и гнусом, морозом и каторжной

работой. Скотоводы, земледельцы, духовенство, рабочие, торговцы, учителя и врачи, партийцы, военные, писатели и поэты, художники, деятели театра и кино, ученые, инженеры, исследователи-первопроходцы... Несть им числа. И в каждом – целый мир, неповторимый, невосполнимый.

«Хотелось бы всех поименно назвать...» (Ахматова А. Реквием).

Назовем хотя бы троих, арестованных в 1938 году.

Цэндийн Дамдинсүрэн (1908–1986) – из семьи потомственных скотоводов, в детстве обучился монгольскому письму у отца-писаря; в юности «уехал за семь уртонов от родных мест, чтобы не вступать в Союз молодежи», позднее «по совету деда» стал членом МНРП (1924), был делегатом V съезда партии от Хэнтэйского аймака, работал в Ревсомоле (1926–1929), возглавлял Центральный совет монгольских профсоюзов (1929–1930).

В 1929 г. стал членом кружка писателей (писать начал в ранней юности); работал в Бур.Учкоме (1931–1932) и Учкоме МНР (1932–1933), соавтор «Толкового словаря монгольского языка»; студент Института малых народов затем ИВ (1933–1938, Ленинград), в феврале 1938 г. отозван в Улан Батор.

Арестован 4/XI/38, выдержал 15 месяцев жестокого следствия, «вину» не признал, освобожден 27/I/40.

Сотрудник Учкома (1940–1942); главный редактор «Унэн» (1942–1945), одновременно занимался проблемами стиля старописьменного монгольского языка с целью приблизить его к современному разговорному.

Аспирант ИВ с 1946 г., к.ф.н. (1950), председатель Учкома (1950–1953), секретарь Союза писателей МНР (1953–1955), преподаватель МонГУ, директор (1959–1963), затем научный сотрудник Института языка и литературы АН МНР; академик АН МНР (1961), д.ф.н. (1972); трижды лауреат Государственной премии МНР, награжден орденами и медалями; член ряда международных и национальных ученых обществ.

Ц.Дамдинсүрэн внес неоценимый вклад в сохранение письменного наследия монголов и публикацию литературных памятников, в течение всей жизни разыскивал и собирал редкие рукописи и ксилографические издания, перевел на современный монгольский язык «Сокровенное сказание», опубликовал «Гэсэра», «Сто образцов монгольской литературы», «Жизнеописание Лунной кукушки» и др.; стал крупнейшим ученым с мировым именем (монголистика, историческая сравнительная филология, лингвистика), автор фундаментальных научных трудов, среди которых «Исторические корни Гэсэриады», «Обзор монгольской литературы» в 3-х томах (XIII-XIV в.в., XVII-XVIII в.в. и XIX в.); создатель новой орфографии, соавтор русско-монгольского и немецко-монгольского словарей; один из основоположников современной монгольской литературы и блестящий переводчик мировой классики. О нем см. Цэндийн Дамдинсүрэн. К 100-летию со дня рождения / сост. А.Цендина / М.: Вост. лит., 2008. С. 3–14).

3/V/38 – под Москвой арестован (вторично, после ссылки) великий поэт русского «Серебряного века» О.Э.Мандельштам (1891–1938); скончался 27/XII/38 в пересыльном лагере «Вторая речка» под Владивостоком (*Осип Мандельштам*. Полное собрание сочинений и писем в трех томах. *Приложение*. Летопись жизни

и творчества /сост. А.Г.Мец при участии С.В.Василенко, Л.М.Видгофа, Д.И.Зубарева, Е.И.Лубянской / М.: Прогресс-Плеяда, 2014. С. 497, 498, 502).

27/VI/38 – в СССР арестован молодой инженер Реактивного института С.П.Королев (1907–1966); на допросе получил перелом обеих челюстей (удар графином по лицу); выдержал 10 месяцев следствия и 8 месяцев Колымы; в марте 1940 г. водворен в ОКБ 29 НКВД («Туполевская шарага»), где был собран весь арестованный цвет советского самолетостроения. Освобожден (1944) в связи с данными о ракетном оружии в Германии. С августа 1946 – главный конструктор ОКБ-1 (ракетостроение); впоследствии – главный конструктор советских космических кораблей, под руководством которого был осуществлен запуск первого в мире спутника Земли (4/X/57) и первый полет человека в космос (12/IV/61).

С.П.Королев скончался в Москве 14/I/66 во время полостной операции. Официальная причина – «сердечная недостаточность». По мемуарам врачей – невозможность корректной интубации трахеи (для общей анестезии) из-за старого, нелеченного перелома обеих челюстей. О нем см.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Королев_Сергей_Павлович# ; см. также: http://www.lib.ru/MEMUARY/KERBER/tupolevskaya_sharaga.txt.

Европа – Азия.

12/VIII/38 – мобилизация в Германии.

29/IX/38–30/IX/38 – конференция в Мюнхене с участием премьер-министров Англии (Н.Чемберлен), Франции (Э.Даладье), Италии (Б.Муссолини) и рейхсканцлера Германии А.Гитлера, подписано соглашение о передаче Германии Судетской области Чехословакии (около 90% населения – немцы, развитая промышленность, в том числе военная, национал-сепаратистская судетско-немецкая партия, финансируемая Гитлером); мотивация, озвученная Гитлером – «спасти немецких собратьев, находящихся в ужасных условиях жизни»; официальная мотивация Англии и Франции – сохранение мира во всей Европе.

1–10/X/38 – Германия оккупирует Судеты.

9–14/XI/38 – «Хрустальная ночь» в Германии (включая Австрию и Судеты): массовые, хорошо скоординированные еврейские погромы (синагоги, жилые дома, магазины и другие предприятия), осуществленные штурмовиками (военнообразованные формирования национал-социалистической немецкой рабочей партии) и гражданскими лицами.

2/X/38 – Япония выходит из Лиги Наций.

10/X/38 – японские войска входят в Ханькоу, правительство Чан-Кайши перемещается в Чунцин.

25/X/38 – Япония захватывает Гуаньчжоу.

530) Ниже приведены события, характеризующие обстановку в Монголии, СССР и мире зимой и весной 1939 г.

Монголия.

22/1/39 – маршал Чойбалсан прибыл в Монголию из Москвы. По сфабрикованному «делу» о военной контрреволюционной организации в конце января – начале февраля были арестованы зам. военного министра Дамба, нач. запасов штаба МНРА Намсарай, зам.нач. ПУР Амор Сайхан, нач. ВВС МНРА Шагдыр Сурун, нач. штаба ВВС МНРА Мунко, командир и комиссар 1-й дивизии Тохтохо и Чойжил, командир и комиссар бронеполка Лхасурун и Пурво, комиссар бронедивизиона Дами, командир и комиссар полка связи Цаган Велик и Демид, нач. объединенного военного училища Дендып, секретарь Чойбалсана Баир Сайхан. Из арестованных выбрали показания о подготовке вооруженного выступления по распоряжению премьер-министра А.Амора (см. прим. 253).

21/II/39 – зам. полпреда СССР в МНР Скрипко отправляет Литвинову (наркоминдел СССР) санкционированный советским руководством и составленный совместно с Чойбалсаном конкретный сценарий отставки А.Амора.

7/III/39 – на заседании Президиума ЦК МНРП секретарь ЦК Лувсаншарав «разоблачил» А.Амора «как феодала, пролезшего в монгольское руководство, разваливавшего партию и правительство». А.Амор был выведен из состава ЦК МНРП и исключен из партии. В тот же день была созвана 22-я сессия Малого Хурала, на которой по предложению Х.Чойбалсана А.Амор был снят с поста премьер-министра. Сессия приняла постановление о «контрреволюционной деятельности» А.Амора. После закрытия заседания А.Амор был арестован, вскоре отправлен в СССР, где ему пришлось пережить долгое советское следствие, инсценировку суда и смертный приговор. По официальным данным А.Амор был расстрелян в октябре 1941 г.

22/III/39 – сессия Малого Хурала утвердила Х.Чойбалсана премьер-министром МНР с сохранением за ним должностей министра иностранных дел, министра внутренних дел и военного министра. (*Роцин*, 1999: 294; *Лузянин*, 2003: 237–238; http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/text/text_11.shtml).

В январе 1939 г. после смены правительства Японии усилилось напряжение на монголо-манчжурской и, одновременно, на советско-манчжурской границах. С января по март произошло более 30 пограничных конфликтов между вооруженными отрядами с монгольской и с манчжурской стороны.

СССР

10/1/39 – Шифрограмма секретаря ЦК ВКП(б) И.Сталина секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД: «.....ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия к арестованным в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. <...> ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 145–146 по данным сборника документов: Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 // М., 2006). Цит. по: <http://a-dyukov.livejournal.com/280975.html>.

10/I/39 – Приказ наркома НКВД «Об организации Особых конструкторских бюро» (см. прим. 25 к гл. II, прим. 529 к гл. IV).

Конец января 1939 г. – прошла всесоюзная перепись населения СССР. Официальные данные: 170,6 млн. чел., 33% - городское население. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

22/II/39 – Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила к расстрелу бывшего маршала СССР А.И.Егорова, бывшего Генерального секретаря ЦК РКСМ А.В.Косарева, бывшего 1-го секретаря ЦК КП(б) Украины С.В.Косиора и др. Реабилитированы в 1956 г.

10/III - 21/III/39 – XVIII съезд ВКП(б), отчет Сталина, утверждение плана III-й пятилетки.

17/III/39 – ликвидирована Монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), выполнявшая функции главного координатора и исполнителя советской политики в Монголии. Решение вопросов по МНР передается в различные министерства и ведомства (фактически – попытка сделать МНР частью советского государственного механизма). Это лишает НКВД СССР приоритетного положения в МНР, сохраняя за ним формальное право общего контроля за деятельностью министерств и ведомств в МНР (*Юсупова*, 2006: 163; *Лузянин*, 2003: 238).

6/IV/39 – арестован нарком ВМФ СССР, ранее – зам. наркома НКВД М.П.Фриновский (см. прим. 496).

10/IV/39 – арестован Н.И.Ежов, бывший нарком НКВД СССР.

3/V/39 – отставка М.М.Литвинова. Наркомом Иностранных Дел СССР стал В.М.Молотов.

Азия – Европа.

Середина февраля – в Китай прибыло 712 советских летчиков и авиамехаников. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

27/II/39 – Великобритания и Франция признали правительство генерала Франко в Испании. В конце марта его признали Скандинавские страны и США.

15/III/39 – Германия оккупирует Богемию и Моравию (Чехия).

28/III/39 – войска генерала Франко заняли Мадрид и Валенсию. В гражданской войне в Испании (1936 - март 1939) с обеих сторон погибло 280 тыс. чел. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

7/IV/39 – итальянские войска оккупируют Албанию.

17/IV/39 – СССР предлагает Великобритании и Франции начать тройственные переговоры о создании военно-политического союза против гитлеровской Германии (*Солонин*, 2019: 09.02).

17/V/39 – Швеция, Норвегия и Финляндия отвергли предложение Германии о заключении совместного Пакта о ненападении. Дания, Эстония и Латвия ответили согласием. (http://www.hrono.ru/1939_.php).

- 531) Видимо, предполагалась поездка для осуществления планов, высказанных председателем Комитета наук МНР Л.Дэндэвом (см. прим. 252) в письме к президенту АН СССР, председателю Монгольской комиссии АН СССР академику В.Л.Комарову (15/IX/38): «... в реализации своих различных исследований

Комитет нуждается в постоянных советах и помощи со стороны АН СССР, прошу Вас, уважаемый Владимир Леонтьевич, оказать содействие в установлении прямых связей с вашими подведомственными учреждениями и учеными». (Цит. по: Чулуун С. Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. / Ред.-сост. С.Чулуун, Т.И.Юсупова / Уланбатор: Адмон, 2012. С. 26.).

- 532) Возможно, поездки в Гоби планировались в связи с организацией работ по сенокосению: «Широкое использование дэрисунных зарослей под сенокос может не только обеспечить гобийский скот подкормом в тяжелый зимне-весенний период, но и дать значительное количество вполне пригодного сена для пограничных воинских частей, получающих сейчас фураж из весьма отдаленных глубинных районов страны» (см. Симуков А. Докладная записка об организационных работах по сенокосению в Гоби // Труды, 2008. Т. 3(2). С. 143–147).
- 533) В первой декаде мая 1939 г. нарушение монголо-манчжурской границы в районе Халхин-Гола японо-манчжурскими отрядами было поддержано японской авиацией и переросло в крупный вооруженный конфликт. Все население Монголии, в том числе и А.Д.Симуков, оказалось на военном положении.

Знания и многолетний опыт работы в области географии и картографии Монголии делали практически неизбежной востребованность А.Д.Симукова в этой ситуации (см. также примечания 176, 369, 438). В его кратких записках к членам семьи в Москве летом 1939 г. нет ни слова о войне (цензура!). Однако ряд моментов позволяет считать, что А.Д.Симукову пришлось иметь отношение к событиям на Халхин-Голе и побывать в районе боев.

111

- 534) См. прим. 533.
- 535) Писатели Славин, Лапин, Хацревин (см. прим. 346, 344, 345) были направлены в начале июня 1939 г. на Халхин-Гол военными корреспондентами. Полковой комиссар Д.Ортенберг, главный редактор газеты «Героическая красноармейская», редакция которой находилась в зоне боевых действий на Халхин-Голе, вспоминает: «Поездом писатели добрались до Улан-Удэ. Отсюда – машиной через границу до ближайшей авиабазы. Предъявили командировочное предписание, и в их распоряжение выделили два легких самолета. ... Наконец, прибыли в полотняный городок нашей газеты» (Ортенберг Д. Лев Славин // Время не властно/ 2-е изд./М., 1979. С. 351.) После окончания наземных боев Славин, Лапин, Хацревин 11–12 сентября были откомандированы из редакции на Халхин-Голе и через Улан-Батор вернулись на самолете в Москву (см. Симонов К. Далекое на востоке. Халхин-гольские записки (<http://militera.lib.ru/prose/russian/simonov6/01.html>)).

Из вышесказанного следует, что летом 1939 г. до 2/VIII (дата письма) А.Д.Симуков мог встретиться со Славиным, Лапиным и Хацревиным только в зоне боев на Халхин-Голе.

112

- 536) Намек на экстремальные условия работы (см. прим. 533), в том числе, возможно, и на Халхин-Голе. Ни в одной экспедиции, как бы трудна, опасна и длительна она ни была, А.Д.Симуков не жаловался на усталость.
- 537) По-видимому, поездки в Хангай и Гоби были связаны с организационными работами по обеспечению действующих войск фуражом (см. прим. 532), а возможно, и продовольствием. В составе МНРА на Халхин-Голе, вместе с другими видами войск действовали несколько кавалерийских дивизий (см. *Приложение IV-1*).
- 538) См. прим. 399.

113

- 539) Перечисленные ниже события могут дать представление о ситуации в Монголии, СССР и мире летом и осенью 1939 года.

Монголия

11/V – 15/IX/39 – необъявленная война у монголо-манчжурской границы в районе Халхин гола закончилась победой монголо-советских войск.

15/IX/39 – по просьбе японского правительства подписано соглашение между СССР, МНР и Японией о прекращении военных действий.

16/IX/39 – боевые действия прекращены.

19/IX/39 – Полпредом СССР в МНР стал майор госбезопасности И.А.Иванов (1906–1948), прибывший в Монголию 3/VI/39 по распоряжению наркома НКВД СССР Л.П.Берия. Официальный послужной список И.А.Иванова, члена ВКП(б) с 1926 года, включает работу секретарем Себежского уездного комитета ВЛКСМ (до 1929 г.), службу в РККА (1929–1938), посты полпреда в МНР (19/IX/39–9/V/41), Чрезвычайного и Полномочного Посланника СССР в МНР (9/V/41–9/X/47), Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Афганистане (27/V/48–11/VII/48); орден Ленина за Халхин-Гол, звание генерал-майора и орден Красной Звезды (4/II/43) ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Иванов,_Иван_Алексеевич_\(дипломат\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Иванов,_Иван_Алексеевич_(дипломат))); <http://russiamilitaria.ru/lofiversion/index.php/t23453.html>).

По другим публикациям: 25/X/38–9/XI/38 начальник отделения ОО ГУГБ НКВД ст. лейтенант ГБ И.А.Иванов провел 11 допросов (частично совместно с Берия) маршала В.К.Блюхера (см. прим. 527). По окончании (или во время?) последнего допроса маршал В.К.Блюхер скончался. (*Мартыросян А.Б.* 100 мифов о Берии. Вдохновитель репрессий или талантливый организатор? 1917–1941//

http://book-online.com.ua/show_book.php?book=2213. С. 52–54;

http://www.e-reading.club/chapter.php/144040/52/Velikanov_Izmena_marshalov.html).

В июле 1948 г. И.А.Иванов был отозван из Афганистана в Москву, где умер после вакцинации, необходимой перед отъездом к месту нового назначения (устное сообщение члена семьи).

Европа – СССР

10/VIII/39 – после 4-х месяцев трехсторонних политических консультаций (с 17/IV) в Москве начаты переговоры военных миссий СССР, Великобритании и

Франции с целью подписания военной конвенции для организации обороны против агрессии в Европе. На этом этапе было впервые озвучено основное (и заведомо невыполнимое) требование СССР – пропуск частей Красной Армии через территорию Польши и Румынии. 21/VIII/39 переговоры прерваны. Польское правительство отказалось сотрудничать с СССР. 25/VIII/39 (после подписания Договора о ненападении с Германией) советская сторона заявила, что в изменившейся ситуации военные переговоры «теряют всякий смысл»; переговоры прекращены. (Солонин, 2019: 09.02); (http://newsruss.ru/doc/index.php/Московские_переговоры_между_СССР,_Великобританией_и_Францией).

19/VIII/39 – заключено торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией. Германия предоставляла СССР кредит на 200 млн. германских марок с обязательством поставок в счет кредита военной техники, промышленного оборудования, полуфабрикатов и сортового угля. СССР обязался погасить кредит поставками сырья (руды различных металлов, нефть, нефтепродукты), с/х товаров (главным образом зерно), леса, золота и платины. ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Советско-германские_соглашения_\(1939\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Советско-германские_соглашения_(1939)); hatyn-books.ru/archive/year/God_krizisa_1t_2t.htm#103doc).

23/VIII/39 – в Москве подписан Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом («пакт Молотова – Риббентропа») и прилагаемый к нему секретный протокол о разграничении в Восточной Европе «сфер влияния» СССР (восточные области Польши, Латвия, Эстония, Финляндия, Бессарабия) и Германии (западная Польша и Литва). (https://ru.wikipedia.org/wiki/Договор_о_ненападении_между_Германией_и_Советским_Союзом ; <http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/pakt.php#back>).

Япония

Июль 1939 г. – заключено англо-японское соглашение, что обеспечило Японии невмешательство Великобритании в китайские дела. (Лузянин, 2003: 240–241).

25/VIII/39 – правительство Японии заявило Германии протест в связи с заключением советско-германского договора, расценив его как денонсацию Антикоминтерновского пакта. Возникшая ситуация потребовала полного изменения ориентации и стратегии внешней политики Японии.

28/VIII/39 – правительства К.Хиранумы (сторонника совместной японо-германской войны против СССР) вынуждено уйти в отставку.

30/VIII/39 – в Японии сформировано новое правительство во главе с генералом Н.Абэ (сторонником южного стратегического направления). 13/IV/41 – заключен советско-японский пакт о нейтралитете. (<http://www.e-reading.club/chapter.php/147136/5/> ; https://ru.wikipedia.org/wiki/Договор_о_ненападении_между_Германией_и_Советским_Союзом).

Европа – СССР (2).

31/VIII/39 – внеочередная сессия Верховного Совета СССР ратифицировала советско-германский пакт.

25/VIII/39 – в Лондоне заключен договор о взаимопомощи между Великобританией и Польшей. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

1/IX/39 – войска Германии вторглись в Польшу. Этот день принято считать

началом II-й Мировой войны.

3/IX/39 – Англия, Франция, Австралия и Новая Зеландия объявляют Германии войну. В Англии формируется военное правительство во главе с первым лордом Адмиралтейства У.Черчиллем. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

16/IX/39 – Приказом НКО СССР сформирована Мурманская армейская группа (14-я армия), поставленная задача: развернуть силы на границе с Финляндией к 1/X/39.

(Солонин М.С. 25 июня. Глупость или агрессия? <http://www.litmir.info/br/?b=137614&p=45>).

17/IX/39 – Указ Верховного Совета СССР о введении всеобщей воинской повинности. НКО объявил большие учебные сборы. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

17/IX/39 – «Советский Союз в одностороннем порядке разорвал Договор о ненападении, заключенный 25 июля 1932 года между СССР и Польшей, и огромными силами <...> (618 тыс. человек и 4733 танка) нанес удар в спину польской армии, сражавшейся в это время против германского вермахта. <...> предлог для оправдания этого вероломного нападения» был озвучен В.М.Молотовым 17 сентября по радио: «...Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям украинцам и братьям белорусам, населяющим Польшу...». (Солонин М.С. 25 июня. Глупость или агрессия? <http://www.litmir.info/br/?b=137614&p=45>).

28/IX/39 – польская армия прекратила сопротивление. Германия и Советский Союз подписали Договор о дружбе и границе, завершив раздел Польши. В состав СССР вошли восточные польские области, обозначаемые отныне как «Западная Украина» и «Западная Белоруссия».

28/IX/39 – в Москве подписан Договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией.

5/X/39 – подписан Договор о взаимопомощи между СССР и Латвией.

10/X/39 – подписан Договор о взаимопомощи между СССР и Литвой.

«Во всех трех случаях «взаимопомощь» предполагала размещение на территории прибалтийских государств советских воинских контингентов, примерно равных по численности армиям этих государств» (Солонин М.С. 25 июня. Глупость или агрессия? <http://www.litmir.info/br/?b=137614&p=45> ; https://ru.wikipedia.org/wiki/Договор_о_ненападении_между_Германией_и_Советским_Союзом).

8/X/39 – Германия объявляет о включении в её состав Силезии и Померании.

8/X/39–20/X/39 – переговоры СССР и Финляндии; «финская сторона согласилась предоставить СССР ряд мелких островов и отодвинуть свои границы на 10 км от Ленинграда» (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml). На все остальные предложения Советского Союза Финляндия ответила отказом.

15/XI – 25/XI/39 – СССР завершил подготовку к вторжению в Финляндию: помимо 14-й армии только на Карельском перешейке, в Приладожской и Северной Карелии сосредоточено 17 стрелковых дивизий, 6 танковых и моторизованных бригад.

17/XI/39 – приказ НКО с задачей войскам «закончить сосредоточение и быть готовым к решительному наступлению».

21/XI/39 – Приказом Военного Совета ЛВО поставлены конкретные боевые

задачи армиям и флотам. «Срок начала операции будет указан дополнительно». (Солонин М.С. 25 июня. Глупость или агрессия? <http://www.litmir.info/br/?b=137614&p=45>).

26/XI/39 – прозвучали провокационные выстрелы у населенного пункта Майнила на советско-финской границе. Нота протеста НКВД СССР вручена послу Финляндии.

30/XI/39 – советские войска вторглись в Финляндию.

14/XII/39 – Советский Союз исключен из Лиги Наций как страна, проводящая агрессивную политику. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

СССР

11/IX/39 – циркуляр НКВД с предписанием начальникам лагерей организовать охрану ИТЛ из числа заключенных, совершивших бытовые преступления, для замены стрелков ВОХР, призванных в армию.

19/IX/39 – в НКВД создано Управление по делам военнопленных и интернированных граждан (УПВИ).

19/IX/39 – приказ наркома НКВД об организации приемных пунктов и лагерей для военнопленных на территории УССР и БССР; охрана – конвойные войска НКВД.

После 28/IX/39 – в советском плену оказалось более 450 тыс. польских солдат и офицеров (по официальным данным); кроме того на захваченной территории были интернированы польские полицейские, таможенники, пограничники и гражданская администрация. НКВД провело «чистку» на территории «Западной Украины и Западной Белоруссии»: аресту подверглись бывшие помещики, члены националистических групп, «антисоциальный элемент». (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

«После «освободительного похода» Красной Армии 1939 г. только в Архангельскую область было депортировано 56371 польских граждан, 10344 высланных были из Львовской области» (Дойков Ю. Свеча горит... Немецкие тени в архангельском Гулаге (1920–2010) / Архангельск, 2010. С. 129 (сетевая версия).

3/X/39 – приказ НКВД об освобождении из лагерей военнопленных рядового и унтер-офицерского состава бывшей польской армии; по официальным данным освобождено 42400 человек, немецкой стороне передано 42492 военнопленных – уроженцев Западной Польши. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

114

540) См. документ IV 115.

541) Ольга Яковлевна Пейкер (см. прим. 18 к гл. I).

542) Александра Григорьевна Бендрикова (1935 г.р.), кузина Н.Я.Симуковой, дочь Шуры, сестры М.А.Симуковой (см. прим. 205), впоследствии окончила МГУ, физик.

543) Федосья Макаровна Алексеенко (см. прим. 76).

544) В сентябре 1939 г. М.А.Симукова работала в Штатном управлении НКФ СССР. Её сотрудники хорошо знали Наташу, т. к. многие из них (и М.А.Симукова в том числе) периодически должны были продолжать работу вечером и ночью. (Предпочитая работать ночью, И.В.Сталин оставлял на рабочих местах необходимых наркомов, а те, выборочно, начальников управлений и сотрудников).

Если нельзя было оставить дочь на ночь в детском саду, М.А.Симукова забирала её на работу. После «отбоя сверху» ночевать уходили в коммуналки к живущим поблизости коллегам или, если метро ещё работало, к родственникам.

115

- 545) Оригинал записки не сохранился. Публикуется копия (карандаш), снятая адресатом в сентябре 1939 года.